Максим Кирчанов

РУРИТАНИЯ VS МЕГАЛОМАНИЯ: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке

(литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях)

Воронеж
«НАУЧНАЯ КНИГА»
2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
К 436

Рецензенты:
доктор политологии, доц. ***Валентин Павлов Петрусенко*** (Пловдивский Университет «Паисий Хилиндарский», Пловдив, Болгария)
к.и.н., преп. ***И.В. Форет*** (Воронежский государственный университет)

Кирчанов М.В. Руритания vs Мегаломания: политический национализм и националистическое воображение в Бразилии в XX веке (литература и идентичность в социальных трансформациях и модернизациях) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2009. – 183 с.

В центре настоящего исследования – проблемы, связанные с национализмом и идентичностью в Бразилии XX столетия. Автор анализирует политические практики и социальные процессы в их литературном отражении. Литература на протяжении XX века была сферой развития, конструирования и функционирования различных идентичностей. Литературные тексты формировали не только культурный, но и политический дискурс. Литературные нарративы могли играть центральную, консолидирующую и конструирующую, роль в формировании идентичностей – политических, культурных, социальных, гендерных. Литературные тексты активно использовались для легитимации и / или отрицания политических режимов, состояний и процессов.

Бразилия – модернизация – политический и гражданский национализм – идентичности – протест и лояльность – гендер – феминизм – маскулинная культура – социальные роли и культурная коммуникация – интеллектуальные сообщества – фрагментация культурного, политического и интеллектуального пространства – левые и правые культурные и политические тренды – культурные и интеллектуальные маргиналы и аутсайдеры

УДК 316 (323.1) / 130.2 (316.7)
ББК 66.1 (66.5) / 83.3
К 436

ISBN 978-5-98222-487-3

© М.В. Кирчанов, 2009
© «Научная книга», 2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Maksym W. Kyrchanoff

RURITANIA VS MEGALOMANIA: POLITICAL NATIONALISM AND NATIONALISTIC IMAGINATION IN THE 20TH CENTURY BRAZIL

(LITERATURE AND IDENTITY IN SOCIAL TRANSFORMATIONS AND MODERNIZATIONS)

Voronezh
"Nauchnaia kniga"
2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Maksym W. Kyrchanoff, Ruritania vs Megalomania: political nationalism and nationalistic imagination in the 20th century Brazil (literature and identity in social transformations and modernizations) / Maksym W. Kyrchanoff. – Voronezh: “Nauchnaia kniga”, 2009. – 183 p.

Brazil – modernization – political and civil nationalism – identity – protest and loyalty – gender – feminism – musculine culture – social roles – cultural communication – Intellectual communities – fragmentation of cultural, political, and intellectual landscape – left and right cultural and political trends – cultural and intellectual marginals and outsiders

© Maksym W. Kyrchanoff, 2009
© «Nauchnaia kniga», 2009

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

СОДЕРЖАНИЕ

Введение:
национализм, литература и модернизация

1. Литературный (counter)text в политическом [кон]тексте: тексты как сфера доминирования политического 8
2. Теоретические проблемы изучения бразильской модернизации в контексте развития литературы и интеллектуального сообщества 15
3. Геллнер, Андерсон и национализм: к проблеме применения теорий национализма для изучения Бразилии 22

(Пост)модернизм в Бразилии:
традиции и новации

1. Негры, индейцы и женщины как «чужие»: проблемы генезиса бразильского модернизма 35
2. Женщины как бразильянки, негры и иммигранты как потенциальные бразильцы: проблемы интеллектуальной истории раннего бразильского модернизма 40
3. Бразильский модернизм: культурная биография и / или интеллектуальный диагноз бразильской модернизации 44

(Не)завершенная модернизация:
контексты бразильской модернизации в
прозе Афонсу Шмидта

1. Негры, раса и республика: проблемы политической идентичности в литературном дискурсе Бразилии 1940-х годов 53
2. Преступление по-бразильски: Сан-Паулу и его обитатели между «захудалым кинотеатром и жилым домом» 61
3. Бразильские истории обыкновенного безумия: город, общество и разрушающаяся индивидуальность 66

(Не)лояльная периферия:
свое и чужое в политическом и социальном протесте

1. «Все это кончится революцией»: социальные фобии бразильской периферии 1920 – 1930-х годов 70
2. Раса, femina и насилие: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов 79
3. «Капелла дос оменс» как «участок памяти»: традиционное и современное в литературном дискурсе Бразилии 1970-х годов 88

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Руритания vs Мегаломания:
социальные, культурные и сексуальные трансформации
бразильской периферии

1. «Чужие» и «другие»: проблема интеграции (не)бразильцев в бразильское общество 96
2. «Полные идиотки, пресловутые лесбиянки»: социальная депрессия и освобожденный гендер в творчестве Лижии Фагундес Теллес 101
3. Полковники и святые: бразильская периферия между вызовами традиции и политическими переменами 106
4. «Родина представляет собой жалкое зрелище»: бразильская периферия, гендер и социальные перемены 113

Европейские сообщества в Бразилии:
итальянцы, испанцы, евреи между вызовами
ассимиляции и изоляции

1. «Бразилия переживала ужасные годы»: от европейского анархизма к советскому коммунизму (проблемы интеллектуальной биографии бразильского рабочего класса в текстах Далсидиу Журандира) 121
2. «Нам повезло, что мы живем в Бразилии»: евреи-кентавры и проблемы конструирования идентичности в бразильской литературе 131
3. Город и гендер вне контекста: проблемы незавершенной модернизации и неразрушенной традиционности в прозе Клариссе Лиспектор 139
4. «Грязные итальянцы» и «проклятые итальяшки»: проблемы истории итальянского сообщества в Бразилии в дискурсе массовой культуры (на примере текстов Марии Леоноры Соареш) 146

Заключение 153

Библиография 158

Сокращения 183

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

A colonização do Brasil fez-se da periferia para o centro:
a sua nacionalização faz-se do centro para a periferia
Olavo Bilac

Garoa de meu São Paulo,
– Timbre triste de martírios –
Um negro vem vindo, é branco
Só bem perto fica negro,
Passa e torna a ficar branco
Mário de Andrade

A nação, em seus diferentes e múltiplos aspectos,
pode ser vista como uma longa narrativa
Octavio Ianni

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ВВЕДЕНИЕ: НАЦИОНАЛИЗМ, ЛИТЕРАТУРА И МОДЕРНИЗАЦИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ (COUNTER)TEXT В ПОЛИТИЧЕСКОМ [КОН]ТЕКСТЕ: ТЕКТЫ КАК СФЕРА ДОМИНИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО

На протяжении 1990 – 2000-х годов российская гуманистика пребывала в состоянии внутреннего кризиса, вызванного изменениями роли существующих научных институтов и пересмотром идеологического фактора при проведении гуманитарных исследований. Современная российская политология пребывает в состоянии глубокого методологического кризиса, вызванного отсутствием национальных школ проведения политологических исследований и тем, что значительная часть политологической продукции, которая выходит на европейских языках остается незнакомой или недоступной для российских политологов, особенно – в региональных университетах. Исследовательское сообщество в современной России в значительной степени фрагментировано как по политическому, так и методологическому принципу.

Эта фрагментированность и незавершенность формирования исследовательской культуры в наибольшей степени заметна в провинциальных и региональных университетах, в рамках которых гуманитарные кафедры и факультеты условно могут быть разделены на две группы. К первой относятся те, которые существовали до 1991 года. Ко второй – относительно новые структурные подразделения, связанные с изучением политических наук, науки международных отношений и региональными исследованиями. В большинстве провинциальных университетов подобные структурные подразделения сформировались на базе исторических факультетов. Поэтому со стороны историков к политологам, международникам и регионоведам нередко существует предвзятое отношение.

Историки-ортодоксы склонны видеть в политологах недоученных историков, в то время как сами политологи от столь радикальных оценок в отношении своих коллег-историков далеки. Сторонники ортодоксальной историографии настаивают на том, что политическая наука не обладает собственным методологическим аппаратом и инструментарием. Подобная точка зрения возникла в результате того, что большинство провинциальных исторических факультетов в научном плане развиваются по инерции, унаследованной от советской эпохи, используя методы старой нормативной и описательной историографии. Используя преимущественно советский инструментарий, историки-ортодоксы крайне негативно восприни-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

мают попытки применения западных методик и практик гуманитарного исследования.

Это выражается в стремлении замкнуться исключительно на событийной стороне истории, пресекая междисциплинарный синтез по причине того, что он подрывает методологические основы и устои нормативной историографии. При этом в современной российской гуманистике неоднократно высказывалось мнение, что «интердисциплинарность представляет собой неотъемлемую характеристику современного социо-гуманитарного знания»[1]. Историки-ортодоксы полагают, что изучение литературных текстов возможно исключительно в рамках исследований, посвященных истории литературы. Подобная ситуация в современной российской историографии возникла в результате того, что в рамках ее предшественницы – советской исторической науки и обществознания (советского аналога западной политологии) – доминировала т.н. эссенциалистская традиция.

Советский тип гуманитарного знания был эссенциалистским. Для советских исследователей первостепенное значение имели проблемы, связанные с «реальной» стороной истории и политической современности. Появление новых переводных и оригинальных исследований привело к кризису эссенциалистской модели знания. Традиционное для советской модели описание факта и процесса в силу различных причин и обстоятельств не было окончательно вытеснено разнообразием интерпретаций. В настоящем разделе автор предпримет попытку показать, что изучение литературных текстов продуктивно не только в рамках литературоведения, но и как часть политических исследований. Литературные тексты являются важными нарративными источниками не только для профессиональных исследователей литературы, но и для политологов.

Действительно, где проходит граница сферы политического? В 1995 году Ю.Л. Бессмертный, анализируя постмодернистские подходы в гуманитарных науках, указывал на то, что некоторые западные авторы склонны интерпретировать прошлое (историческое, политическое и культурное) как «некий текст». Именно поэтому, Ю.Л. Бессмертный указывал на необходимость «научиться читать его правильно»[2]. С другой стороны, доминирование нормативной модели гуманитарного знания в России отодвигает освоение текста на неопределенную перспективу. Джэфф Эли в свое время высказал весьма интересное соображение о том, что современное гуманитарное сообщество напоминает поезд[3], в котором находятся две группы пассажиров.

Попытаемся применить это сравнение к современной российской гуманистике, в том числе – и политологии. Первая группа – это меньшинство, которое составляют сторонники радикальных методологических перемен. Вторая группа – большинство, которое получило образование, защитили диссертации и сформировались как исследователи до 1991 года. Новые теории их вовсе не интересуют или интересуют в контексте кри-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

тики негативного западного влияния. В этой ситуации методологические новации вытесняются за пределы официального научного дискурса, а историки, составляющие едва ли не большинство гуманитариев в провинциальных университетах и тем более историки-ортодоксы, крайне негативно воспринимают вторжение в сферу исторического знания политологов[4], социологов, антропологов и культурологов, отрицая, тем самым, возможность создания синтетического гуманитарного знания.

Значительное число гуманитарных публикаций, в том числе – и по политологии, которые выходят в современной России, принадлежат к т.н. нормативной историографии[5]. Нормативная *историография* – это удел не только историков, но и некоторых политологов и литературоведов[6]. В рамках этого тренда научное знание деградирует, трансформируясь в нормативную модель «знания», в рамках которой доминирует описание и спекуляция над работами предшественников, но не попытка познания и анализа. Нормативная историография представляет собой трансформацию и модификацию поздней советской традиции написания и описания истории, политических и литературных процессов. Она отличается внешним декларативным разрывом с советской марксистско-ленинской методологией при почти полном сохранении старого методологического инструментария.

Сторонники нормативной историографии сводят политические исследования к механической смене дат, чередованию событий и перечислению фактов. Нормативная историография – позднейшее издание советской историографии, или – «облегченная» советская историография. Нормативная историография обладает массой недостатков. В отличие от современного гуманитарного знания, которое стремится выстраивать новые интерпретации исторических и политических процессов в условиях среды, учитывающей не только внешние условия протекания событий, но и уделяющей внимание проблемам «культурно-исторической ситуации»[7], в политологических исследованиях, выдержанных в рамках нормативной традиции, отсутствует именно эта «ситуация»: вместо нее доминирует особый норматив описания событий.

Слабыми сторонами некоторых отечественных работ по политическим наукам нередко является стремление авторов охватить максимальное число проблем и исключительная интерпретация их в контексте современности, что, вероятно, унаследовано российской политической наукой от советского обществоведения / обществознания. Иными словами, как бы политическая проблематика не анализировалась – вывод известен в виду того, что исследователь обречен воспроизводить результаты предыдущих поколений исследователей, сочетая их с условиями политической и идеологической (как правило, левой) конъюнктуры.

Сторонники нормативной историографии предпочли не заметить тех радикальных методологических перемен, которые после 1991 года произошли в испориеописании и историонаписании. Современные гуманитар-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ные исследования, как справедливо указывает Г. Иггерс, должны базироваться на «разнообразии интерпретаций»[8]. Отечественные исследователи С.И. Маловичко и Т.А. Булыгина полагают, что «новая историческая культура плюралистична, она признает многообразие исследовательских приемов и методологических подходов»[9]. Именно поэтому на смену описательным методам в политологии должны прийти работы, где традиционная схема событийного и процессуального описания «сменяется “историей – проблемой”»[10].

Мы можем попытаться преодолеть подобные кризисные тенденции, расширив число изучаемых в рамках политических исследований проблем, обратившись к текстам как сфере доминирования политического. Нередко литературный текст четко соотносится с теми или иными политическими трендами в рамках существования и функционирования политического режима. Какую роль подобные тексты играют при написании политологических исследований? В России – минимальную, на Западе – одну из важнейших. Российская и западная политологии базируются на различных методологических основах, что проявляется в частности в игнорировании литературного текста в качестве источника и в его широком применении западными авторами. В ряде случаев литература – это канал для выражения оппозиционных и / или протестных идей и настроений[11]. В таком случае обращение к литературным источникам может сыграть позитивную роль в расширении наших представлений относительно интеллектуальной обусловленности, большого культурного и интеллектуального бэк-граунда политических процессов. Вероятно, сосредоточенность и сфокусированность на отдельных источниках, на микро(историческом)политическом анализе открывает новые перспективы для изучения текстов не просто как литературных произведений, а именно как текстов, которые содержат возможность выхода на различные дискурсы существования и функционирования общества – на политические, интеллектуальные, культурные[12].

Вероятно, отечественной политологии (где интерес к текстам заметен только на уровне истории политической мысли и политологии как науки) не хватает именно текстуального и нарративного анализа. С другой стороны, западный научный дискурс на протяжении XX века развивался в условиях доминирования тенденций сближения между различными сферами гуманитарного знания, что создало благоприятные условия для развития междисциплинарного синтеза, который, проявляется, например в таком направлении как «культурные исследования»[13]. Не следует принимать западные «культурные исследования» как аналог российской культурологии, точнее – российская культурология не имеет почти ничего общего с европейскими и американскими культурными исследованиями.

Культурные исследования – междисциплинарная отрасль знания об обществе и человеке, основанная на интеграции методов различных гуманитарных наук, среди которых наиболее важными являются политология,

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

культурология, политическая экономия, интеллектуальная история[14]. В научный дискурс культурных исследований интегрированы методы, применение и сфера которых четко соотносится с антропологией, литературоведением, политической историей, философией, а так же – музееведением, искусствоведением, киноведением, театроведением. В рамках западного научного дискурса создано немало исследований, где литературные тексты анализируются как культурный и интеллектуальный бэк-граунд политического[15]. Тот инструментарий, который используется для изучения текстов европейскими и американскими авторами, может оказаться полезным для проведения политических исследований в России. Вероятно, в настоящем разделе[16] не следует подробно останавливаться на том, как и насколько в теоретическом плане литературные тексты продуктивны для проведения политологического исследования.

Ограничимся несколькими теоретическими замечаниями относительно важности использования литературных текстов в политических исследованиях. Литература, литературные тексты нередко являются той сферой, которая формирует национальную и, как результат, политическую идентичность. Выработка политической идентичности связана и с появлением политической лояльности. Варианты политической / национальной идентичности / лояльности апробируются не только в рамках политических процессов – их присутствие в политике было бы невозможно, если не были бы выработаны литературные стратегии политического и национального поведения. Именно литература является одним из тех каналов, который формирует образ чужого, что оказывает непосредственное влияние на развитие политических имиджей / образов отдельных групп / сообществ, которые являются непосредственными акторами политических процессов.

Кроме этого следует принимать во внимание, что особую политическую роль литературные тексты играют в рамках недемократических политических режимов или домодерных государствах, конструируя лояльность или оппозиционность. В ряде случаев дискурс политического из сферы политики может быть перемещен в литературу[17]. В этой ситуации за политическими стратегиями могут стоять литературные тексты, изучение которых в рамках политических исследований может существенно расширить границы современного российского политологического дискурса, способствуя развитию междисциплинарного синтеза и увеличению числа изучаемых проблем. Именно проблемы текстов как сферы доминирования политического будут в центре автора в последующих разделах настоящего исследования.

---

[1] Репина Л.П. Историческая наука и современное общество / Л.П. Репина // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 6.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[2] Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю.Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории 1995. Представления о власти / ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1995. – С. 6 – 7.

[3] Eley G. Is All the World a Text? From Social History to the History of Society / G. Eley // The Historic Turn in the Human Sciences / ed. T.J. McDonald. – Ann Arbor, 1996. – P. 214.

[4] Об этом процессе и отношении к нему см.: Савельева И.М., Полетаев А.В. «Там за поворотом…». О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005. – С. 97.

[5] Относительно определения самого понятия «нормативная историография» среди исследователей нет единого мнения. В частности, предполагается, что в пост-советских странах – это «синтез этнопопулистского исторического канона, советского наследия и постсоветских научных дискурсов» (См.: Семенов А. Дилеммы написания истории империи и нации / А. Семенов // Ab Imperio. – 2003. – № 2. – С. 385). Конкретизируя это определение относительно российской современной латиноамериканистике, нормативная историография – синтез левопопулистского (и как результат, отрицающего почти всё, лежащее вне пределов левого дискурса) исторического канона, советского наследия и постсоветской рефлексии относительно расцвета латиноамериканских исследований до 1991 года.

[6] О нормативной историографии см.: Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 11 – 21.

[7] Репина Л.П. Историческая наука и современное общество. – С. 9.

[8] Iggers G. Historiography between Scholarship and Poetry: Reflections on Hayden White's Approach to Historiography / G. Iggers // Rethinking History. – 2000. – Vol. 4. – N0 3. – P. 373 – 390.

[9] Подробнее см.: Маловичко С.Н., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории / С.Н. Маловичко, Т.А. Булыгина // Новая локальная история. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1. – С. 13.

[10] Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. - Ставрополь, 2005. – Вып. 7. – С. 5.

[11] См. подробнее: Кирчанов М.В. Раса, феминность, маскулинность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 59 – 67.

[12] Автор уже обращался к этой проблеме. См.: Кирчанов М.В. Imagining England. Национализм, идентичность, память / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 204 с.; Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с.

[13] О культурных исследованиях см.: Du Gay P. Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman. Culture, Media and Identities / P. Du Gay. – L., 1997; Edgar A., Sedgwick P. Cultural Theory: The Key Concepts / A. Edgar, P. Sedwick. – NY., 2005; Cultural Studies / eds. L. Grossberg, C. Nelson, P.A. Treichler. – NY., 1992; During S. The Cultural Studies Reader / S. During. – L. – NY., 2003; Lewis J. Cultural Studies / J. Lewis. – L., 2008; Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms / S. Hall // Media, Culture, and Society. – 1980. – Vol. II. – No 1; Hall S. Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-79 / S. Hall. – L., 1992.

[14] О феномене междисциплинарности в рамках культурных исследований см.: Lehan R.D. The city in literature an intellectual and cultural history / R.D. Lehan. – Berkeley, 1998; Munslow A. Deconstructing History / A. Munslow. – Routledge, 1997; Poster M. Cultural history and postmodernity: disciplinary readings and challenges / M. Poster. – NY., 1997; Melching W., Velema W. Main trends in cultural history: ten essays / W. Melching, W. Velema. – Amsterdam, 1994; Schlereth T.J. Cultural history and material culture: everyday life, landscapes, museums. American material culture and folklife / T.J. Schlereth. – Ann Arbor, 1990; Collins J. Uncommon Cultures. Popular Culture and Post-Modernism / J. Collins. – NY., 1989; Ross A. No Respect. Intellectuals and Popular Culture / A. Ross.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

– NY – L., 1989; The Human Mosaic: A thematic introduction to cultural geography / eds. T. Jordan, M. Domosh, L. Rowntree. – NY., 1994; Peet R. Modern Geographical Thought / R. Peet. – NY., 1998; Zelinsky W. Globalization Reconsidered: The Historical Geography of Modern Western Male Attire / W. Zelinsky. – NY., 2004.

[15] См. например: Miller F.J. Folklore for Stalin. Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era / F.J. Miller. – NY., 1990; Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times / M. Shkandrij. – Montreal, 2001.

[16] Автор статьи в ряде своих работ пытался показать, что литературные тексты могут играть роль интеллектуального и культурного бэк-граунда политического, используясь для легитимации тех или иных политических действий, тактик и стратегий. См.: Кирчанов М.В. «Немец» и «немцы», «латыш» и «латыши» в Латвии во второй половине XIX - начале XX века: между реальностью и идеологией латышского и немецкого национализма / М.В. Кирчанов // Балтийские исследования. – Калининград, 2004. – Вып. 2 (Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе). – С. 11 – 18; Кирчанов М.В. «Новая» и «старая» украинская культура в творчестве Мыхайла Яцкива / М.В. Кирчанов // Украинская модернистская повесть (Михайло Яцків. Блискавиці) / сост., вступительная статья, подготовка текста М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2007. – С. 3 – 12; Кирчанов М.В. Литовский роман-путешествие начала 1980-х годов («Поездка в горы и обратно» – колониальный роман?) / М.В. Кирчанов // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27 – 29 апреля 2007 г.). – Ставрополь – Пятигорск – М., 2007. – С. 122 – 128; Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53.

[17] См.: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ БРАЗИЛЬСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

В западной политической и исторической науке установилась традиция ассоциировать отдельные века в истории европейского и американского мира с доминированием тех или иных политических идеологий. Классическими в этом плане являются исследования крупного британского историка-неомарксиста Эрика Хобсбаума[1], посвященные проблемам европейской и американской истории, написанной в интеллектуальных, культурных, политических и экономических координатах трех «веков» изменения западного мира – «века революции», «века империи» и «века капитала». С хронологией и концепцией, предложенной британским исследователем в первой половине 1960-х годов, можно не соглашаться, но именно Э. Хобсбаум был одним из тех, кто предпринял попытку преодолеть нормативные тренды в написании и описании истории, предложив комплексную и синтетическую концепцию, связав между собой политический процесс в событийном контексте с культурно-политической обусловленностью политических и исторических изменений. Иными словами, процессы возможны не в силу инерционного изменения общества – изменения вероятны лишь в случае перемен в рамках того бэк-граунда, на который опирается то или иное общество в процессе своего функционирования.

В этом контексте XIX и XX столетия в истории Европы и Америк предстают как века национализма и модернизации. Национализм и модернизация относятся к числу тех явлений, которые определили облик западной цивилизации в XX веке, создав потенциал для ее трансформации в сторону пост-современного и информационного общества. Если взглянуть на политическую карту мира, то мы увидим, что современное политическое пространство сконструировано по принципу национальных государств, появление которых было невозможно без модернизации, разрушения традиционных сообществ на смену которым пришли нации-государства и государства-нации. Этот процесс разрушения традиционного общества и утверждения национального (в ряде регионов – национализирующего) государства, основанного на принципах политического гражданского национализма, имел повсеместный характер, охватив Европу от Португалии до Украины и Балтии, Северную и Южную Америки.

Среди стран, которая пережила модернизацию, была и Бразилия. В истории бразильской модернизации можно выделить несколько этапов. Первый этап, вероятно, следует датировать XIX веком – историей Бразильской Империи и ранней Республикой[2]. Именно тогда закладываются основы бразильской идентичности, национальной и политической, формируется (но не складывается окончательно) политическая бразильская нация. Вто-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

рой этап в истории бразильской модернизации следует связывать с политическими процессами первой половины XX века: кризис республики привел к установлению авторитарного режима Жетулиу Варгаса[3], который использовал огромный мобилизационный потенциал популизма. Политические наследники Варгаса, Жуселину Кубичек и Жоау Гуларт, применяли не столь авторитарные методы, продолжая политику Ж. Варгаса. Военный переворот 1964 года стал началом нового этапа в модернизации, ознаменованного возвращением к авторитарным методам политического управления, но без заигрывания элит с массовыми движениями.

Вариант модернизации по Ж. Варгасу представлял собой модель политических перемен в рамках авторитарного режима с использованием мобилизационного потенциала массовых движений и энергии интеллектуалов. Модель модернизации, воспринятая армией во второй половине 1960-х годов, так же была авторитарной, но без массового политического участия, а на смену интеллектуалам-гуманитариям пришли интеллектуалы-технократы. Если первые способствовали окончательному формированию национальной идентичности, то вторые предприняли попытку переустройства социально-экономического бэк-граунда. Гражданские интеллектуалы создали в 1930 – 1950-е годы политический и культурный фундамент, который позволил функционировать военному режиму со второй половины 1960-х до середины 1980-х годов. Своим преемникам военные оставили не эффективно функционирующую систему, а страну, которая нуждалась в очередной волне модернизации. С другой стороны, стало очевидно и то, что ресурсы и потенциал для модернизации в рамках авторитарной модели исчерпаны. Именно поэтому гражданские элиты, пришедшие к власти во второй половине 1980-х годов, были вынуждены решать не задачи национальной консолидации, но преодолевать экономические и социальные трудности, с которыми столкнулась нация.

Актуальность изучения опыта политической модернизации в Бразилии определяется тем, что современная Российская Федерация, столкнувшись с внутренними системными вызовами, в значительной степени исчерпав инерционный потенциал развития 1990-х – первой половины 2000-х годов, пытается выстроить такую модель политической модернизации, которая учитывала национальный (российский), мировой (западный) и региональный (например, латиноамериканский, бразильский) опыт проведения политических и социальных реформ.

Националистические модернизационные тактики и стратегии принадлежат к числу тех политических процессов, предпосылки и само протекание которых приводит к появлению не только национального государства и модерновой (современной) нации, но и значительного корпуса текстов, которые формируют источниковую базу настоящего монографического исследования. Националистический дискурс, определяющий процесс модернизации, представлен в различных литературных текстах[4], которые в

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

рамках российской модели гуманитарного знания почти не пребывают в центре внимания политологического анализа.

Исходя из такой специфической базы используемых текстов, объектом исследования является национализм[5] как политическое движение и идеология, а так же как фактор, способствовавший политической модернизации. Предмет исследования – особенности развития и функционирования националистического дискурса в истории бразильской литературы XX века. К числу основных положений монографии, исходя из объекта, предмета, а так же выбранного хронологического этапа, относятся: 1) изучение проблем генезиса бразильского модернизма как основного фактора, который способствовал развитию современной политической идентичности и гражданского национализма в Бразилии; 2) анализ гендерного фактора в пересмотре интеллектуальных и социо-культурных оснований бразильской идентичности в XX веке; 3) анализ отражения расовой проблематики в литературном дискурсе как одного из элементов развития политического национализма; 4) изучение регионального измерения литературного процесса и националистического воображения в Бразилии; 5) анализ гендерного фактора в политических трансформациях; 6) изучение проблем отражения процессов радикализации и фрагментации культурного и интеллектуального пространства в Бразилии; 7) анализ дискурсов чуждости / инаковости в контексте эволюции образов «чужих» в бразильской литературной традиции; 8) анализ направлений и особенностей функционирования дискурса «чужого» в контексте литературной истории бразильской политической и социальной модернизации в XX веке

В рамках настоящего исследования автор использовал методы дискурс-нарративного анализа. Именно поэтому в теоретико-методологической основе монографии лежат методы, выработанные в рамках исследований модернизации и национализма. Появлению на Западе теорий модернизации предшествовало появление марксизма. Карл Маркс заложил одну из центральных идей, которая позднее доминировала в различных модернизационных теориях. Как известно, Маркс полагал, что все страны проходят в процессе своей истории одинаковые стадии экономического, социального и политического развития. В такой ситуации менее развитые страны исторически обречены на развитие, то есть не модернизацию. В 1966 году американский социолог С. Блэк опубликовал одно из первых теоретических исследований, посвященных модернизации. В своей монографии «Динамика модернизации» С. Блэк констатировал сложности, с которыми сталкивается исследователь модернизации: «современная литература, посвященная вопросам модернизации продолжает пребывать в процессе определения своего предмета у поиска основополагающих фундаментальных различий между универсальными характеристиками современности и специфическими институтами конкретных обществ и структур»[6]. Блэк полагал, что изучение модернизации невозможно в рамках од-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ной гуманитарной науки – истории, политологии, социологии, культурологи.

По мнению С. Блэка, изучение модернизации – междисциплинарная задача. В этой ситуации изучение модернизации – «междисциплинарное изучение человечества путем описания и объяснения во всей сложности процессов изменения, которым приписывается мировое значение»[7]. Появление исследования С. Блэка стало отправной точкой в начале модернизационных исследований. С. Блэк определял модернизацию как процесс, при помощи которого различные общества стремятся адоптироваться и адоптируются к окружающим изменениям[8]. Американский социолог Нейл Смелзер считает возможным определить модернизацию как «постоянные перемены в экономике, политике, образовании, в сфере традиций и религиозной жизни общества. Некоторые из этих областей меняются раньше других, но все они в той или иной мере подвержены изменениям». Израильский ученый Ш. Эйзенштадт оценивает модернизацию как процесс изменения различных обществ в направлении политических моделей Запада[9].

Американский политолог Р. Уорд полагал, что модернизация является целенаправленным изменением социальных отношений и окружающей среды[10]. Р. Бендикс указывает на то, что под модернизацией следует понимать комплекс политических и социальных перемен, связанных с процессами индустриализации[11]. С. Ваго полагает, что модернизация является трансформацией аграрных обществ в индустриальные[12]. По мнению В. Цапфа, модернизация – сложный процесс, включающий в себя индустриальную революцию, стремление отсталых стран повысить уровень своего развития, реакция развитых обществ на новые вызовы[13]. Модернизация, как сложный и комплексный процесс, обладает целым рядом характеристик.

Важнейшие из характеристик модернизации следующие: комплексность (модернизация является универсальным процессом, который охватывает все сферы жизни общества); системность (в рамках модернизации изменение любого элемента системы влечет изменения других элементов); глобальность (и хотя процесс модернизации исторически начался на Западе – перед модернизационным натиском не устояли ни Север, ни Юг, ни Восток); темпоральная пролонгированность (модернизация является длительным процессом с хронологической точки зрения); разнообразие (процесс модернизации несмотря на то, что он имеет универсальный характер, отличается значительными локальными особенностями).

В методологической основе авторского анализа в рамках настоящей монографии лежат же теоретические представления о феномене национализма, выработанные в рамках англо-американского академического дискурса в XX столетии[14]. В настоящем исследовании автором используются ряд терминов (национализм, идентичность, националистический дискурс,

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

модернизация, интеллектуальное сообщество, националистическое воображение, нарратив, политическая культура, политический / интеллектуальный бэк-граунд), образующих понятийный аппарат работы: в определении национализма автор следует за Э. Геллнером, понимавшим под национализмом, принцип при котором политическая и этническая единицы должны совпадать; идентичность (identity) – совокупность представлений, нарративов и политических предписаний, образующих националистический дискурс; под нарративами (narratives) автор понимает институционализированные в виде текстов политические предпочтения и культурные идеи интеллектуалов-националистов.

Интеллектуальное сообщество (intellectual community), как полагает автор, представляет собой профессиональную корпорацию исследователей (как правило, гуманитариев), конструирующих националистический дискурс. Националистический дискурс (nationalistic discourse) – текстуализированная или иная среда проявления национализма, представленная текстами, создаваемыми интеллектуалами-националистами, а так же национально значимыми и маркированными памятниками, монументами, «местами памяти». Националистическое воображение (nationalistic imagination) представляет собой процесс выработки идентичности и формирования националистического дискурса националистически ориентированными интеллектуалами для того или иного сообщества.

Воображаемое (воображенное) сообщество (imagined community), по мнению автора, является концептом групповой идентичности, предложенной националистами-интеллектуалами для того или иного сообщества. Воображаемое сообщество – потенциальная политическая нация. Политическая нация или нация-государство (Nation State) – институционализированное воображенное сообщество, которое характеризуется наличием государственности (национальной независимой или национальной автономии), идентичности, исповедующее идеологию политического национализма в виде соблюдения гражданских политических ритуалов, поддерживаемых интеллектуальным сообществом, обладающим корпоративными объединениями (научные общества, университеты, фонды, Академии Наук и Искусств).

Политический центр – сообщество, в рамках которого процессы национализации и модернизации, формирования модерновых типов идентичностей – политических и этнических – протекали быстрее, чем в других регионах. Политическая периферия – сообщество, которое оказалось в меньшей степени, в отличие от центра, подверженным политической модернизации; на территории периферий, как правило, националистические движения возникают позднее, чем в центре; для развития периферийных национализмов характерна догоняющая динамика. Культурный бэк-граунд (cultural back ground) – националистический дискурс, культивируемый ин-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

теллектуальным сообществом и обеспечивающий функционирование и воспроизводство политической нации.

Автор считает необходимым акцентировать внимание на актуальности бразильской тематики для современной российской латиноамериканистики, хотя речь об этом шла выше. Бразильская модель политической модернизации представляет собой уникальный опыт проведения политики, направленной на укоренение политических, идентичностных, социальных и экономических перемен в нестабильном обществе в рамках как авторитарных, так и неавторитарных политических режимов. Вероятно, изучение опыта и традиций бразильской модернизации, политической культуры и бразильского гражданского национализма могут оказаться полезными не только для российского научного политологического сообщества, но и для тех, кто формирует и определяет направления политического дискурса в современной Российской Федерации.

---

[1] Хобсбаум Э. Век революции. 1789 – 1848 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999; Хобсбаум Э. Век капитала. 1848 – 1875 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999; Хобсбаум Э. Век империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999.

[2] О процессах развития ранней республиканской идентичности в Бразилии см.: Da Costa E.V. Da monarquia a republica: momentos decisivos / E.V. Da Costa. – São Paulo, 1977.

[3] О восприятии Ж. Варгаса в рамках политического и интеллектуального дискурса Бразилии см.: Pereira A.R. A criança no Estado Novo: uma leitura na longa duração / A.R. Pereira // Revista Brasileira de História. – Vol. 19. – No. 38. – P. 165 – 198; Era Vargas, um legado que até hoje marca o país // http://oglobo.globo.com/jornal/especiais/vargas/

[4] О перспективах применения в рамках политического анализа художественных текстов и научных исследований, посвященных проблемам национальной истории, литературы, языка, в качестве источника см.: Вачева А. Литературоведът - между текста и метатекста / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/literaturovedyt.htm; Brown W. At the Edge / W. Brawn // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 556 – 576; Cavarero A. Politicizing Theory / A. Cavarero // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 506 – 532; Kateb G. The Adequacy of the Canon / G. Kateb // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 482 – 505; Tully J. Political Philosophy as a Critical Activity / J. Tully // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 533 – 555; Shapiro I. Problems, Methods, and Theories in the Study of Politics, or What's Wrong wuth Political Science and What to Do about It / I. Shapiro // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 596 – 619 (см. так же: Green D., Shapiro I. Pathology of Rational Choice Theory: A Critique of Application in Political Science / D. Green, I. Shapiro. – New Haven, 1994; Shapiro I. Pathologies Revisted: Reflections on Our Critics / I. Shapiro // The Rational Choice Controversy: Economic Models of Politics Reconsidered / ed. J. Friedman. – New Haven, 1996. – P. 235 – 276); Schmidtz D. Haw to Deserve / D. Schmidtz // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 6. – P. 774 – 799; White St. Pluralism, Platitude, and Paradoxes: Fifty Years of Western Political Thought / St. White // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 472 – 481.

[5] Об особенностях развития национализма в Южной Америке см.: Buchrucker Ch. Nacionalismo y peronsmo. La Argentina en la crisis ideológica mundial (1927-1955) / Ch. Buchrucker. – Buenos Aires, 1987; Alvarez Z. El nacionalismo argentine / Z. Alvares. – Buenos Aires, 1975; Gerassi M.N.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Los nacionalistas / M.N. Gerassi. – Buenos Aires, 1968; Senkman L. Nacionalismo e Inmigración: La Cuestión Etnica en las Elites Liberales e Intelectuales Argentinas: 1919-1940 / L. Senkman // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1; Smith A.D. Nacionalismo e indigenismo: la búsqueda de un pasado auténtico / A.D. Smith // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 2; Spektorowski A. Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera / A. Spektorowski // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 1.

[6] Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975. – P. 186.

[7] Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

[8] Black C. The Dynamics of Modernization. – P. 187.

[9] Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.

[10] Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.

[11] Bendix R. Nation-Building and Citizenship / R. Bendix. – NY., 1964.

[12] Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.

[13] Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8.

[14] Содержательно и методологически настоящее исследование связано с более ранними работами автора. См. подробнее: Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – С. 10 – 18; Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – С. 6 – 10; Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009. – С. 4 – 18.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ГЕЛЛНЕР, АНДЕРСОН И НАЦИОНАЛИЗМ: К ПРОБЛЕМЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕОРИЙ НАЦИОНАЛИЗМА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БРАЗИЛИИ

Проблемы национализма и развития национальных идентичностей в Латинской Америке в целом и в Бразилии в частности принадлежат к числу новых, почти неизученных тем в рамках российской латиноамериканистики. Одной из важнейших проблем развития латиноамериканских исследований в современной России является советское методологическое наследие, которое определяет почти советскую культуру проведения и написания исследования. Это ведет к развитию т.н. нормативной историографии. Преобладание нормативной парадигмы крайне негативно сказывается на развитии латиноамериканских штудий в России, что ведет к доминированию, во-первых, левоориентированных интерпретаций, а, во-вторых, способствует изоляции отечественной латиноамериканистики от мировых трендов в изучении Латинской Америки, которые связаны не только с деятельностью исследовательских сообществ в самой Южной Америки, но и с той значительной ролью, которую в конструировании знания о данном регионе играет англоязычная научная литература, связанная с теоретическим и конкретно-практическим изучением феномена национализма. Именно в силу этого обстоятельства автор счел нужным в рамках Введения к настоящей работе написать небольшой раздел, посвященный классическим теориям национализма, которые не только известны, активно используются политологами, социологами и культурологами в Бразилии[1], но отторгаются большинством представителей отечественного латиноамериканистского сообщества, словно не имеющие отношения к латиноамериканской проблематике.

Научная литература, посвященная национализму, огромна. Поэтому в настоящем разделе автор остановится на тех концептах, которые в современном научном сообщества признаются и воспринимаются в качестве классических. Речь идет об исследованиях Э. Геллнера и Б. Андерсона[2].

Под национализмом Э. Геллнер понимал «…политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единица должны совпадать…»[3]. Несколько расширяя и конкретизируя эту дефиницию Э. Геллнер писал, что «…национализм является следствием новой формы социальной организации, которая опирается на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством…»[4]. Кроме этого, Геллнер указывал на то, что национализм представляет собой «…соединение государства с национальной культурой…»[5]. Эрнэст Геллнер, полемизируя с примордиалистами, полагал, что «…вопреки убеждению людей и даже специалистов национализм не имеет глубоких корней в человеческом соз-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

нании, которое оставалось неизменным на протяжении многих тысячелетий существования человечества и не стало не лучше не хуже за сравнительно короткий, совсем недавно наступивший, век национализма…»[6].

Бенедикт Андерсон полагает, что исследователь, вставший на путь изучения национализма, берет на себя не только значительную ответственность, но и мужество. По мнению Б. Андерсона, для успешного изучения и анализа национализма мало навыков политологического, социологического и исторического анализа. Андерсон предлагает выделить категорию, которая может в отечественном исследовательском сообществе с его советским прошлым и верой в построение нового общества, показаться неуместной. Андерсон в данном случае говорит и пишет о… стыде. Сама категория стыда не вписывалась в методологический инструментарий советского обществоведения, а советским исследователям было отказано в праве сомневаться в правильности и верности общего направления в развитии гуманитарных наук. Более того, Андерсон полагает, что чувство стыда должно быть характерно и для т.н. профессиональных журналистов. В одном из интервью Б. Андерсон указал на то, что «…если вы не чувствуете стыда за свою страну, вы не можете быть националистом…»[7]. Таким образом, Б. Андерсон пытается в исследования национализма привнести и этическую составляющую.

Принимая национализм как продукт современной истории, Геллнер отрицал и изначальность наций, полагая, что «…мы не должны руководствоваться мифом… нации не даны нам от природы… они не являются политической версией теории биологических видов…»[8]. В такой ситуации понимание самого феномена национализма у Геллнера в корне отлично от примордиалистских концепций: «…национализм – это не пробуждение и самоутверждение мифических, якобы естественных и заранее заданных сообществ…использующих…историческое и прочее наследие донационалистического мира…»[9]. В теоретических исследованиях Э. Геллнера присутствует дихотомия «национализм / нации» и эти два явления анализируются им в неразрывной связи. В такой ситуации возникает вопрос о том, какой из феноменов первичен – нация или национализм. Анализируя динамику развития, как наций, так и национализма, Э. Геллнер полагал, что первичен национализм, который усилиями своих носителей, националистов, создает нации. Комментируя эту ситуацию, Э. Геллнер писал, что «…именно национализм порождает нации, а не наоборот… национализм использует существовавшее ранее множество культур или культурное разнообразие, хотя он использует его очень выборочно, и чаще всего трансформируя…»[10].

Для Б. Андерсона национализм – явление, в первую очередь, культурного плана: «…национализм являются особого рода культурными артефактами. И чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью… я также попытаюсь показать, почему эти особые культурные артефакты породили в людях такие глубокие привязанности…»[11]. Иными словами, Бенедикт Андерсон принадлежит к числу наиболее убежденных (и талантливых) сторонников конструктивистского подхода в изучении национализма. От других конструктивистов его отличает оригинальный исследовательский прием: в центре его анализа не национализм в классическом оформленном виде, а национализм и нация в процессе воображения в рамках того или иного интеллектуального сообщества.

В этом контексте становится очевидным еще одно измерение национализма. Национализм может выступать и выступает в качестве мощного канала политической и культурной модернизации и трансформации ценностей и институтов, которые сложились в эпоху, предшествующую его существованию. Комментируя это креативную функцию национализма, Э. Геллнер писал, что «…мертвые языки могут быть возрождены, традиции изобретены, совершенно мифическая изначальная чистота восстановлена…»[12].

Но такой мощный потенциал национализма, направленный в ряде случаев на восстановление того, что, как казалось предыдущим поколениям, было безвозвратно утрачен, согласно Э. Геллнеру, вовсе не означает того, что «…национализм является случайным, искусственным, идеологическим измышлением, которого могло бы и не быть, если бы эти европейские мыслители не состряпали его и не впрыснули в кровь доселе нормально функционирующих политических сообществ…»[13]. Геллнер признавал, что определение национализма, предложенное им в первой половине 1980-х годов, базировалось на двух принципах – на неизбежном наличии, как нации, так и государства[14].

В этом контексте становится очевидной вся сложность изучения и научного анализа национализма. Исследователь национализма может столкнуться не просто с нежеланием властей, чтобы он не изучал эту тему, которая в многонациональных государствах с неокрепшими демократическими институтами кажется неудобной и неправильной. Главными оппонентами в этой ситуации не являются носителями государственной власти. Главные критики – это профессиональные историки и националисты: «…теоретиков национализма часто ставил в тупик, если не сказать раздражал, следующий парадокс: объективная современность наций в глазах историка, с одной стороны, и субъективная их древность в глазах националиста, с другой…»[15]. Но эта почти неразрешимая дилемма не является единственным препятствием на пути научного изучения национализма.

Но, принимая во внимания, что национальные литературы сосуществовали с национализмами, а некоторые были порождениями националистических движений, своеобразными наиболее удачными национальными

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

проектами, не остается ничего иного как анализировать труды националистических теоретиков, некоторые из которых отличаются не только отсутствием системного изложения, но и наличием значительного экстремистского заряда, который отторгается сознанием большинства представителей исследовательского сообщества. Однако от трудов классиков различных националистов абстрагироваться невозможно. Именно националисты в свое время создали свои нации. Они их выстрадали, построили, вообразили, доказали их право на существование. Многие из них в этом процессе и погибли.

Анализируя сложный феномен национализма, Э. Геллнер указывал на то, что следует разделять националистические чувства, с одной стороны, и националистические движения, как их политические проявления, с другой. По мысли Э. Геллнера, националистические чувства могут быть двоякого характера: во-первых, это могут быть чувства раздражения в связи с игнорированием самого принципа национализма – совпадения национальной и политической единицы. Во-вторых, это могут быть, наоборот, позитивные чувства, вызванные реализацией этого важнейшего националистического принципа на практике. Под националистическими движениями, в свою очередь Э. Геллнер понимал движения, которые в своей деятельности и практике руководствуются националистическими чувствами. Анализируя национализм, как политическое явление, Э. Геллнер указывал и на то, что определение, которое он предложил, нигде не было реализовано полностью, в чистом виде.

Геллнер указывал и на объективные сложности, которые не дают националистам одной нации объединить всех своих соотечественников в рамках одного государства. Этому могут способствовать и то, что представители одной нации проживают в различных государствах. С другой стороны, среди представителей определенной группы могут проживать представители другой, что объективно исключает построение «чистого» и гомогенного национального государства[16]. Геллнер полагал, что националисты могли смириться с этими проблемами. По его мнению, национализм сталкивался с более опасным и серьезным вызовом, чем отсутствие территории компактного проживания и / или соседство с представителями другой, совершенно чуждой, нации.

Такую ситуацию Геллнер определял как чрезвычайно неприятную и болезненную для националистов. Геллнер полагал, что таким нарушением национального принципа могла стать ситуация при которой в рамках одной территории этническое большинство управлялась представителями другой этнической группы, чужой нации. Такая ситуация могла стать результатом «…присоединения национальной территории к большему государству или результатом доминирования чужеродной группы…»[17]. В такой ситуации Геллнер указывает на возможность сформулировать более четкое определение национализма. Иными словами, национализм – «это

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

теория политической законности, которая состоит в том, что этнические границы не должны пересекаться с политическими»[18]. Для Э. Геллнера нации и национализм / национализмы были постоянно развивающимися и изменяющимися феноменами. Поэтому, он полагал, что современный мир обречен на то, чтобы быть заложником процессов развития и активизации национализма, национальных возрождений и попыток одних наций заявить о своих правах на самоопределение («…на земле существует огромное количество потенциальных наций…»[19]) при желании других подавить подобные попытки национального освобождения. Примечательно, что в данному случае обе гипотетические нации, потенциально вовлеченные в конфликт, будут руководствоваться одним и тем же принципом – национализмом.

В концепции, предложенной Э. Геллнером, современное государство было той единственной и монопольной сферой, где разворачивался и развивался национализм. Геллнер полагал, что некоторые элементы национализма не могут существовать и в таких обществах, которые невозможно определить как государство в западном, европейско-американском, понимании: «…когда нет ни государства, ни правительства, то принцип национализма сам собой отпадает…»[20]. В этой концепции важно то, что государство является гарантом возникновения национализма – точнее: не сам факт существования государственности, а особенности политики, которая может привести к возникновению национализма. Геллнер попытался доказать, что национализм неизбежно возникнет в том случае, если государство становилось «…слишком ощутимым…»[21].

В первой половине 1980-х годов Э. Геллнер в своем ныне хрестоматийном и классическом исследовании, посвященном национализму, попытался смоделировать процесс развития национализма на примере двух несуществующих в реальности сообществ – руританцев и мегаломанцев. Исходные условия этой социологической и политологической задачи таковы[22]:

1) руританцы были сельским населением, которое использовали в повседневной жизни родственные диалекты; мегаломанцы – жителями центральных районов империи; на языке руританцев говорили только они сами, а язык мегаломанцев вообще принадлежал к другой языковой группе; значительная часть руританских крестьян принадлежала к церкви, где служба велась на языке другой группы – соответственно, многие священники говорили на языке, который не был понятен для руританских крестьян; мелкие торговцы, которые обслуживали сельскую местность, принадлежали так же к другой этнической и языковой группе; руританское население в вере этих торговцев «испытывало глубокое отвращение»;

2) в XIX веке руританские территории оставались отсталой аграрной окраиной и периферией; руританское население имело трагическую историю, о чем пело в «народных плачах»; часть руриртанских юношей полу-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

чала образование, становясь журналистами, священниками и профессорами; руританские интеллигенты получали поддержку от академических институций в других странах, которые были заинтересованы в изучении языка и традиций сельского руританского населения; постепенно деревенские школьные учителя начали целенаправленно эти народные песни записывать и изучать;

3) часть руританских юношей призывалась в армию и оседала в городах, что создавала поле деятельности для руританской интеллигенции; не следует забывать и о том, что иноязычные угнетатели так жестоко угнетали бедных руританских крестьян, что те в XVIII веке подняли восстание, которое возглавил «знаменитый руританский бунтовщик К.»; сначала его подвиги сберегались только в памяти народа, но потом он стал героем нескольких исторических романов, а еще позднее – и двух фильмов;

4) в итоге на территории, где жило руританское население, после напряженных политических событий была провозглашена Народная Социалистическая Республика Руритания.

История любого национализма может пойти двумя путями, о которых писал Э. Геллнер. Национализм может вообще не получить развития, и в такой ситуации большинство крестьян, носителей народной и традиционной культуры, которая могла бы стать основой для создания модерной идентичности, будет ассимилировано. С другой стороны, национализм может развиться в мощное и сильное политическое течение, которое стремилось к последовательной институционализации – организационной и политической. В связи с этим, Э. Геллнер писал, что «…мы установили, что у руританцев была исконная территория, то есть такая область, “Руританская отчизна”, где большинство населения составляли крестьяне, говорившие на одном из руританских диалектов… у руританцев было два выхода: или ассимиляция с языком и культурой Мегаломании, или образование процветающей независимой Руритании, где бы местный диалект приобрел бы статус официального и литературного языка…»[23].

Сценарий, созданный воображением Э. Геллнера для несуществующей Руританиии, не является игрой исключительно его воображения. Геллнер писал, что «…в случае с нашей Руританией национализм объясняется тем, что экономически и политически отсталое население было способно выделиться в культурном отношении и оказаться перед националистическим выбором…»[24]. Аналогичные процессы в действительности имели место на территории Центральной и Восточной Европы. Нам не трудно провести параллели с реальными историческими событиями и политическими процессами в Румынии, Венгрии, Словакии, Германии, Австрии и Чехии. Это подчеркивает то, что в большинстве регионов развитие национализма шло одними и теми же путями – от аграрного традиционного крестьянского сообщества к современной нации.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Но, вероятно, благодаря значительному националистическому опыту, накопленными разными национализмами во всем мире, который нашел свое отражение, как в научном, так и художественном дискурсе, Б. Андерсон и смог сформулировать определение нации следующим образом: «…поступая так, как обычно поступают в антропологии, я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное…»[25]. Почему Б. Андерсон определяет нацию как именно «воображаемое сообщество». В данном случае мы имеем дело с воображением двойственного плана. С одной стороны, «…оно воображенное, поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности…»[26]. С другой стороны, нация ежедневно и ежечасно воображается своими интеллектуалами. Это находит отражение в их деятельности. Литература призвана доказать наличие у нации языка и утвердить ее среди других национальных соседних литератур. Вероятно, историческая наука в этой ситуации теряет свой самостоятельный статус, становясь постоянной рефлексией националистически ориентированных интеллектуалов о прошлом своего сообщества.

Теории модернизации и национализма оказали значительное влияние на развитие гуманитарного знания и политических исследований в Бразилии, США и странах Западной Европы, что отражается на степени научной разработанности проблем бразильской модернизации. На фоне значительного числа работ, посвященных Латинской Америке в целом и отдельным испаноязычным странам региона число специальных исследований о Бразилии продолжает оставаться незначительным. Следует упомянуть работы Ю.А. Антонова, Б.Ф. Мартынова, А.Н. Глинкина, Т.Ю. Забелиной, А.А. Сосновского, Н.П. Калмыкова, Б.И. Коваля, Л.С. Окуневой, С.М. Хенкина, А.Ф. Шульговского[27]. Анализируя эти исследования, следует принимать во внимание, что модернизация не является предметом отдельного исследования, будучи одной из изучаемых тем на фоне широкого исторического или политологического фона. Попытки анализа модернизации как процесса, связанного с политическими трансформациями, развитием национализма и различных идентичностей предприняты в исследованиях М.В. Кирчанова[28].

Наибольших успехов в изучении бразильской модернизации достигли исследователи, политологи, социологи, культурологи, экономисты и историки Бразилии. В рамках бразильского гуманитарного дискурса возникли исследовательские направления, связанные с изучением национализма[29] в контексте генезиса модернизации и интеллектуального бэк-граунда перемен; модернизма[30] как комплекса интеллектуальных предпосылок для политической модернизации и самой модернизации[31] как совокупности иден-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

тичностных, политических и культурных перемен[32]; феномена авторитаризма Жетулиу Варгаса[33], политической и интеллектуальной истории «нового государства»[34]. Особое внимание уделяется проблемам генезиса, функционирования, развития и изменения феномена бразильского авторитаризма[35]. В контексте модернизации бразильские политологи, социологи и культурологи исследуют проблемы истории бразильского интегрализма[36] и коммунизма[37], как правой и левой альтернативы авторитарной модернизационной стратегии. Следует упомянуть исследования, посвященные судьбе национальных (политических) меньшинств в рамках бразильской модернизации[38], которые воспринимались политическими элитами как препятствие для модернизации политического пространства и унификации политического дискурса в стране. Значительное внимание в рамках бразильской исследовательской традиции уделяется и изучению феномена политического, культурного, интеллектуального и идентичностного регионализма[39], его трансформациям в условиях политической модернизации в рамках как авторитарных, так и демократических режимов.

Кроме этого американскими и британскими политологами создан значительный корпус исследований, посвященных проблемам авторитаризма – функционированию авторитарных режимов, тенденциям их демократизации, роли вооруженных сил в генезисе и воспроизводстве авторитарного дискурса, отношениям между гражданскими и военными политическими элитами[40]. В рамках англоязычной политологической традиции значительное внимание уделено проблемам развития авторитарного режима Жетулиу Варгаса[41], изучению внутренних антиваргасовских и антимодернизационных трендов, представленных регионализмом[42] и коммунизмом[43]. Бразильская и англо-американская традиции в изучении модернизации и национализма близки во внимании к процессуальной стороне процесса, в анализе культурных и интеллектуальных трендов в рамках политического процесса, изучении политической культуры как своеобразного бэкграунда, который позволяет функционировать политическим элитам как инициаторам модернизационных перемен и социальных изменений.

Принимая во внимание теоретические концепты изучения феномена национализма и модернизации, автор предпримет попытку «переложить» их на изучение бразильской проблематики. Поэтому цель исследования состоит в анализе гражданского национализма в контексте политической модернизации в Бразилии. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) определение теоретических границ концепта «национализм» через анализ основных направлений и результатов деятельности интеллектуалов-националистов как теоретиков авторитарных политических режимов или режимов, имеющих тенденции к трансформации из нестабильных в авторитарные; 2) выявление характеристик политической модернизации в контексте развития национализма и утверждения модерновых идентичностей; 3) анализ динамики развития националисти-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ческого и политического воображения в контексте конструирования идентичностей; 4) раскрытие роли политического (гражданского) национализма как основного фактора, способствовавшего проведению модернизации в рамках авторитарной модели политического режима или в условиях политического транзита. Именно эти проблемы пребывают в центре авторского внимания в последующих разделах настоящего исследования.

---

[1] Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989; Um mapa da questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000; Gellner E. Condições da liberdade: a sociedade civil e seus críticos / E. Gellner. – Rio de Janeiro, 1996; Hroch M. Do movimento nacional à nação plenamente formada: o processo de construção nacional na Europa / M. Hroch // Um mapa da questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 85 – 106.

[2] Об Эрнесте Геллнере и Бенедикте Андерсоне см.: Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму / Г. Касьянов. – Київ, 1999; Кирчанов М.В. Проблемы наций, национализма и идентичностей в работах Эрнеста Геллнера / М.В. Кирчанов // Проблемы наций и национализма в работах Э. Геллнера / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2009. – С. 114 – 147. // http://ejournals.pp.net.ua/_ld/1/130_gellner_reader.pdf; Кирчанов М.В. Проблемы национализма в работах Бенедикта Андерсона / М.В. Кирчанов // Проблемы национализма в работах Бенедикта Андерсона / сост. и послесловие М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2009. – С. 97 – 123. // http://ejournals.pp.net.ua/_ld/1/131_anderson_reader.pdf; Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. Коротеева. – М., 1999; Крупник И.И. Об авторе этой книги, нациях и национализме (вместо послесловия) / И.И. Крупник // Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991; Малахов В. Национализм как политическая идеология / В. Малахов. – М., 2005; Сидорина Т., Полянников Т. Национализм: теория и политическая история / Т. Сидорина, Т. Полянников. – М., 2006.

[3] Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 23. См. публикации Э. Геллнера, посвященные феномену национализма: Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983; Gellner E. Plough, Sword and Book / E. Gellner. – Chicago, 1988; Gellner E. State and Society in the Soviet Thought / E. Gellner. – Oxford, 1988; Gellner E. Culture, Identity and Politics / E. Gellner. – Cambridge, 1988; Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals / E. Gellner. – L., 1994; Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991; Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Э. Геллнер. – М., 2002; Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146 – 200; Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М., 2004.

[4] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 112.

[5] Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146.

[6] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 87.

[7] См.: http://www.sai.uio.no/interviews/anderson

[8] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 114.

[9] Там же. – С. 115.

[10] Там же. – С. 127.

[11] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001. – С. 27. См. так же другие публикации Б. Андерсона: Anderson B. Java in the Time of Revolution / B. Anderson. – NY., 1972; Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983; Anderson B. Literature and Politics in Siam in the American Era / B. Anderson. – Ithaca, 1986; Anderson B. Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia / B. Anderson. – NY., 1990; Anderson B. Spectres of Comparison / B. Anderson. – NY., 1998.

[12] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 127.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[13] Там же. – С. 127.
[14] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 27.
[15] Там же. – С. 27.
[16] Там же. – С. 23.
[17] Там же. – С. 24.
[18] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 24.
[19] Там же. – С. 26.
[20] Там же. – С. 30.
[21] Там же. – С. 30.
[22] Там же. – С. 132 – 133.
[23] Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 153.
[24] Там же. – С. 229.
[25] Андерсон Б. Воображаемые сообщества. – С. 28.
[26] Там же. – С. 29.
[27] Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973; Бразилия: перемены и постоянство / ред. Б.Ф. Мартынов. – М., 2004; Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959 / А.Н. Глинкин. – М., 1961; Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда» / Т.Ю. Забелина, А.А. Сосновский. – М., 1986; Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс / Н.П. Калмыков. – М., 1981; Коваль Б.И. История бразильского пролетариата / Б.И. Коваль. – М., 1968; Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005; Окунева Л.С. На путях модернизации: опыт Бразилии для России / Л.С. Окунева. – М., 1992; Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии / Л.С. Окунева. – М., 1994. – Т. 1 – 2; Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин. – М., 1985; Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979.
[28] Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008; Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008; Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19; Кирчанов М.В. Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов) / М.В. Кирчанов // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. - Воронеж, 2007. – С. 19 – 30; Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37; Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75; Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С.11 – 21; Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53; Кирчанов М.В. Раса, феминность, мускулинность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 59 – 67.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[29] Abreu A. de, O nacionalismo de Vargas ontem e hoje / A. de Abreu // As instituções brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araúgo. – Rio de Janeiro, 1999; Capelato M.H. Propaganda política e construção da identidade nacional coletiva / M.H. Capelato // RBH. – 1996. – Vol. 16. – No 31 – 32; Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Lins do Rego J. Notas sobre Gilberto Freyre / J. Lins do Rego // Região e tradição. – Rio de Janeiro, 1941. – P. 9 – 21; Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21; Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99.

[30] Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. – Lisboa, 1993; Fokkema D. Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. – Lisboa, 1983; Moraea E.J. de, A brasilidade modernista: sua dimensão filosófica / E.J. de Moraea. – Rio de Janeiro, 1978.

[31] Corvalho J.M. A Formação das Almas. O Imaginário da República no Brasil / J.M. Corvalho. – São Paulo, 1990; Chauí M. Cultura e democracia / M. Chauí. – São Paulo, 1980; Coutinho C.N. A democracia como valor universal / C.N. Coutinho. – São Paulo, 1980; Cupertino F. Classes e camadas sociais no Brasil / F. Cupertino. – Rio de Janeiro, 1978; Ferreira de Castro Fr. Modernização e democracia (O desafio brasileiro) / Fr. Ferreira de Castro. – Rio de Janeiro, 1969; Figueiredo A. Democracia ou reformas? Alternativas democráticas à crise política: 1961-1964 / A. Figueiredo. – Rio de Janeiro, 1993; Gabriel de Resende P. Nacionalismo / P. Gabriel de Resende. – São Paulo, 1959; Girardet R. Mitos e Mitologias Políticas / R. Girardet. – São Paulo, 1987; Freyre G. Casa grande e senzala. Formação da família brasileira sob o rejime de economica patriarchal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1936; Oliven R.G. Brasil, uma modernidade tropical / R.G. Oliven // Etnográfica. – 1999. – Vol. III. – No 2. – P. 409 – 427.

[32] Allain Teixeira J.P. Idealismo e realismo constitucional em Oliveira Viana: análise e perspectives / J.P. Allain Teixeira // BRIL. – 1997. – No 135. – P. 99 – 118; Alves B.M., Pitangay J. A que é meminismo / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Bastos E.D., Ridenti M., Rolland D. Intelectuais: sociedade e política / E.D. Bastos, M. Ridenti, D. Rolland. – São Paulo, 2003; Baêta Neves L.F. História intelectual e história da educação / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 376; Bastos E. Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72; Miceli S. Intelectuais e classes diregentes no Brasil, 1920 – 1945 / S. Miceli. – São Paulo, 1979; Miceli S. Intelectuais à Brasileira / S. Miceli. – São Paulo, 2001.

[33] Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241; Cachapuz P.B. A trajerória política de Getúlio Vargas / P.B. Cachapuz // Getúlio Vargas e seu tempo / ed. R.M. Silva. – Rio de Janeiro, [n.d.]. – P. 45 – 74; Cândido A. A Revolução de 1930 e a cultura / A. Cândido // NE. – 1984. – Vol. 2. – No 4. – P. 27 – 36; Borges V.P. Getulio Vargas e a oligarquia paulista / V.P. Borges. – São Paulo, 1979; Chor M. O anti-semitismo na Era Vargas: fantasmas de uma geração, 1930 – 1945 / M. Chor // EH. – 1988. – Vol. 1. – No 2. – P. 304 – 310; Tucci Carneiro M.L. Sob a mascara do nacionalismo. Autoritarismo e anti-semitismo na Era Vargas (1930-1945) / M.L. Tucci Carneiro // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.

[34] Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982; Carone E. O Estado Novo, 1937 – 1945 / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977; Chacon V. Estado e povo no Brasil: as experiencias do Estado Nôvo e da democracia populista. 1937 – 1964 / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977; Guimarães S.G. Ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S.G. Guimarães. –São Paulo, 1984; Goulart S. Sob a verdade oficial: ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S. Goulart. – São Paulo, 1990; Gomes A. de C. História e Historiadores. A Política Cultural do Estado Novo / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996; Pimenta Velloso M. Os intelectuais e a política cultural do Estado Novo / M. Pimenta Velloso // O Brasil Republicano. – Rio de Janeiro, 2003; Reis Peçanha M., Xavier da Silva C.A., Guimarães Tobias C., Graças de Lima Carneiro M.D. Os intelectuais e o Estado Novo: um estudo sobre o nacionalismo nas páginas da revista Cultura Política (1941 – 1945) / M. Reis Peçanha, C.A. Xavier da Silva, C. Guimarães Tobias, M.D. Graças de Lima Carneiro // Iniciação Científica Newton Paiva 2003-2004 / eds. Astréia Soares, Márcio Venício Barbosa. – Belo Horizonte, 2005. – P. 117 – 133; Repersando o Estado Novo / ed. D. Randolfi. – Rio de Janeiro, 1999.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[35] D'Araujo M.C. Estado, classe trabalhadora e politica sociais / M.C. D'Araujo // O tempo do nacional-estatismo: do indício da década de 1930 ao apogeu do Estado Novo / eds. J. Ferreira, L. de Almeida Neves Delgado. – Rio de Janeiro, 2003; Chaui M. Brasil – Mito fundador e sociedade autoritária / M. Chaui. – São Paulo, 2000; Dutra E. O ardil totalitário imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997; Schwartzman S. Bases do Autoritarismo Brasileiro / S. Schwartzman. – São Paulo, 1982 (1988); Lanni O. O colapso do populismo no Brasil / O. Lanni. – Rio de Janeiro, 1968.

[36] Araújo R.B. de, Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987; Barbosa J.R. A ascensâo da ação integralista brasileira, 1932 – 1937 / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 81; Brito Silva G. Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98; Cavalari R.M. Integralismo: ideologia e organização de um partido de massa no Brasil (1932 - 1937) / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999; Ideologia e Mobilização Popular / orgs. M. Chauí, C, Franco. – Rio de Janeiro, 1978; Integralismo: novos estudos e reinterpretações / eds. R. Dotta, L. Passas, R. Cavalari. – Rio Aaro, 2004; Estudos do integralismo no Brasil / ed. G. Silva. – Recife, 2007; Trindade H. Integralismo: O fascismo brasileiro na década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979.

[37] Bastos A. Prestes e a revolução social / A. Bastos. – Rio de Janeiro, 1946; Brandão G.M. A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista (1920-1964) / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997; Cavalcanti B. Certezas e ilusões: os comunistas e a redemocratização de sociedade brasileira / B. Cavalcanti. – Rio de Janeoiro, 1986; Dulles J.F. O comunismo no Brasil 1935 – 1945: represão em meio ao cataclismo mundial / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985; Dulles J.F. Anarquistas e comunistas no Brasil / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977; Dulles J.F. A Facultade de Direito de São Paulo e a resistência anti-Vargas / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1984; Zaidan Filho M. Comunistas em céu aberto / M. Zaidan Filho. - Belo Horizonte, 1989.

[38] Bertonha J.F. Entre Mussolini e Plinio Solgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentos / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105; Bertonha J.F. O Brasil, os imigrantes italianos e a política externa fascista, 1922-1943 / J.F. Bertonha // RBPI. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130; Bertonha J.F. A migração internacional como fator de política externa. Os emigrantes italianos, a expansão imperialista e a política externa da Itália, 1870-1943 / J.F. Bertonha // CI. – 1999. – Vol. 21. – No 1. – P. 143 – 164; Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1; Gertz R.E. Alemanha e alemães no Brasil: a ambivalência brasileira na década de 30 / R.E. Gertz // Relapões internacionais dos países americanos / eds. A.L. Cervo, W. Doepcke. – Brasília, 1994; Perrazo P.F. O perigo alemão e a repressão no Estado Novo / P.F. Perrazo. – São Paulo, 1999; Roche J. A Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 1969.

[39] Albuquerque D.M. de, A invenção do Nordeste e outras artes / D.M. de Albuquerque. – Recife – São Paulo, 2001; Alves de Cunha M. O novo Rio de Janeiro: Geografia e realidade sócio-económica / M. Alves de Cunha. – Rio de Janeiro, 1975; Chaves C.L. O ensaio literário no Rio Grande do Sul (1868 – 1960) / C.L. Chaves. – Brasília, 1979; Costa W.M. da, Estado e políticas territoriais no Brasil / W.M. da Costa. – São Paulo, 1985; Jacks N. Mídia Nativa. Indústria cultural e cultura regional / N. Jacks. – Porto Alegre, 1998; Nedel L. A recepção da obra de Gilberto Freyre no Rio Grande do Sul / L. Nedel // MANA. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 85 – 118; Oliveira Fr. de, Elegia para uma re(li)gião: Sudene, Nordeste, planejamento e conflito de classes / Fr. de Oliveira. – Rio de Janeiro, 1977; Seyferth G. O regionalismo da tradição na perspectiva nacionalista: a identidade regional segundo Gilberto Freyre / G. Seyferth // Anais do Seminário Internacional Novo Mundo nos Trópicos. – Recife, 2000. – P. 180 – 193.

[40] Andreski S. On the Peaceful Disposition of Military Dictatorship / S. Andreski // JSS. – 1980. – Vol. 30. – No 9. – P. 3 – 10; Arceneaux C.L. The Military in Latin America / C.L. Arceneaux // Developments in Latin America Political Economy / eds. J. Buxton, N. Miller. – Manchester, 1999. – P. 93 – 111; Castro C. The Military and Politics in Brazil: 1964-2000 / C. Castro. – Oxford, 2000; Civil-Military Relations / ed. C.L. Cochran. – L., 1974; Feaver P.D. The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civil Control / P.D. Feaver // AFS. – 1996. – Vol. 23. – No 2. – P. 149 – 178; Finer S.E. The Man on Horseback: the Role of Military in Politics / S.E. Finer. – Boulder, 1988; Huntington S.P. Political Order in Changing Societies / S.P. Huntington. – New Haven

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

– L., 1968 (Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М., 2004); Huntington S.P. The Soldier and the State / S.P. Huntington. – NY., 1952; The Military and Democracy / eds. L. Goodman, J. Mendelson, J. Rial. – Mass., 1990; New Military-Civil Relations / eds. J. Lovell, P. Kronenberg. – New Brunswick, 1974; The Political Influence of Military / eds. A. Perlmuter, V. Plave Barette. – New Haven, 1980; Political-Military Systems / ed. C. McArdle Kelleher. – Beverly Hills – L., 1974.

[41] Davilla J. Under the Long Shadow of Getúlio Vargas: A Research Chronicle / J. Davilla // EIAL. – 2001. – Vol. 12. – No 1; Dulles J.W. Vargas of Brazil / J.W. Dulles. – Austin, 1967; Loewenstein K. Brazil under Vargas / K. Loewenstein. – NY., 1942.

[42] Love J.L. Rio Grande do Sul and Brazilian Regionalism, 1882–1930 / J.L. Love. – Stanford (California), 1971; Love J.L. São Paulo in the Brazilian Federation / J.L. Love. – Stanford (California), 1988; Oliven R.G. National and regional identities in Brazil: Rio Grande do Sul and its Peculiarities / R.G. Oliven // Nations and Nationalism. – 2006. – Vol. 12. – No 2. – P. 303 – 320; Weinstein B. Brazilian Regionalism / B. Weinstein // LARR. – 1982. – Vol. XVIII. – No 2. – P. 262 – 276; Wirth J.D. Minas Gerais in the Brazilian Federation / J.D. Wirth. – Stanford (California), 1977.

[43] Alexander R. Communism in Latin America / R. Alexander. – New Brunswick, 1957; Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972 / R.H. Chilcote. – NY., 1974; Dulles J.W. Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval / J.W. Dulles. – Austin, 1983; Goebel M. Nationalism, the Left and Hegemony in Latin America / M. Goebel // BLAR. – 2007. – Vol. 26. – No. 3. – P. 311 – 318.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

(ПОСТ)МОДЕРНИЗМ В БРАЗИЛИИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

НЕГРЫ, ИНДЕЙЦЫ И ЖЕНЩИНЫ КАК «ЧУЖИЕ»: ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА БРАЗИЛЬСКОГО МОДЕРНИЗМА

Политическая история Бразилии в XX столетии прошла под знаком перемен – политических, социальных, культурных, интеллектуальных, экономических. В комплексе эти перемены могут быть определены как модернизация[1]. Политическая модернизация в Бразилии, экономические и социальные трансформации в значительной степени предопределили облик современной Бразилии. С другой стороны, успех политической и тем более экономической модернизации был невозможен без изменений на уровне социальных и культурных отношений, связей и коммуникаций. Именно изменения, которые протекали на этом уровне, способствовали появлению и развитию новой идентичности, в первую очередь – политической, которая привела к появлению бразильской гражданской нации.

Проблема появления новой идентичности или начального этапа ее формирования остается дискуссионной. Вероятно, столь значительные политические, социальные и культурные перемены были невозможны в Бразильской Империи, хотя культурные и социальные условия и предпосылки для постепенной модернизации бразильского общества сложились в имперский период. Интеллектуально и культурно успех бразильской политической модернизации связан с появлением новой идентичности, развитием различных идентичностных проектов, которые предлагались бразильскими интеллектуалами в рамках модернистской или постмодернистской парадигмы. Анализ различных идентичностных концептов, вероятно, следует начать с изучения интеллектуального фундамента и бэк-граунда, без наличия которого их развитие было бы маловероятно.

Поэтому, первые разделы настоящей книги будут посвящены проблемам истории и развития бразильского модернизма и постмодернизма как интеллектуальных течений, которые оказали значительное влияние на развитие политического дискурса в Бразилии[2]. Дискуссионной является проблема хронологии бразильского модернизма. В работах 2008 года автор неоднократно высказывал мнение, что ранний бразильский модернизм или протомодернизм сформировались в период существования Империи. Элементы кризиса романтической парадигмы и формировавшейся реалистической модели отражения действительности мы находим в текстах Жозэ дэ Аленкара (1829 – 1877)[3], Бернарду Гимараэша (1827 – 1884) и Машаду дэ Ассиза.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Тексты Жозэ дэ Аленкара, хотя и были выдержаны в духе романтической традиции, тем не менее именно они создали условия для интеллектуального и социального прорыва, что было связано с формированием образа чужого / другого и активизацией трансформационных процессов в рамках бразильской идентичности. Формирование комплекса нарративов, связанных с концептами чуждости и инаковости, протекало, главным образом, в рамках литературы. В такой ситуации литературные тексты играли роль своеобразного канала для транслирования и укрепления национальной идентичности. Развитие концепта чуждости в бразильской литературе было связано с развитием отношений угнетаемых / угнетенных с угнетающими. В этом отношении тексты Жозэ дэ Аленкара представляют яркий образчик постколониальной литературы.

Отношения между колонизаторами и их жертвами нередко имели и гендерный бэк-граунд, развиваясь как отношения постепенного покорения белым завоевателем мужчиной местной женщины. Покорение и подчинение нередко воображалось в бразильской интеллектуальной традиции как добровольный акт, как сознательное принятие норм европейской культуры и добровольный отказ от традиции и архаики. В этом контексте творческое наследие Жозэ дэ Аленкара начинает постепенно разрушать границы романтического дискурса в литературе[4]. Вероятно, Жозэ дэ Аленкар был одним из предшественников бразильского модернизма, который совершенно иначе представлял себе отношения доминирования и зависимости, в том числе – и гендерные.

Тексты Аленкара отражают идеи о существовании особых, пограничных и поэтому маргинальных идентичностей покоренного, колонизированного, но не ассимилированного индейского населения. Нарушив границы романтического дискурса, Аленкар вместе с тем и не стал модернистом. Несмотря на признанный статус в истории бразильской литературы, романы Жозэ дэ Аленкара в значительной степени маргинальны – маргинальны не в силу своей неестественности, а в контексте тех идентичностей, носителями которых являются герои этих текстов.

Позднее на смену им пришел новый тип литературного героя с более четкими идентичностными представлениями. Бернарду Гимараэш сыграл особую роль в разрушении романтической парадигмы, способствуя наряду с тем и возникновению протомодернистских тенденций в развитии бразильской литературы. В тексте романа, вероятно, мы можем выделить два тренда – географический и социальный. Роман играл определенную роль в формировании и развитии воображаемой (точнее – воображенной) географии Бразилии. В данном контексте мы сталкиваемся и с образами бразильских городов, как мест памяти и своеобразных национально маркированных и освоенных бразильцами участков покоренного ландшафта. Мы сталкиваемся и с противостоянием урбанизма[5] и рурализма, за которыми стоят различные культурные и идентичностные типы. В тексте заметна

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

своеобразная дихотомия «традиция – модернизация» и предпочтения автора склонялись в пользу последней.

Роман, написанный столь просто, вероятно – даже схематично, нашел своих читателей, превратившись в канал, используемый для транслирования и популяризации модернизационных идей, новых политических настроений и социальных перемен[6]. Роман «Рабыня Изаура», вероятно, стал своеобразным «участком памяти» в Бразилии. Роман, написанный носителем «высокой культуры», был рассчитан явно на бразильских интеллектуалов. Вероятно, в период его наибольшей популярности его не прочитал ни один раб. Роман о рабстве, написанный белым, так и не интегрировался в культуру бразильских негров после освобождения и отмены рабства. Но в этом контексте важно другое: тексты, литературные тексты отражают сферу социальных перемен и процессов и, вероятно, роман Бернардо Гимараэша сыграл свою роль в интеллектуальной подготовке бразильского общества к модернизации, которая в полной мере началась после отмены рабства.

На смену националистам-романтикам пришли националисты-модернисты, среди раннего поколения которых был Машаду дэ Ассиз, тексты, которого сыграли значительную роль в формировании, развитии и даже появлении новых идентичностей на территории Бразилии[7]. Развитие модернистского тренда в литературе было связано с кризисом «высокой культуры», носителями которой являлись представители политической, культурной и интеллектуальной элиты. Примечательно, что в этом случае кризисные явления осознали сами носители этой культурной идентичности, став провозвестниками новых культурных и литературных практик. В рамках этой новой, «большой» культурной рефлексии, были подвергнуты радикальной ревизии те ценности, которые раннее казались почти незыблемыми. Переоценка охватила все сферы жизни, в первую очередь – отношения полов.

В такой идентичности формировались и новый мужчина, и новая женщина. Среди них теперь было сложно определить однозначного лидера и аутсайдера. Эти понятия перестали быть гендерно маркированными, утратив связь и с социальным статусом. В этой новой идентичности сам статус стал весьма подвижным. Но эта статусная динамика почти не затрагивала социального, культурного и интеллектуального бэк-граунда в целом. Литература раннего бразильского модернизма – это литература, отмеченная сочетанием новых и архаичных институтов при условии почти полного доминирования традиции. Ранний бразильский модернизм – это литература начинающейся модернизации. Начало модернизационных процессов стало возможно благодаря кризису традиционной высокой культуры и постепенному распаду романтического тренда в литературе. Разрушая старую романтическую идентичность, ломая социальные стереотипы и каноны, пересматривая социальные роли, ранний модернизм готовил почву

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

для рассвета новых, модерных, идентичностей, который были в значительной степени более фрагментированными, развиваясь в рамках левого и правого литературного трендов в интеллектуальной жизни Бразилии.

В монографии «Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке» автор наметил некоторые проблемы, связанные с генезисом бразильского модернизма, которые получили развитие в книге «Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)».

Наибольшую роль в формировании бразильского модернизма, вероятно, сыграл Машаду дэ Ассиз, тексты которого возникли в недрах «высокой культуры», будучи набором нормативов, связанных с идентичностью политических и интеллектуальных элит. Тексты демонстрирует определенный социальный срез бразильской идентичности эпохи Империи, но не идентичность в целом. Большинство героев Машаду дэ Ассиза, которые в этих текстах имели детство и проходили социализацию, это маскулинные герои – мальчики, юноши, мужчины. Идентичностный дискурс маркирован не только социально, но и гендерно. В этом типе культуре нет места для феминности, но есть пространство исключительно для маскулинности, потенциальной маскулинности[8]. Тип социализации, который представлен в текстах Машаду дэ Ассиза, вероятно, является кризисным, неудачной моделью, которая на способно сформировать сообщество индивидов, способных адекватно реагировать на внутренние вызовы.

Эта идентичность, основанная на отношениях принуждения и доминирования, связана с традициями высокой культуры старой дворянской (феодальной) аристократии. Параллельно с развитием этого варианта идентичности в Империи имели место и другие процессы, связанные с появлением новых идентичностных дискурсов – менее элитных, менее аристократических, но более массовых и, поэтому, не только современных, но более конкурентоспособных. Имперская модель социализации, вероятно, была бесперспективной. С другой стороны, именно она породила многие дискурсы идентичности, связанные с традициями «высокой культуры», которые проявились в искусстве литературы, исторического и географического воображения. Все эти дискурсы формировали национализм в Бразильской Империи – культурный и политический.

---

[1] О проблеме модернизации в бразильском политическом и интеллектуальном дискурсе см.: Corvalho J.M. A Formação das Almas. O Imaginário da República no Brasil / J.M. Corvalho. – São Paulo, 1990; Da Matta R. Carnavais, Malandros e Heróis. Para uma Sociologia do Dilema Brasileiro / R. Da Matta. – Rio de Janeiro, 1979; Oliven R.G. Brasil, uma modernidade tropical / R.G. Oliven // Etnográfica. – 1999. – Vol. III. – No 2. – P. 409 – 427.

[2] Об этом в теоретическом плане см.: Castro S. Teoria e política do modernismo brasileiro / S. Castro. – Petrópolis, 1979.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[3] Boechat M.C. Paraísos artificiais: o romantismo de José de Alencar e sua recepção crítica / M.C. Boechat. – Belo Horizonte, 1997; Borges V.R. Cultura, naturezae história na invenção alencariana de uma identidade da nação brasileira / V.R. Borges // RBH. – 2006. – Vol. 26. – No 51. – P. 89 – 114; Cunha R. de, Deslocamentos: o entre-lugar do indígena na literatura Brasileira / R. de Cunha // PCS. – 2007. – No 1. – P. 51 – 62; Helena L. A solião tropicale os pares à deriva: Reflexões em torno de Alencar / L. Helena // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 1 – 18; Moreira M.E. Nacionalismo literário e crítica romântica / M.E. Moreira. – Porto Alegre, 1991; Schapochnik N. Letras de fundação: Vernhagen e Alencar – projetos da narrativa instituinte / N. Schapochnik. – São Paulo, 1992.

[4] Об этом подробнее см. раздел «Формирование образа “чужого”: индейские нарративы в творчестве Жозэ дэ Аленкара» в монографии автора «Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке», изданной в 2008 году. См.: Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008. – С. 70 – 79.

[5] О процессах урбанизации в контексте социальных перемен и модернизации см.: Cano W. Desequilíbrio regionais e concentração industrial no Brasil: 1930-1970 / W. Cano. – São Paulo, 1985.

[6] См. подробнее раздел «Между casa grande и senzala: интеллектуальные истоки модернизации и литературный текст в Бразилии в середине 1870-х годов» в монографии автора «Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке», изданной в 2008 году. См.: Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке. – С. 80 – 88.

[7] См. подробнее раздел «Создавая новую идентичность: Машаду дэ Ассиз и ранний бразильский модернизм» в монографии автора «Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке», изданной в 2008 году. См.: Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке. – С. 89 – 98.

[8] Об этом подробнее см. раздел «Império infantil: дискурс детства в контексте «высокой культуры» в Бразильской Империи» в монографии «Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)». См.: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2008. – С. 94 – 99.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ЖЕНЩИНЫ КАК БРАЗИЛЬЯНКИ, НЕГРЫ И ИММИГРАНТЫ КАК ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ БРАЗИЛЬЦЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РАННЕГО БРАЗИЛЬСКОГО МОДЕРНИЗМА

Ко второй половине 1880-х годов, к тому моменту, когда Бразильская Империя переживала, глубокий политический, социальный и экономический кризис, бразильский гражданский национализм обладал немалым опытом политического и культурного участия. В стране складывалась гражданская идентичность, которая стала гарантией достаточно быстрого и успешного перехода от Империи к Республике. Конец 1880-х – начало 1890-х годов стало первым и своеобразным политическим транзитом в истории Бразилии. Политические перемены в Бразилии того этапа совпали со значительными интеллектуальными и культурными переменами.

В интеллектуальной жизни утвердилась модернистская парадигма, которая способствовала развитию нового типа идентичности – модерной идентичности современной бразильской нации, которая к тому времени обрела не только этническое, но и политическое измерение. Утверждение модернизма в культурной и социальной традиции Бразилии связано с деятельностью Жозэ дэ Аленкара и Бернарду Гимараэнша. Появление текстов Машаду дэ Ассиза ознаменовало кризис традиционной идентичностной модели, способствуя утверждению модернистского дискурса, что проявилось в изменении статуса героев-женщин.

В романах Машаду дэ Ассиза роль героини-женщины, как правило, роль, протекающая в системе подчинения и несамостоятельности на фоне доминирования со стороны мужчины. Самый «революционный» женский персонаж в бразильской литературе эпохи Империи – это, вероятно, белая рабыня Изаура, но весь ее радикализм (если, конечно, данный термин в этом контексте и значении применим) – результат тех социальных и культурных условий, созданных героями-мужчинами. Изаура на протяжении всего романа выступает в роли ведомой – сюжет развивается вокруг героев-мужчин. Женские образы в бразильской литературе эпохи Империи имели бэк-граунд, проявлявшийся в доминировании маскулинной политической культуры – культуры участия, разделения и исполнения социальных ролей. Но это вовсе не делает женские образы менее ценными.

Подобная стратегия развития «женского» нарратива, артикулируемого писателями-мужчинами представляет значительный интерес в контексте социальной и интеллектуальной истории Бразильской Империи, формирования и развития идентичностей – культурных, гендерных, социальных. Женские образы в бразильской литературе периода Империи – результат сознательной рефлексии представителей интеллектуального сообщества, которые были одновременно и носителями «высокой культуры». «Высокая

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

культура» была культурой гендерно маркированной и детерминированной, развиваясь как культура мужчин, что подразумевало не только преимущественно политическое участие мужчин, но статус мужчины как творца, создателя – в том числе и культурных (литературных) ценностей.

Эти образы, вероятно, соответствовали тому набору социальных и культурных ценностей, которые доминировали в Империи, разделяясь и принимаясь большинством бразильских интеллектуалов. Эти интеллектуалы были не просто носителями «высокой культуры», но и обладали особой и уникальной идентичностью, которая имела ярко выраженный гендерный, маскулинный, бэк-граунд[1]. Такая ситуация автоматически исключала женщин из числа активных акторов, даже – в воображаемой социальной реальности литературного текста. Набор социальных ролей бразильской женщины в литературе периода Империи почти не выходил за пределы семьи, материнства и церкви.

Вероятно, это были даже не социальные роли, а социальные и культурные предписания, принятые недобровольно, а воспринятые в силу доминирования традиции. Ценности, повлиявшие на формирование женского дискурса в бразильской литературе в период Империи, в значительной степени оставались традиционными, а общество было затронуто модернизационными процессами в незначительной степени. Продолжатели Машаду дэ Ассиза продолжили ревизию женских образов, что способствовало дальнейшей модернизации бразильского общества, его культурной и социальной фрагментации. В этом контексте изменился статус женщины как героини литературного текста: она постепенно перестает быть «другой» и «чужой», превращаясь в бразильянку.

На смену ей пришли другие образы «чужого», связанные с иммигрантами из Европы. С подобными образами мы, например, сталкиваемся в романе Алуизиу Азеведу «Cortiço»[2]. Роман Алуизиу Азеведу – это текст, в центре которого кризис не просто Бразильской Империи, но своеобразной имперской идентичности и политической лояльности самой идее империи. Эта в значительной степени традиционная идентичность к концу 1880-х годов пребывала в размытом состоянии, было невозможно определить, где начинаются и заканчиваются ее пределы. Это было связано с двумя процессами, которые динамично развивались в Бразильской Империи, начиная с 1850-х годов. Речь идет о начавшейся модернизации и связанным с ним кризисом «высокой культуры».

Вероятно, именно сами идеи «высокой культуры», связанные с функционированием политической элиты, лежали в основе успешного функционирования бразильской модели имперского государства. Модернизация вылилась не просто во внешние изменения, но и привела к значительным переменам в социальной и национальной структуре населения Империи, нуждавшейся в новых трудовых ресурсах, которые могла поставить Европа, в первую очередь – Португалия, Испания и Италия. В такой ситуации

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

города Империи постепенно теряю свой лузо-бразильский облик, наполняясь выходцами из упомянутых европейских стран, которые соседствовали со свободными и полусвободными неграми и мулатами[3].

Новые социальные и культурные, формальные и неформальные, отношения между европейскими иммигрантами и бразильскими неграми[4] только в значительной степени осложняли систему социо-культурных связей и коммуникаций городских окраин. Именно эти иммигранты и негры составили основу рынка рабочей силы, в котором так нуждалась поздняя Империя, где в рамках модернизации более активно начинают развиваться капиталистические отношения, триумф которых вел к разрушению традиционных социальных связей и практик культурной коммуникации, раннее доминировавших в «cortiço». На смену отношениям традиционности шли новые, более современные тенденции, которые делали систему социо-культурных связей открытой и восприимчивой к социальным и культурным влияниям извне. На смену традиционным идентичностям, основанным на преданности и лояльности, возникали новые, модерные, идентичности, которые в качестве бэк-граунда опирались на более массовое участие и разрушение традиционных ролей, как гендерных, так и социальных.

Следующим шагом в процессе культурной и интеллектуальной модернизации стало появление романа Жулиу Рибейру «A Carne»[5], вышедшего на излете Бразильской Империи – в 1888 году. Социальный и культурный мир, описанный Ж. Рибейру, представлял собой мир постепенного умирания и исчезновения старой Бразилии с ее традиционными ценностями и архаичными культурные и социальными практиками. Мир, отраженный в «Плоти» казался современникам естественным, стабильным и устойчивым, доживал последние дни: действие романа происходит в поздней Империи, накануне отмены рабства и провозглашения республики. Вместе с Империей умирали и те, кто вырос в Империи, кто прошел социализацию в условиях доминирования имперской культуры и идентичности.

Подобные герои и сами понимают, что в новом мире Республики, где отношения будут не столь архаичны, а социальные связи и культурные коммуникации подвержены иерархиезации в меньшей степени, им не будет места. Поэтому, они оставляют себе единственный выбор – самоубийство, которое стало и суицидом «высокой культуры», которая оказалась не в состоянии выиграть в конкуренции с новыми внутренними вызовами, исходившими от новых, альтернативных, идентичностей, предлагавшим их носителям другой набор ценностей[6]. Эта идентичность не имела элитарного бэк-граунда, основываясь на массовости и серийности. Эти две тенденции оказали значительное влияние не только на развитие расовых отношений, способствуя политизации черного населения. Они в значительной степени повлияли и на гендерные отношения, способствуя либерализации гендера, его выведению из сферы чисто литературной в сферу поли-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

тическую. Эти тенденции, точнее – ранняя предыстория бразильской феминистской традиции – отражены в романе Жулиу Рибейру «Плоть».

Для бразильского культурного контекста конца 1880-х годов роман оказался очень радикальным. Роман в значительной степени отразил те кризисные тенденции, которые были характерны для интеллектуальной жизни поздней Бразильской Империи. Вместе с тем не следует исключать «Плоть» из литературного контекста Бразилии того времени. Наряду с произведениями Машаду дэ Ассиза, который, подобно Жулиу Рибейру, предлагал новые идентичности, в том числе – и гендерные, роман «Плоть» способствовал кризису традиционной романтической и реалистической модели в бразильской литературе, содействуя рождению в рамках реалистического и натуралистского канона новых литературных трендов, которые составили основу модернизма, возобладавшего в литературе Республики.

---

[1] Об этом подробнее см. раздел «Феминность в тени доминирующей маскулинности: женские образы в бразильской литературе эпохи Империи (на примере малой прозы Машаду дэ Ассиза)» в монографии «Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)». См.: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: «Научная книга», 2008. – С. 107 – 112.

[2] О наследии А. Азеведу в контексте развития национализма и идентичности см.: Dalcastagne R. Da senzala ao cortiço – história e literatura em Aluisio Azevedo e João Ubaldo Ribeiro / R. Dalcastagne // Revista Brasileira de História. – 2001. – Vol. 21. – No 42. – P. 483 – 494.

[3] Об этом подробнее см. раздел «Португальские (галисийские) эмигранты, негры, женщины, гомосексуалисты и буржуа: социальные роли и социо-культурный империализм в поздней Бразильской Империи» в монографии «Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)». См.: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889). – С. 120 – 121.

[4] О неграх как факторе социального развития Бразилии см.: Cardoso F.H., Ianni O. Cor e Mobilidade Social em Florianópolis, aspectos das relações entre negros e brancos numa comunidade do Brasil Meridional / F.H. Cardoso, O. Ianni. – São Paulo, 1960; Castro H.M. A cor inexistente: relações raciais e trabalho rural no Rio de Janeiro pós-escravidão / H.M. Castro // Estudos Afro-Asiaticos. – 1995. – No 28. – P. 101 – 128.

[5] Подробнее см.: Lessa D.P. A Carne está na mesa: esquartejada, temperada e bem servida: Júlio Ribeiro e a crítica literária / D.P. Lessa // Glaúks. – 2007. – Vol. 7. – No 2. – P. 157 – 175.

[6] Об этом подробнее см. раздел «Гендер и секс, раса и принуждение: “A Carne” Жулиу Рибейру как участок социальной памяти в поздней Бразильской Империи» в монографии «Império, Estado, Nação:». См.: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889). – С. 120 – 121.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

БРАЗИЛЬСКИЙ МОДЕРНИЗМ: КУЛЬТУРНАЯ БИОГРАФИЯ И / ИЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ БРАЗИЛЬСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Модернизация бразильского общества, протекавшая на протяжении XX столетия, не являлась процессом исключительно политическим и тем более – экономическим. Модернизация затронула большинство сфер жизни бразильского социума, точнее – тех фрагментированных социальных групп, которым было суждено стать бразильской политической (гражданской) нацией. Модернизация протекала в сфере социальных отношений, что проявилось в вытеснении неформальных акторов и структур, их заменой государственными служащими как агентами национального государства, претендовавшего на политическую универсальность.

Модернизация развивалась и в рамках национальных отношений, что выразилось, с одной стороны, в разрушении границ замкнутых национальных сообществ, а, с другой, в формировании бразильской идентичности и нации, в состав которой принудительно и добровольно интегрировались выходцы из Италии, Германии, Украины, пребывавшие в Бразилию. В истории национальных групп и сообществ модернизация стала историей ассимиляции, процессом постепенного разрушения привнесенных идентичностей. Наибольшую роль в бразильской модернизации, вероятно, сыграли идентичностные изменения, связанные с кризисом старых имперских культурных моделей, практик и традиций.

Имперская модель политической идентичности, политической культуры и интеллектуальной традиции не отличалась значительной устойчивостью. Имперская модель базировалась на фрагментированности политического и культурного пространства Империи, а так же на приверженности элит своеобразному социо-культурному империализму или расизму. Империя была иерархическим государством, где социальный статус определялся признаками расы, социального происхождения и гендера. Кризис имперской модели политического функционирования в 1880-е годы привел к отмене рабства, что вылилось в радикальные политические перемены, связанные с провозглашением в Бразилии республики. Республика нуждалась в новых основаниях, новом бэк-граунде – политической культуре и идентичности, на основании которых вырабатывались и формулировались принципы лояльности граждан и легитимности той модели, лояльность в отношении которой они проявляли.

Имперская культура в этом контексте была устаревшей. Республика нуждалась в новых культурных моделях, которые вскоре были предложены бразильскими интеллектуалами. Анализируя формирование новой идентичности, следует принимать во внимание, что ее истоки следует искать в нападках бразильских интеллектуалов, на традиционную имперскую

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

модель[1]. В рамках поздней имперской культуры формировались альтернативные проекты, которые стали фундаментом бразильского протомодернизма или раннего модернизма, что было связано с ростом со стороны бразильских интеллектуалов к социальной проблематике[2], толкавшей их на ревизию существовавших идентичностей. История Бразилии как Республики в XX столетии прошла под знаком модерна и постмодерна[3], а так же связанных с ними культурных трендов и интеллектуальных течений. В памках модерновой культуры вырабатывался новый политический язык, который в одинаковой степени, в зависимости от ситуации, оказывался пригодным для популяризации национализма и идентичности или для их отрицания и неприятия[4]. Именно поэтому в центре настоящего раздела будут проблемы (пост)модернизма в Бразилии. Автор попытается составить интеллектуальную биографию бразильской модернизации.

Вопрос о хронологических границах бразильского модернизма является дискуссионным. Российская исследовательница М.Ф. Надъярных в связи с этим подчеркивает, что модернизм Бразилии представляет собой «сложное, внутренне противоречивое, мозаично-динамичное явление»[5], которое соотносилось с другими культурными трендами – реализмом, авангардизмом, постсимволизмом. В отечественной исследовательской традиции начало модернизма связывается с 1920-ми годами, хотя (прото)модернистские тренды в культурной и интеллектуальной жизни Бразилии могут быть обнаружены и в более ранний период.

В 1890-е годы заявил о себе бразильский символизм[6], который может рассматриваться в качестве одного из предшественников модернизма[7]. Первым шагом символизма стало появление в 1891 году манифеста «Сумерки народов», автором которого являлся Арапипе Жуниор. Жуниор активно апеллировал к авторитету Машаду дэ Ассиза, как зачинателю новых для Бразилии литературных традиций. Два года спустя, в 1893 году, выходит поэтический сборник Жоау да Круса-и-Соузы «Broqueis», который представлял собой собрание текстов, выдержанных в стиле и духе символистской поэтики. Жоау да Крус-и-Соуза (1861 – 1928)[8] – знаковая фигура в истории бразильской интеллектуальной традиции. Именно Жоау да Крус-и-Соуза, родившейся в семье черных рабов, но, получивший прекрасное для своего времени образование, разрушает доминирование белых лузо-бразильцев в литературном пространстве Бразилии. Крус-и-Соуза разрушил не только монополию белых, но своими сборниками «Missal», «Evacacões», «Farois», «Ultimos sonetos» подрывал традиционную поэтику. Вторым крупным теоретиком символизма, новатором стиха и форматором нового дискурса стал Алфонсуш ди Гимараинш (1870 – 1921).

Если Крус-и-Соуза подрывал литературный дискурс стилистически и лингвистически, то А. Гимараинш был склонен видеть альтернативу современности в прошлом. Не менее значимой фигурой в рамках бразильского символизма, вероятно, является и Жозе да Граса Аранья (1868 –

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

1931), известный и как один из основателей современной бразильской литературной культуры. В 1897 году он стал одним из инициаторов создания Бразильской Академии Литературы. Одна из центральных идей в творческом наследии Жозе да Граса Араньи – формирование бразильской нации будет протекать как процесс постепенной интеграции и ассимиляции различных национальных и социальных групп как бразильских, так и европейских. Эта идея нашла свое отражение в романе «Ханаан», изданном в 1902 году.

Важную роль в формировании и возникновении модернистского канона сыграл бразильский регионализм[9]. Значимой фигурой среди регионалистов являлся Катулу да Пайшан Сеарансе (1863 – 1946) – автор романов «Мой сертан» (1918), «Цветущий сертан» (1919), «Душа сертана» (1928). Не менее значимой фигурой для развития бразильского регионализма является Валдомиру Силвейра (1873 – 1941). Среди регионалистов в наибольшей степени знаменит Эуклидиш да Кунья – автор романа «Os Sertões», вышедшего в 1902 году[10]. Российские исследователи полагают, что этот роман имеет «колоссальное значение для развития всей бразильской литературы», став «поворотным пунктом в развитии общественного сознания»[11].

«Паулистский» (т.е. связанный с Сан-Паулу) тренд в развитии бразильского регионализма представлен в творчестве Жозе Бениту Монтейру Лобату. Тексты Э. да Куньи и Ж. Монтейру Лобату в значительной степени способствовали ревизии культурных проектов, оказывая влияние на протекавшие в Бразилии идентичностные трансформации. Если символисты, разрушая и подрывая литературную традицию, способствовали появлению новых литературных и интеллектуальных трендов, то регионалисты способствовали росту политического национализма и политического воображения[12], формируя образ Бразилии, оказывая существенное влияние на формирование новой бразильской идентичности.

Деятельность символистов и регионалистов к концу 1910-х годов возымела свои первые значимые результаты: бразильское интеллектуальное сообщество пребывало в состоянии духовного и политического кризиса. Кризис переживала и националистическая модель. Поэтому, бразильские интеллектуалы начали указывать на то, что национализм и националистическая парадигма нуждаются в серьезной ревизии, хотя определенные попытки пересмотреть национальный канон предпринимались и на протяжении 1890-х годов. В частности, в 1892 году появляется первая бразильская антиутопия – роман «Царство Киату» Родолфу Теофилу. Кризисные настроения проявились и в развитии научного сообщества, которое мучительно искали модели и парадигмы для выработки новых исследовательских практик.

В 1905 году, например, выходит исследование Раймунду Нины Родригиша «Африканцы в Бразилии». Написанная словно по инерции от социо-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

культурного империализма периода Империи, книга предлагает модель социо-культурного расизма как более приемлемой формы культурного и социального принуждения для республики. Р. Нина Родригиш попытался объяснить расовые отношения в Бразилии в рамках дихотомии «отсталость» / «инаковость»: бразильские негры, в его понимании, не только культурно неполноценны в отличие от белых, но они и принципиально иные и чужие.

Аналогичные тенденции были характерны так же для развития бразильской литературы и критики. В 1909 году выходит «фантастический» роман Г. Барнсли «Сан-Паулу в 2000 году». Эти тексты отражали нарастающие тенденции разочарованности и несогласия с существующим культурным каноном. Пиком развития подобных настроений стало появления во второй половине 1920-х годов книг Алберту Торреса «Проблемы бразильской нации» (1914), Базилиу ди Магальяиша «Великий больной Южной Америки» (1916) и Франсиску Лагрека «Почему я не горжусь своей страной» (1919). Алберту Торрес, в частности, констатировал, что «упадок национальной культуры очевиден… у нашего народа нет собственного мнения и ориентира»[13], хотя еще в 1911 году другой бразильский интеллектуал Капистрану де Абреу сетовал на «дряхлость бразильской нации»[14].

Первые тенденции, которые непосредственно предшествовали модернизму, проявились в бразильской литературе в 1910-е годы. В 1912 году из Европы вернулся молодой бразильский поэт Освалду ди Андраде, который предпринял попытку познакомить бразильское интеллектуальное сообщество с новейшими европейскими культурными трендами, в том числе – футуризмом[15]. Важным стимулом для институционализации модернизма стала подготовка в начале 1920-х годов празднования юбилея, связанного со столетием обретения независимости. Молодые бразильские литературы стали инициаторами проведения альтернативных мероприятий, полагая, что Бразилия нуждается в принципиально новой культурной парадигме. Элементы этой новой программы культурного и национального развития представлены в трех манифестах 1921 года – «В потоке обновления» Менотти дель Пикчиа, «Литературная реформа» Освалду де Андраде и «Мастера прошлого» Мариу де Андраде. Собственно рождение бразильского модернизма связано с проведением в Сан-Паулу «Недели современного искусства» с 11 по 18 февраля[16]. История бразильского модернизма в значительной степени персонифицирована. Бразильский модернизм представлен несколькими оригинальными и крупными авторами.

Среди центральных деятелей нового интеллектуального сообщества[17], объединенного идеями бразильского модернизма – Мариу де Андраде (1893 – 1945)[18] – фигура в равной степени магистральная для современной культуры и маргинальная для предшествующей культурной традиции. В своих работах Мариу де Андраде сознательно порывал с бразильским культурным и литературным каноном, стремясь его разрушить, что про-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

явилось в таких работах писателя как «Рабыня, но не Изаура» («A escrava que não é Isaura», 1925), «Модернистское движение» и «Черты бразильской литературы» («Aspecrtos da literature brasileira», 1943)[19]. Среди упомянутых текстов показателен в наибольшей степени первый, в котором заметна не только полемика с бразильской литературой эпохи Империи, но и попытка сознательного фрагментирования культурного, литературного и интеллектуального ландшафта. В поэме «Paulicéia desvairada» (1922) Мариу де Андраде так же «разрушал» традиционную поэтику и восприятие Сан-Паулу, способствуя формированию новой воображаемой географии Бразилии.

В 1920-е – 1930-е годы в функционировании бразильского модернизма[20], в условиях постепенной политической фрагментации общества, активизации правых и левых анти(вне)системных вызовов и движений, динамичным ростом правых политических трендов, связанных с национализмом и авторитаризмом[21], особую роль играли литературные объединения, среди которых выделялись течения, сформировавшиеся вокруг трех литературных манифестов «Бразильская древесина» («Pau-Brasil», 1925), «Манифест антропофагии» (1928)[22], «Манифест желто-зеленых» (1926). Два первых манифеста связаны с Освалду де Андраде и его сторонниками, а третий – с, Кассиану Рикарду, К. Мота Фильу, Плиниу Салгаду[23]. Появление этих манифестов свидетельствовало о фрагментации культурного пространства в Бразилии, о формировании двух течений, первое из которых в большей степени ориентировалось на необходимость радикальной смены культурной парадигмы, в то время как второе было более традиционно и постепенно его сторонники политически мигрировали вправо.

Выше автор констатировал в значительной степени персонифицированный характер истории бразильского модернизма. История модернизма в европейском и американском контексте предстает как совокупность попыток интеллектуалов, связанных с разными национальными культурами и политическими традициями, утвердить «собственный культурный код»[24]. Среди крупных деятелей модернизма в Бразилии следует упомянуть Освалду де Соузу Андраде (1890 – 1954)[25], который в своих произведениях «Os condenados» («Осужденные», 1922), «A estrela do absinto» («Звезда-полынь», 1927), «O rei da vela» («Король свечи», 1933), «O homem e o cavalo» («Человек и лошадь», 1934), «A escada vermelha» («Красная лестница», 1934), «A morta» («Мертвая», 1937) способствовал появлению альтернативных концептов как в культурной, так и политической сфере[26], большей фрагментации литературного и интеллектуального пространства в Бразилии, предприняв попытку утвердить парадигму воображения страны в урбанистическом стиле.

Анализируя историю бразильского модернизма[27], следует коснуться и творческого наследия Карлоса Друммонда де Андраде (Carlos Drummond de Andrade, 1902 – 1987)[28]. Друммонд де Андраде делал свои первые шаги в бразильской литературе в 1930-е годы как модернист, сразу восприняв

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

модернистскую поэтику, не придя в модернизм из символизма и футуризма. В сборниках Друммонда де Андраде «Alguma poesia» («Кое-какие стихи», 1930), «Brejo das almas» («Вереск душ», 1934), «Sentimento do mundo» («Чувство мира», 1940), «Jose» («Жозэ», 1942), «A rosa do povo» («Роза народа», 1945), «A vida posada a limpo» («Жизнь начисто», 1958), «Lição das coisas» («Урок вещей», 1962), «As impurezas do branco» («Грязь белизны», 1973) заметна тенденция не только пересмотреть границы традиционного поэтического языка, но и отказаться от типичного бразильского героя. На смену героям-романтикам приходят современные герои без определенных социальных и культурных связей[29]; герои почти лишенные биографии.

Завершая эту часть исследования, автор считает необходимым акцентировать внимание на нескольких факторах, связанных с развитием и функционированием (пост)модернистских трендов в интеллектуальной истории Бразилии. В рамках модернизма сложились условия для формирования новой политической идентичности, которая оказалась в состоянии предложить идею гражданской нации, интегрировав в сам концепт «нации» не только лузо-бразильские, но и черные идентичностные и культурные тренды. Постепенно в этот концепт единой бразильской нации интегрировались немецкие, итальянские и украинские культурные, политические и этнические тренды, которые в условиях империи существовали в значительной степени изолировано от лузо-бразильского контекста. В рамках модернистской культурной парадигмы сложились условия для принципиального нового понимания и прочтения нации, которая начала осознаваться в значительной степени конструктивистски, как совокупность совпадающих этнических и политических единиц.

В этом отношении бразильский модернизм, безусловно, оказался мощным интеграционным фактором, который способствовал консолидации бразильского политического пространства в рамках новой идентичности, носителями которой были не просто белые бразильцы или черные бразильцы, но бразильская нация как гражданское (или потенциально) гражданское общество в целом. Утверждению мощного политического гражданского тренда способствовала и традиция политического участия, которая, несмотря на все перипетии политической истории, связанные с авторитарными и военными режимами, оставалась важным политическим фактором.

Модернизм способствовал не только консолидации, но и фрагментации политического пространства. Именно в рамках модернизма предлагались различные интеллектуальные концепты, связанные с политикой. Благодаря доминированию модернистской парадигмы политический процесс в Бразилии обрел интеллектуальные основания, что вело к фрагментации политического поля, выделению как левых, так и правых политических трендов, степень радикализации которых могла быть различной. И бразильские левые, и бразильские правые в большинстве своем оставались

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

модернистами, активно использую именно модернистский политический язык, своеобразную политическую поэтику, направленную на формирование политически противоположных, но по природе модернистских концепций идентичности.

---

[1] Об этом подробнее см. разделы «Негры, индейцы и женщины как “чужие”: проблемы генезиса бразильского модернизма» и «Женщины как бразильянки, негры и иммигранты как потенциальные бразильцы: проблемы интеллектуальной истории раннего бразильского модернизма» настоящей монографии.

[2] О социальных процессах в ранней Республике см.: Sevcenko N. Literatura como missão: tensões sociais e criação cultural na Prim Republica / N. Sevcenko. – São Paulo, 1983

[3] О феноменах (пост)модерна в контексте развития идентичности в теоретическом плане см.: Вачева А. Дискурси на модерността: опит за постмодерне разбиране / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/kritika3/diskursi.htm

[4] Об этой «националистической» функции модернизма подробнее см.: Алипиева А. Утопии и модернизъм / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/utopii.htm

[5] Надъярных М.Ф. Литература Бразилии / М.Ф. Надъярных // История литератур Латинской Америки. XX век: 20 – 90-е годы / отв. ред. В.Б. Земсков. – М., 2004. – Ч. 2. – С. 572.

[6] О символизме и других литературных трендах в Бразилии конца XIX – начала XX века подробнее см.: Надъярных М.Ф. Литература Бразилии / М.Ф. Надъярных // История литератур Латинской Америки. Конец XIX - начало XX века (1880 – 1910-е годы) / отв. ред. В.Б. Земсков. – М., 1994. – С. 591 – 628; Castro Gomes A. de, Os intelectuais cariocas, o modernismo e o nacionalismo: O caso de Festa / A. de Castro Gomes // Luso-Brazilian Review. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 80 – 106.

[7] О генезисе бразильского модернизма см.: Amaral W.V., Sousa Ribeiro E. Romanização e modernidade: as filhas de Maria e a normatização da sociedade e recifense (1890-1922) / W.V. Amaral, E. Sousa Ribeiro // Revista Brasileira de História das Religiões. – 2009. – Vol. 1. – No 3. – P. 327 – 347; Velloso M. As Raízes Ibéricas do Modernismo Brasileiro / M. Velloso // Ipotesi: revista de Estudos Literários. – Vol. 3. – No 1. – P. 59 – 72.

[8] Zilberman R. Poeta e acrobata – um artista moderno. Cruz e Sousa por ocasião de seus 110 anos / R. Zilberman // Gláuks. – 2007. – Vol. 7. – No 1. – P. 36 – 52.

[9] О феномене бразильского регионализма см.: Almeida J.M.G. de, A tradição regionalista no romance brasileiro (1857-1945) / J.M.G. de Almeida. – Rio de Janeiro, 1999.

[10] Подробнее см.: Ferreira Cury M.Z. Os Sertões, de Euclides da Cunha: Espaços / M.Z. Ferreira Cury // Luso-Brazilian Review. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 71 – 79; Lima N.T. de, Um Sertão chamado Brasil: Intelectuais e a Representação Geográfica da Identidade Nacional / N.T. de Lima. – Rio de Janeiro, 1999; Levine R.M. O sertão prometido: o massacre de Canudos no nordeste brasileiro / R.M. Levine. – São Paulo, 1995; Oliveira R. de, Euclides da Cunha, Os Sertões e a invenção de um Brasil profundo / R. de Oliveira // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 44. – P. 511 – 537; Ventura R. Euclides da Cunha e a República / R. Ventura // Estudos Avançados. – 1996. – No 10. – P. 275 – 291. См. так же: Pereira P.P. Sertão e Narração: Guimarães Rosa, Glauber Rocha e seus desenredos / P.P. Pereira // Sociedade e Estado. – 2008. – Vol. 23. – No 1. – P. 51 – 87.

[11] Надъярных М.Ф. Литература Бразилии / М.Ф. Надъярных // История литератур Латинской Америки. Конец XIX - начало XX века (1880 – 1910-е годы) / отв. ред. В.Б. Земсков. – М., 1994. – С. 623.

[12] О феномене политического воображения в Бразилии см.: Carvalho J.M. de, A formação das almas: o imaginário da República no Brasil / J.M. de Carvalho. – São Paulo, 1990

[13] Torres A. O problemo nacional brasileiro / A. Torres. – São Paulo, 1982. – P. 15.

[14] Capistrano de Abreu J. Correspondência / J. Capistrano de Abreu. – Rio de Janeiro, 1955. – Vol. II. – P. 21.

[15] О футуризме в Бразилии в контексте развития модернизма и идентичностных перемен подробнее см.: Fabris A. Futurismo: uma poética da modernidade / A. Fabris. – São Paulo, 1987; Fabris

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

A. O Futurismo paulista: hipoteses para o estudo da chegada da vanguarda ao Brasil / A. Fabris. – São Paulo, 1994; Fabris M. Notas sobre o futurismo literário / M. Fabris // TriceVersa. Revista do Centro Italo-Luso-Brasileiro de Estudos Lingüisticos e Culturais. – 2007. – Vol. 1. – No 1. – P. 61 – 84.

[16] О раннем бразильском модернизме см.: Brito M.S. História do Modernismo Brasileiro / M.S. Brito. – Rio de Janeiro, l978; Figueiredo A.M. de, Eternos modernos: uma historia social da arte e da literatura na Amazonia (1908-1929) / A.M. de Figueiredo. – Campinas, 2001. – 315 p. Tese de doutorado. Instituto de Filosofia e Ciencias Humanas da Universidade de Campinas.

[17] О развитии интеллектуального сообщества в Бразилии см.: Martins W. História da inteligencia brasileira (1915-1933) / W. Martins. – São Paulo, 1978; Miceli S. Intelectuais à brasileira / S. Miceli. – São Paulo, 2001; Miceli S. Experiencia social e imaginário literário nos livros de estréia dos modernistas em São Paulo / S. Miceli / Tempo Social. – 2004. – Vol. 16. – No 1. – P. 167 – 207.

[18] О Мариу де Андраде см.: Gonçalves L.Z. O lugar do modernismo em textos críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / Z.L. Gonçalves // Revista de Pesquisa e Pós-Graduação. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164; Schpun M.R. Luzes e sombras da cidade (São Paulo na obra de Mário de Andrade) / M.R. Schpun // Revista Brasileira de História. – 2003. – Vol. 23. – No 46. – P. 11 – 36; Schnapp J.T., Castro Rocha J.C. de, As velocidades brasileiras de uma inimizade desvairada: o (des)encontro de Marinetti e Mário de Andrade em 1926 / J.T. Schnapp, J.C. de Castro Rocha // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 41 – 54; Magalhães H.G. Tradição e modernismo em Prefácio Interessantissimo de Mário de Andrade / H.G. Magalhães // Polifonia. – 1997. – N0 3. – P. 60 – 71; Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // Revista Brasileira de ciências sociais. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 25; Ramos Maya I. da S. Anti-viajante que sou: o conceito de viagem na obra de Mário de Andrade / I. da S. Ramos Maya // Ipotesi: revista de Estudos Literários. – Vol. 3. – No 1. – P. p. 73 – 88; Rodrigues L.G. Uma leitura do modernismo: cartas de Mário de Andrade e Manuel Bandeira. Dissertação (mestrado) / L.G. Rodrigues. – Rio de Janeiro: PUC, Departamento de Letras, 2003. Значительная библиография работ, посвященных деятельности и творческому наследию Мариу де Андраде доступна по адресу: http://prezadomariodeandrade.com.br/bibliograf.htm

[19] См.: Fonseca A. A Poesia Modernista no Brasil: Mário de Andrade / A. Fonseca // Latitudes. – 2001. – No 13. – P. 83 – 85.

[20] О модернизме в рамках бразильской интеллектуальной традиции см.: Lisboa de Mello A.M. A posição de Raul de Leoni na história da lírica moderna brasileira / A.M. Lisboa de Mello // Letras de Hoje. – 2006. – Vol. 41. – No 4. – P. 58 – 71; Pacheco T. Bruno de Menezes e o modernismo no Pará / T. Pacheco // Belo Horizonte. – 2003. – Vol. 6. – P. 165 – 172.

[21] О правой политической традиции в Бразилии см.: Alves Filho A. Fundamentos metodológicos e ideológicos do pensamento político de Oliveira Viana. Tese de mestrado / A. Alves Filho. – Rio de Janeiro, 1977; Lima M.R., Cerqueira E.D. O modelo político de Oliveira Viana / M.R. Lima, E.D. Cerqueira // RBEP. – 1971. – No 30. – P. 85 – 109; Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Vieira E.A. Oliveira Viana e o Estado çorporativo (um estudo sobre corporativismo e autoritarismo) / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976; Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99; Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990; Madeiros J. Introdução ao estado do pensamento politico autoritàrio brasileiro, 1914 – 1945. Olveira Viana / J. Madeiros // RCP. – 1974. – Vol. 17. – No 2. – P. 31 – 87; Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalha // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99; Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156; Torres V. Oliveira Viana. Sua vida e sua posição nos estudos brasileiras de sociologia / V. Torres. – Rio de Janeiro, 1956; Vieira E.A. Oliveira Viana e Estado corporativo / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976.

[22] Mascaro L.P. Similaridades entre Regionalismo e Antropofagia: nacionalismo – internacionalismo – regionalismo / L.P. Mascaro // Mneme – Revista Virtual de Humanidades. – 2004. – Vol. 5. – No 10; Schwartz J. Vanguardas Latino-Americanas: Polêmicas, Manifestos e Textos Criticos / J. Schwartz. – São Paulo, 1995.

[23] О Плиниу Салгаду см. подробнее: Arújo R.B. Totalitarismo e Revolução. O integralismo de Plinio Salgado / R.B. Arújo. – Rio de Janeiro, 1987; Lopes D.H. Integralismo: uma das oprtunidades

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

de participação femina no espaço público / D.H. Lopes // RIC FFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2; Brito Silva G. Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98; Caldeira J. Integralismo e Politica Regional / J. Caldeira. – São Paulo, 1999; Calil G.G. O integralismo no pós-guerra: a formação do PRP 1945 – 1950 / G.G. Calil. – Porto Alegre, 2001; Barbosa J.R. A ascensâo da ação integralista brasileira, 1932 – 1937 / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 81; Cavalari R.M. Integralismo: ideologia e organização de um movimento de massa no Brasil 1932 – 1937 / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999; Bertonha F. A móquina simbólica do integralosmo / F. Bertonha // HP. – 1992. – No 7; Trindade H. Integralismo. O Fascismo Brasileiro na Década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979; Vasconellos G. Ideologia cupupira: análise do discurso integralista / V. Vosconcellos. – São Paulo, 1979; Chasin J. O integralismo de Plinio Salgado / J. Chasin. – São Paulo, 1978.

[24] Вачева А. Дискурси на модерността: опит за постмодерне разбиране / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/kritika3/diskursi.htm

[25] Eleutério M. de L. Oswald de Andrade – Itinerário de homem sem profissão / M. de L. Eleutério. – Campinas, 1989; Fonseca M.A. Oswald de Andrade: biografia (1890-1954) / M.A. Fonseca. – São Paulo, 1990; Helena L. Totens e tabus na modernidade brasileira: simbolo e alegoria na obra de Oswald de Andrade / L. Helena. – Rio de Janeiro, 1985; Martins H. Oswald de Andrade e outros / H. Martins. – São Paulo, 1973.

[26] См. подробнее: Stern Cohen I. “Para onde vamos?” Alternativas políticas no Brasil (1930-1937) / I. Stern Cohen. – USP. Tese de Doutorado, 1997.

[27] Об истории модернизма в Бразилии см.: Inojosa J. Visão geral do modernismo brasileiro / J. Inojosa // Os Andrades e outros aspectos do modernismo / ed. J. Inojosa. – Rio de Janeiro, 1975. – P. 240 – 284.

[28] Santanna A.R. de, Carlos Drummond de Andrade. Analíse de obra / A.R. de Santanna. – Rio de Janeiro, 1977; Santiago S. Carlos Drummond de Andrade / S. Santiago. – Petrópolis, 1976; Carlos Drummond de Andrade and his generation / eds. F.C. Williams, S. Pacha. – Santa Barbara, 1986; Soares A. Poesia do corpo/corpo da poesia: tensões eróticas e existenciais em Carlos Drummond de Andrade / A. Soares // http://www.letras.ufmg.br/poslit; Sapiecinski M. Sujeito e modernidade na poética de Carlos Drummond de Andrade / M. Sapiecinski // http://www.letras.ufmg.br/poslit

[29] О феномене героя в модернистской литературе Бразилии см.: Coelho de Paiva M.A. Um outro heroi modernista / M.A. Coelho de Paiva // Tempo Social. Revista de sociologia da USP. – 2008. – Vol. 20. – No 2. – P. 175 – 196.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

(НЕ)ЗАВЕРШЕННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: КОНТЕКСТЫ БРАЗИЛЬСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В ПРОЗЕ АФОНСУ ШМИДТА

НЕГРЫ, РАСА И РЕСПУБЛИКА: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ БРАЗИЛИИ 1940-Х ГОДОВ

Политическая идентичность в Бразилии республиканского периода, в отличие от Империи, базировалась в большей степени не на лояльность политическому режиму и не на принятии политических институтов и процедур, а на постоянной рефлексии со стороны бразильских интеллектуалов относительно исторического и политического опыта Бразилии. Эта рефлексия имела принципиально важное значение в контексте формирования новых политических идентичностей и лояльностей. Период правления бразильского президента Жетулиу Варгаса не стал исключением. В научной литературе относительно политического характера режима бразильского лидера высказываются различные мнения. Тем не менее, мы можем констатировать, что усилиями Ж. Варгаса и верных ему элит политическое поле в Бразилии подверглось значительным трансформациями. Сфера политического – политического участия, политического протеста, политического несогласия – была существенно сужена[1]. Это привело к трансформации дискурса политического, его перемещению из сферы собственно политической в сферу культуры и литературы, интеллектуальных дебатов и философских исканий[2].

Литературная деятельность и интеллектуальный труд стали не только в значительной степени воображаемым пространством[3] бытования политического дискурса, но и теми сферами в функционировании бразильского социума, которые имели принципиальное значение для формирования новых идентичностей, а так же связанных с ними лояльностей и легитимностей[4]. Важным каналом для формирования подобных идентичностных проектов была литературная деятельность, которая базировалась, в том числе, и на переосмыслении исторического прошлого и политического опыта. Сознательно подвергая интеллектуальное, культурное и политическое пространство фрагментации, бразильские интеллектуалы предлагали новые идентичности, диапазон которых мог варьироваться от левых до правых. Историческая проза играла значительную роль в формировании подобных идентичностей. Историческая проза, посвященная поздней Империи, проблемам отмены рабства, имела крайне важное значение в контексте развития республиканской идеи как нового идентичностного проекта[5]. Именно

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

поэтому в настоящем разделе мы обратимся к проблемам исторической памяти и политической идентичности в Бразилии первой половины 1940-х годов в контексте романа бразильского писателя Афонсу Шмидта[6] «Поход» («A marcha. Romance da abolição»).

В центре «Похода» – динамично трансформирующееся и изменяющееся бразильское общество поздней Империи и ранней Республики, где сфера традиционного и нового не разведены, а политические и социальные перемены способствуют разрушению архаики. Переходное общество – это социум, где права собственности не закреплены, степень миграции населения высока, а его политическое участие носит скорее стихийный, нежели направляемый характер: «в коридорах судебного присутствия спорили адвокаты-крючкотворы… они без конца твердили о том, что права землевладельцев гарантируются военной силой, возмущались актами произвола и со стороны помещиков и со стороны строителей и угрожали при получении компенсации за землю содрать три шкуры с хозяев железной дороги. Несмотря на опасность захвата, земля в районе строительства дорожала с головокружительной быстротой. Каждая пядь отстаивалась с оружием в руках. Пришельцы не подчинялись решениям суда – для них все земли были “ничейными”. Это определение их очень устраивало и не сходило у них с языка»[7]. В романе мы сталкиваемся с обществом, где политический центр стремился к формализации политического процесса и процесса принятия решений, а периферия, игнорируя унификаторские мероприятия центра, по инерции, унаследованной от более раннего периода, склонна активно применять насилие.

Трансформирующийся социум ранней Республики предстает как мир почти полного и безраздельного доминирования маскулинности, и связанной с ней брутальности – наемного и стихийного насилия: «в тавернах с развешанными у входа гирляндами лука наемные головорезы, капанги, строили дерзкие планы. Все они были вооружены. Кроме револьвера, который они, садясь за стол, откидывали на бок, капанги носили также большой нож…на углах улиц мужчины в высоких сапогах, широкополых шляпах и порыжевших от пыли парусиновых костюмах рассказывали друг другу анекдоты, судачили о тех, кто не расставался с мотками колючей проволоки: если этим людям попадалась подходящая земля, они разматывали проволоку, сколачивали ранчо, выпускали на огороженный участок кур и на следующий день уже требовали закрепления за ними земли»[8]. Социальным центром периферии была вовсе не церковь, а местная таверна, на которой смыкались социальные, политические и культурные связи – формальные и неформальные. Именно таверна / кабак стала топосом маскулинности и освоения новых территорий, а самовольный захват земли становился средством изменения статуса, институционализации его повышения.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Социальный мир поздней Империи представлял собой мир не только политических и социальных, но и расовых ролей. В романе «Поход» Афонсу Шмидта мы находим немало образов негров. Негр почти всегда лишен самостоятельности, а его существование без белого человека, без господина почти не имеет смысла: «жена Алвима готовила с помощью невольницы сласти, которые двое негритят продавали на улице». Мелкий чиновник Алвим и его жена, разумеется, были белыми. Именно белые в сложной структуре социальных и экономических связей поздней Империи выступали, как правило, в качестве инициаторов торговых операций, где объектом были негры: «для начала он купил партию из восьми забитых вшивых невольников, с которыми бродячий работорговец застрял в Тиете. Негры никудышные, но, если их немного подкормить, они, пожалуй, смогут копать и рыхлить землю»[9]. Негр предстает как фигура в значительной степени символическая[10], которая олицетворяет отношения доминирования и подчинения, институционализированные не только, социально, но и расово.

Социальный статус негра[11], социальная психология черного бразильца в романе «Поход» почти примордиально выдержана в категориях зависимости[12]. Социальный мир негра ограничивается отношениями подчинения, другие социальные модели и стратегии для них, вероятно, не были знакомы: «ради хозяина негры не щадили сил. Освоение Пайнейраса стало не только делом плантатора, но и их личным, кровным делом. Они без устали трудились, терпели голод и, если бы это понадобилось, пожертвовали жизнью, лишь бы их белый хозяин стал богатым фазендейро». Образ негра – это образ человека, который нуждается в заботе и покровительстве со стороны своего белого господина: «негры обычно ненавидели своего хозяина, но не белых вообще, ибо негры – это раса, которая не умеет ненавидеть. Бог для того и дал им самые красивые зубы в мире, чтобы они всегда улыбались»[13]. Социальные функции и связи негра были весьма ограничены: его обязанность состояла в работе на господина[14]. Социальный мир негра начинался за дверью сензалы[15] и ограничивался ее стенами: «вслед за домом построили сензалу. Она стояла у речки неподалеку от жернова для размола кукурузы. Это был квадратный барак, разделенный на каморки, где ютились невольники и их семьи. Негров загнали в сензалу и перестали о них думать. Если уж все они черные, пусть и живут вместе»[16].

Мир белых, вероятно, в восприятии негра в значительной степени был дифференцирован: белые играли разные роли – не только господ, но и почти господ. В качестве такого почти господина предстает фигура надсмотрщика: «наняли надсмотрщика. Поговаривали, что он прибыл издалека, его преследовала полиция за то, что он разрядил револьвер в непослушного негра. Но разве это дурно? Скорее похвально». Отношения с белыми носили вертикальный, а с другими рабами – горизонтальный характер: «негры трудились не покладая рук. Они выходили на работу чуть

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

свет и возвращались, когда солнце уже садилось. Результаты не замедлили сказаться: лес постепенно редел»[17]. Цвет кожи продолжал играть одну из важнейших ролей в определении социального статуса[18], а негр воспринимался в меньшей степени как человек, но в большей степени как товар, который свободно подлежал купле и продаже. Негр в значительной степени оказался интегрированным в систему социальных и культурных связей, но не как участник, но как составляющая экономических и социальных коммуникаций белых бразильцев.

Социальный мир поздней Бразильской Империи не отличался прочностью, о чем, например, свидетельствовали проявления негритянского ребела и протеста, как стихийного, так и организованного. Примечательно, что в «Походе» поводом для начала насилия послужила не просто эксплуатация белыми негров, но то, как плантаторы прореагировали на попытку части белых и негров разрушить сложившуюся систему социальных связей: «повсюду на берегу – иллюминация, церковные песнопения, танцы, костры, кентан. В течение нескольких часов белые и черные братались между собой. Соседним плантаторам это не нравилось, и после многократных угроз они подослали надсмотрщика Антонио Жоакима поджечь церковь. Это случилось… не могу вспомнить точно в каком году… ночью сензалы проснулись от звона колоколов. Высокое пламя озаряло небо. Невольники сразу же поняли, что это дело рук белого, взбунтовались и в свою очередь подожгли энженьо, помещичий дом, склад… Фазендейро с трудом удалось бежать и добраться до Сантоса. Остаток ночи бунтовщики провели, танцуя вокруг костров. На рассвете они вспомнили о надсмотрщике, бросились его разыскивать и наконец нашли; спрятавшись под рогожей, он стучал зубами от страха. Негры привязали его к жерди и, как кабана из леса, притащили на пепелище энженьо. Здесь облили его керосином, подожгли и отпустили. Объятый пламенем, этот живой факел побежал к морю, стремясь броситься в воду. Но это ему не удалось. Он упал. От надсмотрщика Антонио Жоакима осталась лишь черная, скрюченная, дымящаяся головешка»[19]. Отношения между белыми и неграми обострялись, а модель социальной и культурной коммуникации, основанная на доминировании белого и подчинении черного постепенно стала распадаться. В этой ситуации сложились благоприятные условия для радикализации негритянских сообществ. Немалая доля ответственности за это лежала и на белых, которые принудительно ограничили социальный мир негра сензалой.

Социальные связи и отношения в поздней Империи не отличались стабильностью: «негры бегут с фазенд. Монархия оказалась в затруднительном положении, ей приходится лавировать. Если не отменить рабства, может вспыхнуть всеобщее восстание, с которым власти не в силах будут справиться, – армия уже сейчас отказывается арестовывать беглых негров». Сторонники традиционных отношений выступают за сохранение от-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ношений между белыми и неграми, поостренных на принципах доминирования и подчинения, не понимая противников рабства: «вся нынешняя молодежь любит негров. За спиной любого черного им видятся крылья ангела. А при дворе и в Сан-Пауло и подавно: даже паркетные шаркуны и те шумят о свободе для черномазых». С другой стороны, белые герои начинают понимать не только необходимость отмены рабства, но и то, как сложно будет неграм адоптироваться к свободе: «среди фазендейро только упрямые ослы отстаивают рабовладение. Единственный, кто может искренне стоять за сохранение рабства, – это раб. Вы еще молоды, друзья, но придет время, и вы увидите на улице освобожденного невольника, который будет тосковать по хозяину и сензале». В романе Афонсу Шмидта движение за освобождение рабов играет роль катализатора перемен, постепенно ослабляя и разрушая традиционное общество. Вместе с распространением идей аболиционизма ревизии подвергается и сам образ негра: на смену негру приходит бразилец. Именно поэтому в финале романа «белый и негр обнялись, как братья, встретившиеся после долгой разлуки»[20], что, вероятно, можно рассматривать как один из эпизодов рождения бразильской политической нации.

Социальный мир поздней Империи и ранней Республики в значительной степени продолжал функционировать в традиционной системе координат. Насилие, брутальность и убийства на территории аграрной периферии были вполне обыденными явлениями. С другой стороны, убийство могло стать причиной институционализации новых традиций, которые порой обретали и черты религиозного культа. В частности, убийство фазендейро Педроки положило начало такой традиции местного религиозного преклонения и почитания: «на месте убийства был поставлен деревянный крест, перевитый лианами. На следующий год крест заменили другим, получше. Три года спустя, выполняя данный обет, сын поставил новый крест, на этот раз железный. Каждый путник, проходивший мимо, клал к подножью креста камень. И крест этот творил чудеса. Через некоторое время здесь построили часовню. День убийства Алвима – третье мая – стал церковным праздником Святого Креста Чащи. Возле часовни строились хижины и лавки. Часовня со временем превратилась в церковь»[21]. Примечательно и то, что появление местного культа оказывало значительное влияние на расширение социальных связей и границ сообщество, в которое (через приобщение к культу) интегрировались новые члены. В этом контексте традиционная народная религиозность[22] играла роль мощного консолидирующего и конструирующего фактора.

С другой стороны, если аграрная периферия продолжала оставаться преимущественно традиционной, бразильский город в гораздо большей степени подвергался изменениям, постепенно трансформируясь и меняясь. В городе, в отличие от аграрной периферии, не было столь строгого следования социальным, расовым и гендерным ролям. В то время как в рамках

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

периферийных сообществ доминировали традиционные идентичности, связанные с социальными и гендерными ролями или расовой принадлежностью, в городе эти роли постепенно размывались[23]. Процессы модернизации не только разрушали старые политические и культурные идентичности, но и порождали чувство неполноценности – социальной, культурной и экономической. В этом отношении модернизация обретает новый уровень – преодаления чувства неполноценности[24] через конструирование новых идентичностей. На смену социальным ролям белых и черных приходила новая идентичность, основанная на идеях республики и гражданского бразильского национализма, носителями которого могли быть не только белые, но и негры, не только мужчины, но и женщины. Подобная социальная и культурная трансформация в значительной степени отразилась на гендерных ролях. В романе «Поход» Лаэрте, приехавший в Сан-Пауло испытывает своеобразный культурный шок, когда узнает, что женщина не только может быть свободна («Лу не замужем. Всю свою жизнь она посвящает делу аболиционизма. На это она тратит и свою молодость и все свои деньги»[25]), но и может выступать за установление Республики и отмену рабства

Подводя итоги настоящего раздела, следует акцентировать внимание на нескольких факторах. Роман «Поход» появился в первой половине 1940-х годов не случайно. В первой половине 1940-х авторитарный режим Ж. Варгаса, политический эксперимент по строительству «нового государства» и связанной с ним новой политической идентичности столкнулся с серьезными препятствиями и возросшей оппозиционностью со стороны противников и оппонентов Ж. Варгаса. Политический кризис режима Ж. Варгаса был связан с тем, что политические концепты бразильского президента и его оппонентов базировались на идее политического республиканизма, точнее – на различных прочтениях и пониманиях республиканской идеи. Политический язык и стиль Ж. Варгаса в значительной степени был выдержан в стиле авторитаризма. Политические нарративы его оппонентов в большей мере апеллировали к общедемократическим трендам и ценностям в республиканской идее.

В этой ситуации литературные тексты, связанные с проблемами установления республики не на тех началах, на которых стремился выстраивать ее Жетулиу Варгас оказались в значительной степени востребованными в условиях фрагментации политического пространства, культурного и интеллектуального противостояния[26]. Поэтому, роман Афонсу Шмидта, получившего именно за него в 1942 году Премию Бразильской Академии Словесности, был весьма позитивно встречен и воспринят оппозиционными критиками и интеллектуалами, которые понимали, что Республика нуждается не просто в новых политических основах, но и в новых политических мифах и исторических символах. В этом контексте «Поход» в некоторой степени способствовал не просто ослаблению той идентичности, которая предлагалась в рамках авторитарного режима, но и мифологизации и

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

символизации бразильского исторического пространства. С другой стороны, «Поход» и подобные тексты оказали значительное влияние на фрагментацию культурного и интеллектуального пространства в Бразилии, стимулируя появление новых текстов, предлагавших другие идентичности, спектр которых варьировался от магистральных до маргинальных, от умеренных до радикальных, от правых до левых.

---

[1] О соотношении политического и литературного дискурса см.: Mello e Souza A.C. Literatura e sociedade / A.C. Mello e Souza. – São Paulo, 1965.

[2] О феномене дискурса в теоретическом плане см.: Coracini M.J. Identidade e Discurso: (des)construindo subjetividades / M.J. Coracini. – São Paulo, 2003; Culturas, contextos e discursos: limiares criticos no comparatismo / T.F. Carvalhal. – Porto Alegre, 1999.

[3] О политическом воображении см. подробнее: O Controle do Imaginário. Razão e Imaginação nos tempos modernos. – Rio de Janeiro, 1989.

[4] В теоретическом плане об этом см.: Magalhães Cidrini L. de O. Sentido de nação na trajetória da literatura brasileira / L. de O. Magalhães Cidrini // Revista Eletonica Cadernos de Historia. – 2008. – Vol. V. – No 1. – P. 74 – 81; Silva Cunha V. da, O modernismo nas ruas: a construção da nação nas obras de Oswald de Andrade / V. da Silva Cunha // Revista Eletonica Cadernos de Historia. – 2008. – Vol. V. – No 1. – P. 107 – 118.

[5] О развитии республиканской политической идентичности см.: O Brasil republicano, sociedade e instituições / ed. B. Fausto. – São Paulo, 1977; Melo M.A. Republicanismo, liberalismo e racionalidade / M.A. Melo // Lua Nova. – 2002. – No 55 – 56. – P. 57 – 84.

[6] В советский период Афонсу Шмидт в рамках официальной перцепции бразильской литературы имел статус «прогрессивного писателя» (Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 5). В предисловии к публикации его произведений на русском языке в 1958 году подчеркивалось, что «народ и современность – такова основная тема большинства исторических и современных романов Афонсу Шмидта. Они пронизаны любовью к простому человеку» (Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958. – С. 5). Советские популяризаторы творчества Афонсу Шмидта подчеркивали, что «он последовательно разоблачает и клеймит буржуазный строй, законы человеческого бытия в условиях капиталистического общества» (Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 5). Для советских критиков и цензоров было важно то, что А. Шмидт – «активный борец за демократию , за мир между народами», для которого характерно «большое чувство симпатии к советскому народу» и вера «в светлое будущее человечества» (Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958. – С. 7, 8). Подчеркивалось, что А. Шмидт позитивно отнесся к захвату власти в России большевиками: «приветствуя Великую Октябрьскую социалистическую революцию и восхищаясь народом, ее совершившим, он провидел ее мировое значение для судеб человечества и в ней усматривал единственную и верную панацею против бед и зол старого мира» (Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 6).

Вероятно, именно это стало основным стимулирующим фактором перевода его произведений на русский язык. С другой стороны, литературное наследие Афонсу Шмидта сложно вписать в эти идеологические рамки, выработанные в рамках советского канона: протест против капитализма для А. Шмидта был важен в большей степени не как проявление левых предпочтений, но в контексте кризиса и разочарования традиционным западным обществом. В этом отношении, вероятно, продуктивной может стать попытка прочтения текстов А. Шмидта не в контексте «прогрессивной литературы», но как части модернистской бразильской литературной традиции.

[7] Шмидт А. Поход / А. Шмидт // Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958. – С. 11.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[8] Шмидт А. Поход. – С. 11.
[9] Шмидт А. Поход. – С. 12 – 13.
[10] О трендах, связанных с неграми, в рамках бразильского культурного дискурса см.: Costa Pinto L. O Negro no Rio de Janeiro: Relações de Raças numa sociedade em mudança / L. Costa Pinto. – São Paulo, 1953. Octavio da Costa E. The Negro in northern Brazil, a study in acculturation / E. Octavio da Costa. – NY., 1948.
[11] Об образах негра в контексте бразильской литературы см.: Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // Estudos Avançados. – 2004. – No 18 (50). – P. 161 – 193.
[12] О феномене зависимости в контексте развития идентичности, его отражении в бразильской литературе, в частности – в текстах Машаду дэ Ассиза см. раздел «Império infantil: дискурс детства в контексте «высокой культуры» в Бразильской Империи» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи. – С. 94 – 99.
[13] Шмидт А. Поход. – С. 15, 93.
[14] Об особенностях статуса и места негров в культуре Бразильской Империи см. раздел «Escravos и de ganhos: антиимперский протест в Байе на раннем этапе существования Бразильской Империи» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи. – С. 64 – 70.
[15] О сензале как социальном феномене см.: Marquese R.B. Revisitando casas-grandes e senzalas: a arquitetura das plantations escravistas americanas no século XIX / R.B. Marquese // Anais do Museu Paulista. – 2006. – Vol. 14. – No 1. – P. 11 – 57.
[16] Шмидт А. Поход. – С. 17.
[17] Там же. – С. 14, 19.
[18] См. о расовых отношениях в контексте социо-культурных и экономических коммуникаций: Fernandes F. A Integração do Negro na Sociedade de Classes / F. Fernandes. – São Paulo, 1965; Pierson D. Negroes in Brazil: a study of race contact in Bahia / D. Pierson. – Chicago, 1942; Pierson D. Brancos e pretos na Bahia / D. Pierson. – São Paulo, 1971; Pinto R.P. O movimento negro em São Paulo: luta e identidade / R.P. Pinto. – São Paulo, 1993.
[19] Шмидт А. Поход. – С. 88.
[20] Там же. – С. 28 – 29, 59, 155.
[21] Там же. – С. 20.
[22] О традиционной (народной) культуре в Бразилии см.: Arroyo L. A cultura popular em Grande sertão: veredas: filiações e sobrevivências tradicionais, algumas vezes eruditas / L. Arroyo. – Rio de Janeiro, 1984.
[23] О женских нарративах, выдержанных в традиционной системе координат, в период Бразильской Империи см. разделы «Linda Marcela: феминность, маскулинность и культурно-социальный империализм в Бразильской Империи» и «Феминность в тени доминирующей маскулинности: женские образы в бразильской литературе эпохи Империи (на примере малой прозы Машаду дэ Ассиза)» в монографии автора 2008 года: Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação: Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи. – С. 100 – 106; 107 – 112.
[24] Об этом процессе в контексте политической модернизации и развития модерновых культур см.: Мишкова Д. Предимствата на изостаналия – началото на балканската модернизация / Д. Мишкова // Социологически проблеми. – 1995. – № 2. – С. 36 – 53.
[25] Шмидт А. Поход. – С. 54.
[26] Об этих процессах см. подробнее: Williams D. The Culture Wars in Brazil: The First Vargas Regime, 1930-1945 / D. Williams. – Durham, 2001.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПО-БРАЗИЛЬСКИ: САН-ПАУЛУ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ МЕЖДУ «ЗАХУДАЛЫМ КИНОТЕАТРОМ И ЖИЛЫМ ДОМОМ»

Автор настоящей монографии в своих предыдущих работах неоднократно указывал на то, что история Бразилии XX столетия является в значительной степени историей модернизации[1]. Бразильская модернизация, хотя и началась на этапе существования Империи, тем не менее, наиболее важный ее этап приходится именно на XX век[2]. Модернизация для Бразилии означала не только и не столько экономическое обновление, стремление экономического класса поставить свою страну на одну плоскость с мировыми и региональными экономическими гигантами. Эта задача для современной Бразилии оказалась вполне выполнимой. Модернизация имела не только экономическое измерение, проявляясь в различных сферах жизни бразильского общества.

Вероятно, экономическая модернизация была невозможна без модернизации политической, создания эффективно действующих политических институтов, которые способны гарантировать не только стабильность политического процесса, но и его преемственность, протекание в рамках демократической модели развития. Бразильский путь к демократии оказался крайне сложным. Формирование бразильской модели демократии представляло собой многоуровневый процесс, который вероятно ошибочно ограничивать исключительно политической сферой, как делают некоторые российские исследователи. В частности, политически детерминированное восприятие бразильской демократизации как формы модернизации доминирует в работах известной российской исследовательницы Л.С. Окуневой[3], фундаментальная публикация которой 2008 года получила спорные и различные оценки в рамках отечественного исследовательского сообщества[4]. Определенный здравый смысл в политически ориентированном объяснении, конечно, присутствует.

С другой стороны, это исключает из исследовательского внимания комплекс не менее сложных проблем, связанных с тем бэк-граундом, культурным и социальным, интеллектуальным фоном, который гарантировал успешное протекание политических реформ. Возвращаясь к бразильской модернизации, во внимание следует принимать и то, что модернизация была не только конструирующим процессом, но и разрушающим. В результате модернизации не просто создавалось новое политическое пространство – модернизация стала процессом разрушения старых и традиционных отношений, неформальных и формальных связей. Дискурс традиционности и архаичности начал разрушаться в имперский период, но имперская модель государственности, как одна из наиболее традиционных и связанных с немодерновыми и / или домодерновыми формами и моделями

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

идентичности, социальной и культурной организации политического и интеллектуального пространства не могла гарантировать успешной модернизации сферы политического, социального и экономического.

Кризис Империи и установление Республики стали значительными стимулами для активизации модернизационных процессов, социальных перемен и культурно-интеллектуальных изменений в Бразилии. Культурный дискурс Империи – это, вероятно, дискурс города, который в наибольшей степени ассоциировался с новыми веяниями и переменами. Аграрная периферия предстает как сфера доминирования традиционности. В Республике город взял на себя роль локомотива разрушения традиционного культурного и интеллектуального поля. Социальное, культурное и интеллектуальное пространство города стало сферой формирования новых политических идентичностей, социальных практик и политических стратегий. Распад традиционности, столкновение различных идентичностей, складывание новых социальных и политических коммуникаций – все эти процессы получили свое отражение и в бразильской литературе. Именно поэтому, в настоящем разделе автор остановится на различных идентичностных дискурсах урбанистической культуры бразильского города в контексте романа Афонсу Шмидта «Тайны Сан-Пауло» («Mistérios de São Paulo»).

В «Тайнах Сан-Пауло» предстает мир, которые в значительной степени отличается от городских реалий «Похода»[5]. Если в «Походе» бразильский город является городом раннего этапа модернизации, городом скромных буржуа и мигрантов, то в «Тайнах» бразильский город уже трансформировался своеобразное «место памяти»[6], в системообразующий элемент бразильского общества: «Марио шел по широкому тротуару и, сам того не замечая, останавливался перед афишами, машинально прочитывал названия фильмов и искаженные фамилии иностранных артистов. Он знал, что в этот час трамваи переполнены, а об автобусе нечего было и думать: у остановок толпилось множество людей, стать в очередь значило поздно добраться домой. Поэтому Марио, как он это часто делал, зашагал к церкви, где останавливался грузовик, перевозивший в часы «пик» многочисленных пассажиров»[7]. Бразильский город развивался как фрагментированный, где кинотеатры и бары, потеснив церкви, стали социальными и культурными ориентирами, вокруг которых выстраивалось и развивалось новое городское пространство.

Бразильцы начали жить в своеобразной системе координат, расположенной между «захудалым кинотеатром и жилым домом с магазинами в первом этаже»[8]. Изменения города повлекли и изменения его жителей. Негр перестал быть просто негром. Негр превратился в бразильца, бразильского гражданина, исполнителя разных социальных ролей, например – полицейского[9]. Мир стал динамичным – его обитатели стали более мобильны. Их окружают уже не только церкви и старые улочки с патриар-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

хальными домами – они вынуждены передвигаться среди новых ориентиров, рекламных плакатов, которые предлагали англоязычную культуру. Бразильский город переставал быть собственно в бразильский, преобразуясь в современный. На смену традиционным социальным и культурным коммуникациям приходили новые. Религия и церковь перестали играть роль консолидирующих факторов[10]: для динамично развивающегося общества они казались архаичными, статичными и очень традиционными. На смену им пришли новые объединяющие ценности: «Марио вошел в бар, битком набитый посетителями, которые слушали репортаж по радио со стадиона «Пакаембу». Счет был 1:0 в пользу хозяев поля. Диктор захлебывался: “Минготе отбивает Пиндуке. Марекко бьет угловой. Кашаса ударяет по мячу, тот взлетает и падает у ног Футрика… который…”»[11].

Город разрушал старые культурные отличия, способствуя унификации: если раннее социальный и культурный кругозор ограничивался границами и пределами того или иного сообщества, то город не сделал его более широким. Это касалось всех – и мужчин, и женщин. Город способствовал деперсонализации, обезличиванию. Поэтому одна из героинь «Тайн Сан-Пауло» объяснялась «на самом примитивном, предельно обедненном языке, состоявшем всего из трех слов»[12]. С другой стороны, занятия некоторой части жителей города вовсе не вписывались в рамки закона. Границы между социальными слоями оставались достаточно подвижными. В результате Мариу, бывший официант, оказывается в компании воров и мошенников, один из которых при необходимости выдавал себя за агента полиции. В прошлом постоянный клиент кафе оказывается вором, который обманывает не только своего нового знакомого Мариу, но и своих давних подельников. В итоге победившим оказался Сан-Пауло: город возобладал над своими обитателями, которым не остается ничего кроме создания полуфиктивной фирмы, занимающейся продажей «лучших земельных участков в Сан-Пауло без задатка, без процентов, только в счет месячных взносов, доступных для любого кармана»[13].

Подводя итоги настоящего раздела, акцентируем внимание на нескольких аспектах. Бразильский город, как сфера наиболее динамичного протекания модернизационных процессов, стал сферой не только разрушения традиционных идентичностей, которым уже не было места в Республике, но и сферой формирования новых идентичностных проектов. С другой стороны, по методам социального и культурного принуждения республиканский город немногим отличался от имперского. Город и городская культура постепенно вылились в формирование новой идентичности, новой политической культуре, основанной на постепенной унификации социальных, культурных и гендерных ролей, разрушении старых, принесенных из аграрной периферии, идентичностей.

Город способствовал консолидации идентичности, основанной на потреблении, в том числе и политического продукта, предлагаемого полити-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ческими и социальными движениями. Именно в условиях урбанистической культуры в рамках бразильского социума сложились стратегии активного политического поведения и политического участия. Город трансформировал выходцев из периферии в нацию граждан и нацию бразильцев, способных, в свою очередь, воспринимать полярно противоположные политические идеи. Город в этом контексте сыграл и важную роль в фрагментации политического пространства, способствуя появлению новых политических культур и идентичностей.

---

[1] См. подробнее: Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19; Кирчанов М.В. Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов) / М.В. Кирчанов // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. - Воронеж, 2007. – С. 19 – 30; Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37; Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75; Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53.

[2] Об особенностях модернизации в Бразилии в теоретическом плане см.: Domingues J.M., Maneiro M. Revisitando Germani: A Interpretação da Modernidade e a Teoria da Ação / J.M. Domingues, M. Maneiro // DADOS – Revista de Ciências Sociais. – 2004. – Vol. 47. – No 4. – P. 643 – 668; Domingues J.M. Criatividade Social, Subjetividade Coletiva e a Modernidade Brasileira Contemporânea / J.M. Domingues. – Rio de Janeiro, 1999; Domingues J.M. A Sociologia de Talcott Parsons / J.M. Domingues. – Niterói, 2001; Domingues J.M. Interpretando a Modernidade. Imaginário e Instituições / J.M. Domingues. – Rio de Janeiro, 2002.

[3] См.: Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е годы – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М., 2008.

[4] Ивановский Зб. Бразильский демократический транзит: теоретические подходы и политическая трактовка / Зб. Ивановский // Латинская Америка. – 2009. – № 2. – С. 99 – 105.

[5] О Сан-Паулу в контексте бразильской политической традиции и интеллектуальной истории см.: Sevcenko N. Orfeu extático na metrópole: São Paulo, sociedade e cultura nos frementes anos 20 / N. Sevcenko. – São Paulo, 1992.

[6] О Сан-Паулу как коллективном «месте памяти» в контексте развития интеллектуальной традиции в Бразилии см.: Ulrich A. Guilherme de Almeida e a construção da identidade paulista / A. Ulrich. – São Paulo, 2007.

[7] Шмидт А. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт // Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. П. Евсюкова. – М., 1958. – С. 161.

[8] Там же. – С. 164.

[9] Там же. – С. 163.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[10] О религиозном факторе в контексте развития идентичности см.: Bittencourt F. Matriz religiosa brasileira: religiosidade e mudança social / F. Bittencourt. – Petrópolis – Rio de Janeiro, 2003; Burity J.A. Religião, política e cultura / J.A. Burity // Tempo Social, revista de sociologia da USP. – 2008. – Vol. 20. – No 2. – P. 83 – 113; O impacto da modernidade sobre a religião / ed. M.C. Bingemer. – São Paulo, 1998.
[11] Шмидт А. Тайны Сан-Пауло. – С. 175.
[12] Там же. – С 167.
[13] Там же. – С. 346.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

БРАЗИЛЬСКИЕ ИСТОРИИ ОБЫКНОВЕННОГО БЕЗУМИЯ: ГОРОД, ОБЩЕСТВО И РАЗРУШАЮЩАЯСЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

История Бразилии XX века является не только историей модернизации и создания нового динамично развивающегося, трансформирующегося и приспосабливающегося к вызовам современности общества. История Бразилии XX столетия – это и история постепенного упадка и разрушения традиционности. Успешная модернизация была невозможна без кризиса традиционности[1]. Отмирания и упадок традиционных отношений – эти два процесса сопровождали рождение современной Бразилии – через авторитарный режим Жетулиу Варгаса, через демократические эксперименты второй половины 1940-х – начала 1960-х годов, в период авторитарного режима, установленного в середине 1960-х годов. Политическая демократизация и социально-экономические успехи (пост)современной Бразилии 1990 – 2000-х годов не сняли с повестки дня проблемы, связанные с традиционностью.

Фактор традиционности играл важную политическую роль на протяжении XX века в бразильской политической истории. Бразилии, в отличие от других стран Южной Америки, было сложнее реагировать на вызовы современности, приспосабливаясь к ним, что было связано с радом причин. Во-первых, Бразилия в большей степени, чем ее соседи была европеизирована, что проявилось в имперском периоде. Не следует забывать, что XIX век – эпоха империй и династических государств. Для XIX столетия Бразильская Империя была вполне современной странной. С другой стороны, имперский период оказал существенное влияние на формирование государственных традиций в Бразилии, а в XX веке имперское интеллектуальное, политическое и социальное наследие трансформировались в факторы, сдерживающие модернизационные и трансформационные процессы.

Бразилия на протяжении XX века (по крайне мере до начала 1990-х годов) явно отставала от своих южноамериканских соседей. В испаноязычном окружении Бразилия выглядела если не маргинально, то экзотично. Радикальные политические движения в Бразилии межвоенного времени по степени своей радикальности несравнимы с аналогичными движениями в других государствах Южной Америки, тяготея в большей степени не к политическому, а к культурному и интеллектуальному участию в жизни страны. Военный режим, установленный в середине 1960-х годов, на фоне военных диктатур в Чили и Аргентине выглядит если не либерально, то, по крайней мере, более умеренно. Эти особенности в функционировании политического поля в Бразилии были вызваны особенностями модернизации, неравномерными темпами политических изменений, культурных, социальных и интеллектуальных перемен, с одной стороны, и реальными результатами и достижениями политической модернизации, с

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

другой. Кроме этого, во внимание следует принимать и крайне медленные темпы отмирания традиционности и добровольного расставания бразильского интеллектуального и политического сообщества с политическим и культурным наследием прошлого. В настоящем разделе мы остановимся на особенностях отмирания традиционности в литературном контексте на примере малой прозы Афонсу Шмидта, о котором речь шла выше.

В малой прозе Афонсу Шмидта формируется не самый аттрактивный образ республиканской Бразилии, которая предстает как в значительной степени фрагментированное и расколотое общество, как трансформирующееся общество, как страна, где общество разделено «на тех, кто подавал и тех, кто просил»[2], а «благим намерениям не всегда дано осуществиться»[3]. В прозе Афонсу Шмидта возникает мир подобный фрагментированному внутреннему миру сумасшедшего, «сознание которого уподобилось разбитому зеркалу, осколки которого отражают лишь отдельные куски действительности, отражают с точностью в деталях, но целое остается хаосом»[4]. Афонсу Шмидт создал в значительной степени депрессивные и неаттрактивные образы Бразилии как страны, где «мужчины были грубые, вялые, пили водку прямо из бутылок, никто никому не верил, каждый с каждым враждовал, женщины отличались гнилыми зубами… пузатые от вечного недоедания детишки ели землю»[5].

Мир Бразилии – это сфера противоборства человека с машиной. Исход этого противостояния известен: «большие машины перемалывают людей»[6]. Этот мир стал не просто бразильским, он трансформировался в транснациональное общество: вполне бразильская улица Флоренсиу-де-Абреу вела в «восточный квартал, почти целиком заселенный сирийцами и ливанцами»[7]. Кроме культурной фоагментированности подобное общество социально больно: «мир полон неврастеников, параноиков и живых мертвецов. Есть среди них такие, которые постоянно дрожат, как лист и не в состоянии даже написать собственную фамилию; другим на каждом углу мерещатся призраки и враги; третьи, идя по улице, разговаривают сами с собой… обычно дыхание этих людей заражено алкоголем… руки исколоты шприцами»[8].

Другие и вовсе лишены свободы: например, героиня рассказа «Преступник» Гудула, «это костлявое существо с короткой шеей… и огромными глазами фиолетового цвета», «всего лишь за сигарету»[9] готова рассказать свою историю. Общество, описанное в малой прозе Афонсу Шмидта, фрагментировано социально, экономически расколото на людей («…такого сорта люди не умирают. Для того, чтобы умереть надо иметь кровать. Люди умирают на кроватях…»[10]) и тех, что когда-то был ими. Другие не умирали естественно, кончая жизнь самоубийством от безысходности: «измученный такой жизнью, Педру Лукас кончил тем, что поднялся на башню виадука и бросился оттуда вниз»[11].

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Мир в произведениях Афонсу Шмидта предстает как больное и фрагментированное общество, раздираемое и терзаемое социальными противоречиями: фабриканты боролись против рабочие, рабочие против фабрикантов и их осведомителей. Неотъемлемой чертой такого общества становилось социально маркированное насилие: именно поэтому в повести Афонсу Шмидта «Палец на губах» трое рабочих «застрелил в упор из маузеров»[12] мастера, который сотрудничал с администрацией и полицией. Этот мир в сознании человека, оставленного наедине с современным городом, трансформируется в мир безумцев: ему мерещатся преследователи, нищенка и одноногий человек; ему неприятны его соседи – «доктор, который пьет коньяк стаканами, и когда сильно напивается, начинает реветь», «некая Эудошия – старая как сама старость… в полнолуния она впадает в бред, бегает из угла в угол, бессвязно бормочет»[13].

Безумие предстает как всепроникающая сила. В финале «Ненаказуемых» выясняется, что преследователи служащего одного из ведомств были не более чем его галлюцинациями: «человек по прозвищу Деревянная Нога был выслан в прошлом году как нежелательный элемент, нищенка окончательно помешалась, была помещена в больницу для душевнобольных и умерла там четыре месяца назад»[14]. В этой ситуации неизбежна капитуляция человека перед социальным безумием в обществе, где внутренние социальные и культурные связи разрушены, а сам социум превратился в сообщество индивидуалистов – «так называемых порядочных людей и ненаказуемых преступников»[15]. Этот социальный облик бразильского политического пространства 1920 – 1940-х годов свидетельствовал не только о его фрагментированности и расколотости. Это было общество, которое взяло слишком быстрые темпы политического развития, что сопровождалось значительными социальными и экономическими переменами. С другой стороны, факторы традиционализма и архаичности тормозили эти перемены.

В заключение настоящего раздела, остановимся на нескольких аспектах. Анализируя малую прозу Афонсу Шмидта во внимание следует принимать процесс постепенной радикализации политических, культурных и интеллектуальных представлений бразильского писателя. Если в романах «Поход» и «Тайны Сан-Пауло» Афонсу Шмидт в значительной степени сохраняет связь с более ранней литературной традицией, то в малой прозе он с ней решительно порывает. Это было связано и с процессами формирования новых политических идентичностей в Бразилии, как левых, так и правых. Если одни коллеги Афонсу Шмидта по литературному цеху 1920-х годов мигрировали вправо (в частности, бразильский писатель и поэт Плиниу Салгаду стал одним из лидеров интегрализма[16], латиноамериканской версии фашизма, сохранив при этом свои позиции в литературной жизни страны)[17], то другие, в том числе и сам А. Шмидт сместились по своим политическим предпочтениям влево.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Сохранение элементов традиционности и медленное отмирание архаики в Бразилии в значительной степени способствовало фрагментации политического поля и интеллектуального пространства. С другой стороны, именно в условиях этой политической и социальной фрагментации вырабатывались новые политические практики и стратегии, как радикальные (левые и правые), так и умеренные магистральные, что в итоге стало одним из условий формирования развитой гражданской (политической) нации и осуществления модернизационных перемен в Бразилии.

---

[1] О традиционности в теоретическом плане см.: Amaral A. Tradições populares / A. Amaral. – São Paulo, 1948; Ayala M., Ayala M. Cultura popular no Brasil / M. Ayala, M.I. Ayala. – São Paulo, 1987; Catenacci V. Cultura popular: entre a tradição e a transformação / V. Catenacci // São Paulo em perspectiva. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35.

[2] Шмидт А. Преступник / А. Шмидт // Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 45.

[3] Шмидт А. Ненаказуемые / А. Шмидт // Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 19.

[4] Шмидт А. Палец на губах / А. Шмидт // Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 124.

[5] Шмидт А. Палец на губах. – С. 78.

[6] Шмидт А. Преступник. – С. 44.

[7] Шмидт А. Палец на губах. – С. 62 – 63.

[8] Шмидт А. Ненаказуемые. – С. 11.

[9] Шмидт А. Преступник. – С. 43.

[10] Шмидт А. Ненаказуемые. – С. 24.

[11] Шмидт А. Самоубийство Педро Лукаса / А. Шмидт // Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 61.

[12] Шмидт А. Палец на губах / А. Шмидт // Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965. – С. 67.

[13] Шмидт А. Ненаказуемые. – С. 12, 13.

[14] Там же. – С. 42.

[15] Там же. – С. 42.

[16] Об интегрализме в Бразилии см.: Araujo R.B. Totalitarismo e Revolução. O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. Araujo. – Rio de Janeiro, 1987; Chasin J. O Integralismo de Plínio Salgado / J. Chasin. – São Paulo, 1978; Ideologia e Mobilização Popular / eds. M. Chaui, M.S. Carvalho Franco. – Rio de Janeiro, 1978; Dutra E. O Ardil Totalitário: o imaginário politico no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997; Fausto B. A Revolução de 30. Historiografia e História / B. Fausto. – São Paulo, 1986; Trindade H. Integralismo. O Fascismo Brasileiro na Década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979.

[17] Dorea A.G. O romance de Plínio Salgado / A.C. Dorea. – Rio de Janeiro, 1956

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

(НЕ)ЛОЯЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ: СВОЕ И ЧУЖОЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНОМ ПРОТЕСТЕ

«ВСЕ ЭТО КОНЧИТСЯ РЕВОЛЮЦИЕЙ»: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОБИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ 1920 – 1930-Х ГОДОВ

Политические процессы в Бразилии на протяжении XX века оказали значительное влияние на фрагментацию культурного и социального пространства. В XX столетии Бразилия была расколота на только социально и политически, но и культурно, а так же интеллектуально. Значительной фрагментации подверглось интеллектуальное сообщество, в рамках которого формировались различные идентичностные проекты. Поэтому политическая и гражданская идентичность в общем плане продолжала оставаться бразильской, но при этом она могла определяться различными политическими трендами. В этой ситуации в Бразилии сформировались феномены правой и левой политической идентичности, а так же особые типы, связанной с ними, политической лояльности и политической культуры. С другой стороны, идентичностное пространство в Бразилии было фрагментировано не только с точки зрения принадлежности к различным социальным классам и приверженности различным политическим предпочтениям, но и регионально-пространственно.

Мы можем выделить отдельные типы городской и периферийной идентичности[1], которые, в свою очередь, могли соотноситься с политическими общенациональными трендами. Анализируя политические и интеллектуальные процессы в Бразилии, следует принимать во внимание, что в значительной степени были детерминированы крупнейшими политическими, историческими, культурными и интеллектуальными центрами – Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу, а так же Бразилиа во второй половине XX века. Это вовсе не означает, что интеллектуальная история Бразилии не имела регионального измерения. Региональные политические тренды в XX веке были подвергнуты процессам принудительной политической унификации. Вероятно, поэтому региональная литература в Бразилии развивалась как локализованное отражение общенациональных литературных трендов и процессов.

В настоящем разделе мы обратимся к проблемам отражения процессов политической модернизации и идентичностным изменениям в произведениях регионального бразильского писателя Грасилиану Рамоса (1892 – 1953)[2], большую часть жизни который провел на северо-востоке Бразилии,

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

в городе Палмейра-дос-Индиос. На фоне других бразильских писателей-современников Грасилиану Рамос в значительной степени выглядел маргинально. Литературная деятельность не имела для него первостепенного значения. С 1914 года Грасилиану Рамос жил в штате Алагоас, занимался торговлей. В 1930-е годы Рамос вполне интегрировался в местное общество: в частности, он был избран местным префектом.

На протяжении 1920 – 1930-х годов Грасилиану Рамос активно писал, что называется «в стол». В 1933 году он решился предложить свои тексту издательству «Каэте», расположенному в Рио-де-Жанейро. 1936 – 1937 годы были одними из наиболее сложных в жизни бразильского писателя. Политическая ситуация в стране была крайне напряженной: авторитарный режим Жетулиу Варгаса, стремясь обезопасить себя от угроз и вызовов как справа, так и слева, начал преследования политической оппозиции и тех, кто мог представлять угрозу для режима. Заподозренный в связях с коммунистами Грасилиану Рамос был вынужден провести несколько месяцев в тюрьме, откуда вышел только в 1937 году. Литературное наследие Г. Рамоса невелико, но, тем не менее, показательно в контексте тех идентичностных изменений, которыми сопровождались модернизационные процессы в Бразилии XX века. Обратимся непосредственно к текстам Грасилиану Рамоса.

В текстах Грасилиану Рамоса среди основных героев – бразильский периферийный социум, фрагментированный, далекий от политической и социальной консолидации, раздираемый внутренними проблемами и противоречиями между левыми и правыми радикалами, между коммунистами[3] и интегралистами[4]. На периферии, где социальные приоритеты бразильцев нередко не выходили за границы ограниченного пространства между церковью и «местным комитетом интегралистов»[5], общенациональные политические и социальные проблемы проступали с наибольшей остротой, способствуя дальнейшей культурной и политической поляризации. Бразильская периферия – сфера доминирования социальной безысходности, зона культурной и экономической депрессии, где «любая дорого выведет в трактир»[6].

Помимо трактира другим мощным институтом социализации была тюрьма: в частности, один из героев романа «Сан-Бернардо»[7] во время одной «из гулянок», когда ему было лишь восемнадцать лет, во время ссоры из-за местной девушки Жерманы Паулу Онориу «пырнул ножом»[8] местного конокрада Жоау Фагундеса, за что три года провел в тюрьме, где научился читать. Паулу Онориу был белым. Если в тюрьму попадал негр, то с ним поступали иначе, ограничиваясь заучиванием молитв[9]. Другим социальным фактором был суд, сводивший вместе носителей различных культуру и идентичностей: «толстяк, без сомнения, богатый землевладелец, негр, зачастую голодный, ночует под мостами… совершенно разные лю-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ди… один торгует, другой копается на свалках… судьба случайно свела их у какого-то трупа»[10].

Бразильская периферия развивалась в условиях своеобразной социальной динамики и социальной мобильности: по выходу из тюрьмы Паулу Онориу узнает, что «Жермана стала проституткой… торговала собой и болела дурной болезнью»[11]. В таком мире были возможны разные модели социализации, которые были детерминированы не только социально, но и расово: если один «ходил в школу в числом костюмчике, по воскресеньям гулял в городских садах, но если вдруг рядом появлялся чернокожий малыш, мать тут же увлекала его в сторону… чадо выросло, было принято в лицей, стало частым посетителем домов терпимости и участником попоек, потом остепенилось и обзавелось семьей», то другой «жил впроголодь, спал прямо на земле, воровал все, что плохо лежало, и был на побегушках у проституток»[12].

Бразильская периферия была сферой, где важным фактором оказалось насилие. Нередко именно насилие и убийство были универсальными инструментами ведения имущественных споров: например, старый фазендейру Мендонса, возвращаясь с выборов «получил пулю под ребро и тут же дал дуба… на этом месте теперь стоит сломанный крест»[13]. Бразильская периферия – сфера доминирования традиционных отношений, социальных связей, практик и коммуникаций. В периферийных регионах традиционно число авторитетов было ограничено и ими, как правило, были местный падре и местный майор или полковник.

Периферия – сфера доминирования майоров и полковников, который самостоятельно выстраивали социальные связи и отношения на местном уровне. Решения местного полковника или майора автоматически становились законными («когда майор принимал решение, никто не протестовал… его решения были законом») в силу того, что альтернатив не существовало, а подавляющее большинство местных жителей, не умея читать и писать, сами были склонны передавать урегулирование конфликтов и управление местных крупным фазендейру. Постепенно Рио-де-Жанейро институционализировало свою власть на региональном уровне и на смену всесильным майорам и полковникам пришли государственные служащие, «политический шеф, судья, прокурор и комиссар полиции»[14], которые принимали формальные решения, вытеснив на периферию политического и социального ландшафта неформальные способы принятия решений на региональном уровне.

Бразильская периферия оказалась весьма благодатной для деятельности нового типа бразильцев – энергичных и предприимчивых. Периферия стала триумфом «трудовой этики» номинального католика, целью которого «было завладеть землями… построить дом, посадить хлопок, клещевину, построить лесопилку, купить хлопкоочистительную машину, превратить дикие заросли в цветущий сад»[15]. Но и в этой ситуации на пути по-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

добной фактически модернизации вставал мощный бразильский традиционализм. Парадокс ситуации состоял и в том, что дети представителей региональной буржуазии, вносившей значительный вклад в экономическую модернизацию, посланные в городские университеты, пополняли ряды тех, кто оппонировал подобной модернизации как слева, так и справа.

Постепенно подобные бразильцы, дети разорившихся или разоряющихся фазендейру, подвергались политической радикализации, превращаясь в «атеистов, склонных к социальным преобразованиям, публично высказывая всякие кровожадные идеи… и шепотом призывая к уничтожению буржуазии»[16]. Носители политической традиции, унаследованной от более раннего периода, видели в них своих главных и наиболее опасных оппонентов, весьма неохотно и скептически воспринимали социальные и политические изменения[17], увидев основной (анти)системный вызов в новых политических движениях, в первую очередь – в коммунизме[18]. В частности, один из героев романа «Сан-Бернардо» падре Силвестре «после Октябрьской революции стал человеком суровым и требовал наказывать, применяя строгие меры, каждого, кто не носит шейных платков»[19]. Увещевания традиционалистов не помогали, ситуация ухудшалась: сначала героям «Сан-Бернардо» казалось, что это их не коснется, что все ограничится только столицей, но «вести о революции все множились… в правительственных войсках полное разложение, батальоны и полки примыкают к восставшим, спешно формируются новые, но тут же разваливаются, повсюду развиваются красные знамена».

Азеведу Гондин, один из героев романа, определил ситуацию как «нашествие варваров»[20]. Герои Грасилиану Рамоса живут в мире постепенно все более фрагментирующемся: «люди скрываются, их дома обыскиваются… некоторые даже эмигрируют»[21]. Социум, описанный Гр. Рамосом, это мир разрушающих социальных и культурных коммуникаций, что вызвано кризисом старой идентичности и тем, что для формирования новой идентичности и политической культуры не сложились условия. Герои «Сан-Бернардо», которые некогда были «нацией добрых католиков»[22], заражены фобиями: одни боятся перемен, других страшит традиционная Бразилия, но почти все бояться русских революционеров, которые превратились в «нацию безбожников, перестрелявших всех священников… а пьяные солдаты срывали иконы и плясали на алтарях»[23].

В сознании многих бразильцев коммунисты идеально подходили для формирования образа «чужого» подобно индейцам[24] в Бразильской Империи. Поэтому одна из героинь Грасилиану Рамоса Аурора Гомес невольно сравнивает коммунистов с «индейцами, голыми, с продырявленными губами». Именно поэтому для бразильского провинциала «нынешние революционеры» не очень отличаются от индейцев в силу того, что «грабят, жгут, разрушают». Большинство негативных ассоциаций в сознании провинциальных бразильцев между двумя мировыми войнами было связано

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

именно с коммунистами. Поэтому старая учительница, героиня рассказа «Арест Жозе Кармо Гомеса» предрекает: «коммунисты… если этот сброд возьмет власть, вы пойдете работать на фабрику и будете ходить по улице в стоптанных туфлях на босу ногу»[25]. Антикоммунистические настроения привели к значительной консолидации бразильского общества, а часть представителей интеллектуального сообщества, настроенная антилево, не только участвовала в конструировании антилевых нарративов[26], но и формировала особый тип политической культуры, основанной на лояльности авторитарному режиму.

Избавлению от социальных и культурных фобий не способствует и сложная ситуация, при которой «в правящих кругах царит разложение… страна идет ко дну… финансовое положение ужасно…все это кончится революцией». В романе «Сан-Бернардо» местное сообщество, как и вся Бразилия в целом, переживают состояние духовного кризиса («…ни в ком нет истинной веры, одни распевают протестантские гимны и проповедуют Евангелие, другие увлекаются спиритизмом, а чернь поклоняется колдунам и священным деревьям… католическая церковь для многих тот же ресторан, они выбирают блюдо и садятся за стол, но все это без аппетита… у самых ревностных всегда расстроен желудок… мы ходим к мессе, но мы не такие добрые католики… наш народ можно повести в любую сторону…»[27]), вызванного неравномерными темпами модернизации, постепенным разложением старой имперской идентичности, фрагментированностью политического пространства в Республике.

На смену «добрым католикам» пришел «такой подлый народ, которого свет божий еще не видывал»[28]. Основная причина кризиса состояла, вероятно, в том, что республика оказалась не в состоянии выработать новые идентичностные ориентиры и приоритеты для своих граждан, что способствовало дальнейшей фрагментации политического дискурса, делая востребованными маргинальные политические альтернативы, связанные с коммунизмом и / или фашизмом. Поэтому, если одни герои Г. Рамоса становились коммунистами, то другие искренне верили, что «будущее Бразилии – зеленое. Это – цвет наших лесов, цвет надежды»[29], явно намекаю на политическую символику интегралистов. Идентичностный кризис имел и гендерное измерение, способствуя изменению статуса женщины, которая становится более независимой. Это ведет к разрыву социальных связей, усиливая, в том числе, и политическую фрагментацию.

Именно поэтому, один из героев «Сан-Бернардо» Паолу Онориу внезапно осознает, что его жена «коммунистка, безбожница, материалистка… я создаю, она разрушает… она ведет здесь классовую борьбу… совсем совесть потеряла». В «Сан-Бернардо» на историческую и социальную сцену выходит новый тип женщины, которые, по мнению приверженцев традиционных ценностей, «сплошь безбожницы и распутницы». Поэтому столь пессимистично звучит внутренний монолог Паолу Онориу, который не в

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

состоянии противиться переменам, но и не готов их принять: «не люблю я ученых женщин. Эти так называемые интеллигентки приводят меня в ужас. Видел я таких, они выступают со сцены, читают стихи, выступают с докладами… это все столичная зараза». В этой ситуации представители региональной элиты вынуждены довольствоваться своеобразной автопсихотерапией, убеждая себя, что «экзотические доктрины у нас не приживутся… всем известно, что коммунизм несет разруху, нищету и голод», а коммунисты «не признают семью» [30].

Приверженность к традициям в сочетании с политическим фанатизмом в значительной степени определяла не только облик бразильской периферии, но и способствовала ее постепенной консервации. В текстах Г. Рамоса бразильское общество представляет собой социум где новое сосуществует и (со)функционирует с архаичным, но модерновые тренды пока слабы, а традиционные достаточно сильны, что не могут вытеснить друг друга. С другой стороны, среди основных проблем подобного общества – социальные, культурные и интеллектуальные фобии, которые в значительной степени способствуют его фрагментации, ослабляя интеграционный и консолидационный потенциал. Бразильская периферия предстает как сфера постепенной и медленной модернизации, умирания и отмирания традиций: новый викарий «закрыл часовню и построил красивую церковь… истории о святых умерли… приехал врач… он не верил в святых… адвокат открыл консультацию… мудрость майора стала никому не нужна»[31].

В этой ситуации трансформировалась и периферия, подвергаясь медленной модернизации, первыми атрибутами которой стали «автомобили, бензин, электричество, кино». С другой стороны, модернизация на региональном уровне нередко носила поверхностный характер, а социальные отношения продолжали оставаться традиционными о чем, в частности, свидетельствовала универсальность насилия: «…этот народ никогда не умирает собственной смертью. Кого змея укусит, кто сопьется, а кто руки на себя наложит…». В условиях начинающейся и набирающей обороты модернизации, в условиях вмешательства центра в дела периферии *violência* стало мощным фактором и стимулом социальных и политических перемен. В ряде случаев *violência* было излишним: продолжительность жизни была незначительной, социальные условия сложными – поэтому за одной смертью неизбежно следовали другие: в частности, один из рабочих Паулу Онориу погиб в шахте, а его «вдова и малолетние сироты погибли: один ребенок сгорел, другой умер от глистов, третий – от ангины, мать повесилась»[32]. На смену погибшим рабочим приходили новые: модернизация стала общебразильским процессом, который постоянно вымывал население из периферий, стимулируя внутреннюю миграцию.

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать несколько факторов. Тексты Грасилиану Рамоса являются многоуровневым феноменом, они принадлежат не только истории бразильской литера-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

туры, но истории политической традиции, будучи тесно связанными с процессами идентичностных трансформаций, которые охватили активно развивающееся бразильское общество на протяжении 1930 – 1940-х годов в том контексте, что выдержаны в духе оппозиционности официальному политическому и культурному дискурсу[33]. Тексты Г. Рамоса отразили те идентичностные перемены, которые затронули бразильский социум, подвергнутый, в свою очередь, значительной фрагментации. Политические и социальные границы в Бразилии протекали не только в плоскости политических предпочтений, или социальных классов. Эти различия, которые фрагментировали политические пространство, имели в большей степени идентичностные истоки. Различные группы бразильского общества имели разные социо-культурные ориентиры, которые формировали диаметрально противоположные политические идентичности, а так же связанные с ними политические культуры и лояльности.

Понятие «лояльность» и его политическое содержание в первой половине XX века трансформировалось из абстрактной лояльности стране в лояльность, детерминированную политически, социально и культурно. В целом большинство бразильцев в XX веке были лояльны Бразилии, но в их политическом воображении существовали разные Бразилии. В этой ситуации сложились благоприятные условия для развития правой и левой версии бразильской политической идентичности. Авторитарный режим Жетулиу Варгаса сделал ставку на формирование собственной политической идентичности и лояльности. С другой стороны, значительная фрагментация бразильского социума, быстрый темп заданных тем же Ж. Варгасом политических и экономических перемен, способствовали формированию альтернативных концептов политической культуры и идентичности, вызов которых бразильский авторитаризма 1930-х – начала 1940-х годов оказался не в состоянии преодолеть.

Политические эксперименты второй половины 1940-х – начала 1960-х годов, выдержанные в целом в рамках демократической модели, не способствовали преодолению фрагментации бразильского социума. В этой ситуации военный переворот 1964 года и установление военного режима стали попыткой трансформации политического и социального пространства Бразилии. С другой стороны, значительный политический опыт, приобретенный бразильским обществом, привел к кризису авторитарной модели и началу демократического транзита. В этом контексте политическая фрагментация сыграла позитивную роль.

---

[1] В теоретическом плане об этой проблеме см. подробнее: Cancilini N. Culturas hibridas / N. Cancilini. – São Paulo, 1989; Ortiz R. Cultura popular – Romanticos e folcloristas / R. Ortiz. – São Paulo, 1985; Ortiz R. Cultura brasileira e identidade nacional / R. Ortiz. – São Paulo, 1986.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[2] Candido A. Ficção e confissão – ensaios sobre Graciliano Ramos / A. Candido. – Rio de Janeiro, 1992.
[3] О коммунистических трендах в политических культурах и идентичностях Бразилии см.: Brandão G.M. A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista, 1920- 1964 / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997; Cavalcanti B. Certezas e ilusões: os comunistas e a redemocratização de sociedade brasileira / B. Cavalcanti. – Rio de Janeoiro, 1986; Dulles J.F. O comunismo no Brasil 1935 – 1945: represão em meio ao cataclismo mundial / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985; Dulles J.F. Anarquistas e comunistas no Brasil / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977; Dulles J.F. A Facultade de Direito de São Paulo e a resistência anti-Vargas / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1984; Ferreira J.J. Prisioneiros do Mito: Cultura e imagionário politico dos comunistas no brasil, 1930 – 1956 / J.J. Ferreira. – São Paulo, 1996. Dissertação de doutorado em História; Montalvão S. O intelectuale a política: a militância comunista de Caio Prado Junior, 1931 – 1945 / S. Montalvão // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 1. – P. 105 – 127.
[4] Cruz Alves C. O Integralismo e sua influência no anticomunismo baiano / C. Cruz Alves // Antíteses. – 2008. – Vol. 1. – No 2; Silva G.B. No entre guerra, a situação dos integralistas na implantação do Estado Novo de Getúlio Vargas / G.B. Silva // Projeto História. – 2005. – No 30. – P. 229 – 241.
[5] Рамос Г. Арест Жозе Кармо Гомеса / Г. Рамос // Рамос Г. Сан-Бернардо. Роман. Рассказы / Г. Рамос. – Л., 1977. – С. 168.
[6] Рамос Г. Сан-Бернардо / Г. Рамос / пер с. порт. Л. Бреверн, И. Чежегова // Рамос Г. Сан-Бернардо. Роман. Рассказы / Г. Рамос. – Л., 1977. – С. 21.
[7] Gaspari S. de, A Madalena de Graciliano Ramos / S. de Gaspari // http://www.assis.unesp.br/cilbelc/jornal/maio08/content17.html; Quelhas I. O enigma da chama: autor, leitura e leitor em São Bernardo, de Graciliano Ramos / I. Quelhas // Ipotesi: revista de Estudos Literarios. – Vol. 3. – No 1. – P. 99 – 115.
[8] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 25.
[9] Рамос Г. Свидетель / Г. Рамос // С Рамос Г. Сан-Бернардо. Роман. Рассказы / Г. Рамос. – Л., 1977. – 166.
[10] Рамос Г. Свидетель. – С. 164.
[11] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 25.
[12] Рамос Г. Свидетель. – С. 165.
[13] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 40.
[14] Там же. – С. 41, 43.
[15] Там же. – С. 23.
[16] Там же. – С. 54.
[17] О социальных процессах в Бразилии в контексте модернизационных перемен в теоретическом плане см.: Touraine A. Na fronteira dos movimentos sociais / A. Touraine // Sociedade e Estado. – 2006. – Vol. 21. – No 1. – P. 17 – 28.
[18] Об особенностях развития бразильского коммунизма см.: Kolleritz F. A apostasia comunista: a subjetividade como política / F. Kolleritz // Revista Brasileira de História. – 1999. – Vol. 19. – No 37. – P. 199 – 226.
[19] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 20.
[20] Там же. – С. 144.
[21] Рамос Г. Арест Жозе Кармо Гомеса. – С. 170.
[22] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 112.
[23] Там же. – С. 111.
[24] Об образе индейцев в рамках бразильского культурного дискурса см.: Schaden E. A mitologia heróica de tribos indígenas do Brasil / E. Schaden. – São Paulo, 1989.
[25] Рамос Г. Арест Жозе Кармо Гомеса. – С. 175 – 176.
[26] О подобных интеллектуальных и политических трендах в развитии Южной Америки см. подробнее: Fiorucci F. Neither Warriors Nor Prophets: Peronist and Anti-Peronist Intellectuals, 1945-1956. PhD Thesis / F. Fiorucci. – London, Institute of Latin American Studies, 2002; Fiorucci F. ¿Aliados o enemigos? Los intelectuales en los gobiernos de Vargas y Perón / F. Fiorucci // EIAL. – 2004. – Vol. 15. – No 2; Capelato M.H. Os intelectuais e o Poder No Varguismo e Peronismo / M.H.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Capelato // HQD. – 1999. – No 13. – 5 – 39; Ciria V.A. Política y cultura popular: la Argentina peronista, 1946-1955 / V.A. Ciria. – Buenos Aires, 1983.

[27] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 109, 111.

[28] Там же. – С. 146.

[29] Рамос Г. Арест Жозе Кармо Гомеса. – С. 177.

[30] Рамос Г. Сан-Бернардо. – С. 110, 112, 114 – 115.

[31] Там же. – С. 43.

[32] Там же. – С. 43 – 44.

[33] Об официальном дискурсе см.: Estado Novo, um Auto-Retrato / ed. S. Schwartzman. – Brasília, 1982; Capanema: o ministro e seu ministério / ed. A. de Castro Gomes. – Rio de Janeiro, 2000.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

РАСА, FEMINA И НАСИЛИЕ: ДИСКУРСЫ ПОЛИТИЗАЦИИ ГЕНДЕРА В БРАЗИЛИИ СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГОДОВ

Модернизм в формировании и развитии национализма играет не менее важную роль, чем романтизм[1]. Если романтизм способствует идеализации прошлого, являясь одним из важнейших стимулов в развитии национального воображения, то модернизм ознаменовал собой своеобразный идентичностный переворот, внеся радикальные изменения и новации в развитие идентичности в Бразилии и в новые, постоянно появляющиеся, идентичностные проекты, представленные в литературных текстах. Важнейшее значение модернизма в развитии национализма состоит в том, что модернизм изменил саму сущность дискурса идентичности.

Романтический бэк-граунд был, скорее всего, протонациональным, а не национальным, что было связано с четким соотношением романтизма и «высокой культуры». Такие романтические идентичностные проекты редко выходили за пределы интеллектуального сообщества. Модернизм, наоборот, было более понятным и, вероятно, привлекательным для носителей «низкой» народной культуры. Модернизм постепенно разрушил сингулярные идентичности интеллектуального сообщества – идентичность стала серийным и массовым продуктом.

Начав разрушение традиционной культуры, модернизм привел и к чрезвычайному дроблению, дефрагментации идентичностного дискурса. За общим и единым модернистским бэк-граундом скрывались и развивались различные идентичности, связанные с разными политическими трендами – левыми и правыми[2]. В такой ситуации модернизм привел к значительной политизации интеллектуального пространства. Литературные тексты обрели не просто идентичностный бэк-граунд, но и нашли идентичностно-политические, в том числе – и гендерные[3], обоснования. Поэтому, литературные тексты стали сферами развития не просто различных бразильских идентичностных проектов. Эти проекты могли быть левыми или правыми. Модернистский тренд в литературе имел тенденции к превращению в тренд гендерно маркированный, гендерно ориентированный. В бразильской литературе постепенно возникал феминизм.

Бразильские писательницы не были лишены склонности к рефлексии над бразильской действительностью, за которой стола их идентичность[4]. Примечательно, что это была, вероятно, идентичность двойственного плана – и гендерная, и политическая[5]. В данном случае автор склонен сформулировать несколько провокационный вопрос: к какой политической идентичности, левой или правой, склонялись бразильские писательницы. Не исключено, что к обществе, которое переживало процессы бурной модернизации (начиная с 1930-х годов в рамках авторитарной модели[6]), в

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

обществе, склонном к политизации и увлечению крайними (в зависимости от политической ситуации – левыми или правыми) идеями – мощный феминистский дискурс в литературе совпал с влиятельным левым трендом в политической жизни. Поэтому, «классический» портрет бразильской писательницы 1930 – 1950-х годов таков: феминистка, левая и радикально ориентированная[7]. В этом разделе мы попытаемся рассмотреть подобный феминистский, левый и радикальный текст[8], обратившись к роману бразильской писательницы Марии Алисе Баррозу «Os Posseiros»[9], который впервые вышел в Рио-де-Жанейро в 1955 году и спустя пять лет, в 1960 году, в СССР под названием «В долине Серра-Алта».

Вероятно, роман был очень левым – иначе сложно объяснить столь быстрый его перевод и издание в Советском Союзе. В СССР в самой писательнице увидели прогрессивную, сочувствующую советскому государству, активистку. Роман был прочитан как роман о борьбе народных масс, то есть очень односторонне. Текст книги не так прост и однозначен, как стремилась доказать советская критика. Этот, с безусловно значительным социальным подтекстом, роман – роман о модернизации, точнее – о столкновении и конфронтации различных идентичностей и лояльностей – архаической традиционалистской и современной. Обратимся непосредственно к тексту.

Роман начинается со своеобразной рефлексии относительно прошлого Бразилии: «…негр Фермину живет здесь со времен принцессы Изабеллы… и хорошо помнит, какими печальными были те места в далекие времена, когда хозяйничала маркиза де-Серра-Алта… убитая горем маркиза – жених бросил ее в день венчания – безучастно смотрела на надвигающееся разорение…»[10]. Если у Жозэ дэ Аленкара перед нами славное и героическое прошлое[11], то для Марии Алисе Баррозу прошлое – это не более чем одна из страниц в истории угнетения народа господствующими классами. Такая история – это история упадка и разрушения.

Примечательно, что в данном контексте социальный нарратив явно сочетается с гендерным[12], а мужчина выступает в качестве одного из стимулов к упадку, гибели традиционного и патриархального мира[13]. Отношения полов в Бразилии, описанной Марией Алисе Баррозу, имеют и расовый бэк-граунд. В процессе этих отношений происходит разрушение границ между сообществами. Поэтому, итальянский эмигрант[14] отдает свою дочь замуж за негра-соседа. Но и повторяя в мыслях, что «эта белая женщина – моя»[15], даже потомок рабов выступает в роли колонизатора. В таком традиционном обществе маскулинность доминирует над феминностью.

Но этот триумф имеет временный характер. Девочка, цвет кожи которой белее кожи отца, становится своеобразным реваншем покоренной белой женщины. В обществе, о котором идет речь в романе, доминируют, как правило, традиционные ценности. Их доминирование проявляется, в

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

частности, в абсолютизации негром фигуры местного фазендейро, на земле которого он работал. Именно фазенда белого полковника была для негра центром всех социальных отношений, регулятором социальной жизни, местным социальным ориентиром и доминирующим социальным институтом: «…правительство?! В Баие правительством для него был полковник Феррейра, всемогущий сеньор, от которого завесили судьбы многих людей, ему никогда в голову не приходило, что над полковником Феррейрой может стоять еще кто-то более могущественный…»[16].

В такой ситуации для него оказывается откровением, что социальные отношения гораздо сложнее, чем он представлял. Комментируя особенности традиционного сознания и характерного для него восприятия действительности, Л. Леви-Брюль писал, что для носителей традиционных идентичностей «пространство в их воображении абсолютно и гомогенно»[17]. В социальном мире носителей традиционного сознания было место для себя, белого бывшего господина, но среди этих двух социальных ориентиров и приоритетов не было место для правительства. Но и сами негры, самовольно захватившие земли, не проявляют никакого желания подчиняться правительству в силу того, что не чувствуют его своим: «…мы не можем рассчитывать на правосудие белых. Никто из них не признает правым сброд из неграмотных негров… если мы хотим остаться хозяевами своей земли, мы должны защищать ее любой ценой…»[18].

Мулаты словно сознательно принижают себя перед белыми: «мы простые неграмотные люди и не умеем красиво говорить»[19]. Они словно бессознательно выставляют себя за пределы политического дискурса, добровольно обрекая на маргинализацию. Маргинализация, вероятно, была сознательным выбором и это решение освобождала их от обязанность находится в правовом поле. Хотя, вероятно, они не имели и малейшего представления о законах, полагаясь на традиции. Роман Марии Алисе Баррозу – это роман о традиционном обществе. Одно из местных локальных сообществ в силу своей архаичности не в силах справится с засухой.

Какова реакция традиционного сообщества? Его несогласие с внезапным природным катаклизмом выливается в религиозный всплеск, религиозную истерию: «…потянулись длинные процессии верующих с камнями на головах: они смиренно несли свои покаяния Господу Богу… священники призывали молиться, давать обеты и просить у Бога дождя…»[20]. Но, используя исключительно религиозность, которая обладала немалой мобилизующей силой, бразильские крестьяне не в состоянии решить своих проблем.

Именно эта неспособность справиться с ситуацией и стала основным фактором, который способствовал началу стихийного захвата новых земель. Заброшенные земли, о которых идет речь в романе, стали объектом вожделения маргиналов, тех, кто невольно или сознательно порвал со своим сообществам. Но и в такой ситуации они оставались носителями почти

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

исключительно традиционной культуры, они могли только «ухаживать за землей и любить ее»[21]. Вот почему, однажды ночью один из героев романа негр Фирмину встречает другого негра, который «ни с чем не считаясь, обосновался на полоске земли между Белыми и Черными холмами»[22].

Такие бразильцы – носители традиционной культуры, приверженцы рурализма. Город – ментально далекий, почти не интересующий их объект: «…он редко бывал в городе… вся его жизнь, все его помыслы сосредоточились на этой земле, завоеванной тяжким трудом…»[23]. Идентичность героев романа связана с землей и, поэтому, решение правительства о продаже земли, которую они давно привыкли считать своей, иностранцу вызывает гнев и возмущение со стороны носителей традиционной культуры. Герои книги не имеют бразильской идентичности, их идеи и самые общие представления о том, что такое Бразилия крайне скудны и незначительны.

Их интересует только земля, ближайшая округа, их интересы редко пересекают границы известного им мира: «…он чувствовал эту землю своей, сросся с ней неразрывными узами…»[24]. Значительная тяга к земле отразила, что среди значительной части населения Бразилии того времени доминировали традиционные и архаичные представления. Эта стихийная колонизация, которая постепенно выливалась в отрицании государства, постепенно институционализировалась во внесистемное и протестное движение, за которым стояли свои идентичности.

Выражением протеста становится появление среди стихийных колонистов новой женщины: ее уже не устраивают традиционные гендерные роли, она уже не смотрит на мир как изначальную систему подчинения одних и доминирования других. Для нее мир, в котором «чтобы избавится от повседневной монотонности нищей жизни, какая-нибудь из дочерей становится проституткой, а сын – вором или убийцей»[25] не является нормальным. Это ведет к тому, что стихийный протест носителя народной культуры обретает социальный бэк-граунд.

Носителям этого протеста становится женщина (в исследовательской литературе неоднократно высказывалось мнение, что для первых писательниц в той или иной национальной литературной традиции характерно создание героинь, который не могут выбрать между традиционностью и оппозиционными политическими и культурными трендами[26]), но и в этом случае она вынуждена играть второстепенную роль («…Антонио сказал все, о чем она думала, но не могла выразить словами… кончено, Антонио – мужчина, он ученый, должно быть, учился в университете, а она… неграмотная девушка…»[27]), признавая свою подчиненность и неполноценность относительно мужчины, считая свое положение почти естественным («…но Антонио, наверное, посмеется над нею, неграмотной крестьянкой… она и говорить совсем не умеет…»[28]), что было вызвано условиями социализации, которая протекала в обществе, где доминировали традиционные

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ценности. В этом контексте мы имеем дело с начинающимся женским ревайвэлом, гендерно маркированным «ребелом».

Примечательно, что восточно-европейские литературы, где модернизм возник почти одновременно с бразильской литературой, попытались ответить на эти вопросы раньше, но нередко делали это устами писателей-мужчин. В частности, одна из героинь Мыхайла Яцкива, Альва, протестуя диктату со стороны родственников, говорит: «…прошу мені сказати, чи се може давати право родичам мучити мене своїми радами, увагами на кождім кроці, в'язати свободу і вбивати мою індивідуальність …»[29]. Политизация гендера, как полагала Милэна Рудныцька, влечет за собой и «полное переустройство государственного общественного порядка и преобразование всей культуры»[30]. Героиня Марии Алисе Баррозу представляет новый тип женщины, которая, по выражению украинской исследовательницы феминистского тренда в литературе, «не только стремилась иметь собственную комнату – но она и открывает в нее двери»[31].

Но радикализация, имевшая вероятно и политический и культурный уровень[32], безземельных негров, их столкновения с полицией, гибель родных и знакомых приводит к рождению новой женщины, которая осознает то, что «она рождена для того, чтобы бороться против угнетения с оружием в руках»[33] – она наравне с мужчинами участвует в нападении на поллюцию и, как они, самостоятельно принимает решения. Но постепенно этот стихийный протест подвергается популяризации и идеализации со стороны тех, кто сочувствовал тем, кто самовольно захватил землю.

Неслучайно, что в такой ситуации из города приезжает человек, представившийся как Антонио, который оказывается членом партии, «борющейся против полковников, полиции и правительства»[34]. Социальное политически детерминированное и сознательно обусловленное недовольство постепенно обволакивает стихийный народный протест. В этой ситуации коммунист среди неграмотных крестьян выступает в роли мифотворца. Коммунист-мифотворец рисует им идиллическую картину жизни в СССР, где «…все счастливы: крестьяне работают на своей земле, свободные от эксплуатации полковников, под защитой правительства, которое дает им трактора, чтобы пахать землю…»[35].

Но и этих городских радикалов, которые приехали в Серра-Алта, сама долина, ее обитатели и их проблемы интересуют в наименьшей степени: у них другие цели. Поэтому, коммунист Антонио рисует перед малопонимающими его неграми картину широкой социальной борьбы: «…товарищи, если нам удастся выстоять в нашей борьбе, то победим не только мы, но и все бразильские крестьяне… тысячи братьев поймут, что с несправедливостью можно бороться… правда и справедливость на нашей стороне, товарищи, нужно только бороться с верой в лучшее будущее…»[36].

В романе мы наблюдаем, вероятно, смыкание, сочетание и сближение различных протестных дискурсов. Ситуация не уникальна. В частности, М.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Шкандрий констатирует, что подобное было характерно и для украинской литературы, например – для творчества Лэси Украинки. В связи с этим М. Шкандрий подчеркивает, что в произведениях Лэси «дискурс национального освобождения дополняется двумя важными факторами: феминизмом и бунтом против народницких взглядов»[37]. В целом, в тексте доминирует дискурс социального освобождения – неприятия несправедливого и неправильного с социальной точки зрения строя и борьбы с ним. С другой стороны, этот дискурс связан с двумя факторами – феминизмом и бунтом против доминирования маскулинных трендов в политике.

Для бразильских левых радикалов сопротивление носителей традиционной культуры жителей долины властям – только один из многочисленных эпизодов борьбы, которую они в состоянии интерпретировать исключительно в категориях классовой борьбы. Вероятно, заезжий городской коммунист и негры – случайные союзники. Одного интересует политическая борьба, других – земля. В этом контексте заметна фрагментированность политического и культурного дискурса в Бразилии, представленного в то время носителями как традиционной, так и современной культуры.

Чем закончился такой конфликт культурой? Крестьяне несколько месяцев обороняли долину, но правительственные войска постепенно вытеснили их, убив большую часть восставших, в том числе – и радикала коммуниста Антонио. Смерть городского коммуниста Антонио стала стимулом к еще большей радикализации жителей долины Серра-Алта, и, подобно его политическому завещанию, звучат слова Орланды: «…борьба еще не закончена, люди! Земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает…»[38]. Вслед за периферией радикализации в такой ситуации подвергается и город. Подобный тренд в романе, вероятно, свидетельствует о правоте предположения украинской исследовательницы Оксаны Забужко, которая полагает, что благодаря утверждению в любой национальной литературе модернизма на смену образу матери и связанным с ним материнским мифам приходит новый миф, олицетворением которого является «Мать-Отчизна с мечем»[39], которая в бразильском случае (в тексте Марии Алисе Баррозу) представлена мулаткой с винтовкой.

Обезумевшая толпа штурмом берет тюрьму, на смену порядку воцаряется хаос: «…схватка охватила всю тюрьму и вовлекла людей, толпившихся на площади… царило смятение… казалось, что все сошли с ума…толпой овладела страсть к разрушению… разрушив все в помещении тюрьмы, народ вышел на улицу…»[40]. После этого бунта, который был подавлен полицией, казалось, что долина Серра-Алта успокоилась, вернулась к тому патриархальному состоянию подчинения и подавления, в котором и надлежит пребывать традиционному обществу.

Но появление коммуниста Антонио не осталось бесследным – среди местных жителей началась постепенная радикализация и письмо Орланды из тюрьмы, в котором она призывала «…объединить и повести наших

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

братьев крестьян на борьбу, на борьбу за землю…»[41] только усилило подобные радикальные тенденции. Вероятно, для модернизма на определенном его этапе образы «женщины» и «тюрьмы» оказались тесно связанными. В этом контексте возможна параллель с уже упомянутым выше М. Яцкивым, который писал, что «...як була я в Альпах, то стріляли ми з одним товаришем росіянином з маузера. Люблю аузерівські пістолі… Тоді зналася я лише з одним осьмаком, він сидить тепер в Росії в тюрмі. Засудили його на вісім літ... Се діялося перед кількома літами під час революційних розрухів. Я також, сиділа в тюрмі. Мій перший любчик був жид…»[42]. И поэтому роман Марии Алисе Баррозу заканчивается картиной широкого социального протестного и радикального движения, сторонники которого, словно политический лозунг, повторяют слова: «…будь проклят негр, будь проклят бедняк, который побоится взять в руки ружье, чтобы отомстить за несправедливость, которую терпели его отцы! Будь проклят! Будь проклят!…»[43].

Политический и интеллектуальный ландшафт в Бразилии на момент появления романа Марии Алисе Баррозу отличался значительной степенью расколотости и фрагментированности. Наряду с несомненными тенденциями к модернизации традиционные институты и отношения оставались не только стабильными и устойчивыми, но и успешно функционирующими. Сферой доминирования тенденций к модернизации был город, городская культура. Традиционные ценности почти безраздельно доминировали на периферии. Традиционность нередко имела не просто культурный, интеллектуальный, социальный, но и гендерный бэк-граунд. На этом фоне проникновение модернизации на периферию неизбежно затрагивала и отношения между полами, разрушая архаичные гендерные роли, характерные для традиционного общества, и способствуя постепенному освобождению женщины, ее политизации, включению в дискурс не только традиции, но и дискурс политики, политического участия.

Модернистский бэк-граунд, на который опирается роман М.А. Баррозу, достаточно быстро распался на различные тренды, среди которых был и левый. Роман Марии Алисе Баррозу принадлежит именно левому тренду. Роман стал сферой доминирования альтернативной, левой и радикальной идентичности. И в дальнейшем тенденция к фрагментации интеллектуального поля в Бразилии доминировала, а сам культурный контекст развивался в сочетании правых и левых дискурсов.

---

[1] В данном случае автор солидаризируется с бразильской интеллектуальной традицией, в которой эта связь неоднократно подчеркивалась. См. например: Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21; Zago Conçalves L. O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / L. Zago Conçalves // RPPC. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164; Fokkema D. Modernismo e

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. – Lisboa, 1983; Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. – Lisboa, 1993.

[2] О сочетании политической и гендерной идентичности в истории Бразилии подробнее см.: Lopes D.H. Integralismo: uma das oportunidades de partipação feminina no espaço público / D.H. Lopes // RICFFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2.

[3] См.: Alves B.M. Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980; Alves B.M., Pitangay J. A que é meminismo / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982; Flores M. A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasilíca / M. Flores // DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109; Pedro J.M. Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: umo questão de classe / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998; Perrot M. Prácticas de Memória Feminina / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18; Zimbrão da Silva T. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100; Zimmermann T.R. Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

[4] О соотношении гендера и национализма доступна русская версия статьи Сильвии Уолби, содержащая критический обзор основных концепций. См.: Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 308 – 331. Англоязычная литература по этой теме достаточно обширна. См. например: Enloe C. Bananas, Beaches and Bases / C. Enloe. - L., 1989; Jayawardena K. Feminism and Nationalism in the Third World / K. Jayawardena. - L., 1986; Showalter E.A. A Literary of their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.

[5] О сочетании гендерной и политической идентичности см. подробнее: Агеєва В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеєва. – Київ, 2003; Гундорова Т. Femina Melancholica. Стать і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002. В теоретическом аспекте см.: Гендерные истории Восточной Европы / ред. Е. Гапова, А. Усманова, А. Пето. – Мн., 2002.

[6] См. подробнее: Amaral A. O Estado Autoritário e a Realidade Nacional / A. Amaral. – Brasília, 1981

[7] Мария Алисе Баррозу в бразильской интеллектуальной традиции имела своих предшественников. См.: Duas modernistas esquecidas: Adalzira Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996; Ramos M. Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzira Bittencourt / M. Ramos // EF. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37; Sharpe P. *Trinta e sete dias em Nova York* com Adalzira Bittencourt / P. Sharpe // Estudos Feministas. – 2008. – Vol. 16. – No 3. – P. 1093 – 1106.

[8] Об особенностях развития радикализма в Южной Америке см.: Knight A. Democratic and Revolutionary Tradions in Latin America / A. Knight // Bulletin of Latin American Research. – 2001. – Vol. 20. – No 2. – P. 147 – 186.

[9] Maria Alice Barroso, Os Posseiros / Maria Alice Barroso. – Rio de Janeiro, 1955.

[10] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта / М.А. Баррозо / пер. с порт. В. Житков, Н. Тульчинская. – М., 1960. – С. 9 – 10.

[11] Подробнее см. главу «Формирование образа “чужого”: индейские нарративы в творчестве Жозэ дэ Аленкара» в монографии автора, посвященной национализму в Латинской Америке, вышедшей в 2008 году: Кирчанов М.В. Ordem e progresso: память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений ВГУ, 2008.

[12] См.: Ferreiara-Pinto Bailey A.C. O “Bildungsroman” Feminino: Quatro Exemplos Brasileiros / A.C. Ferreiara-Pinto Bailey. – São Paulo, 1990; Ferreiara-Pinto Bailey A.C. Looking at the Margins from the Borderlands: Understanding Gender and Ethnicity in Brazilian Women’s Literature / A.C. Ferreiara-Pinto Bailey // FUN. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 38 – 41; Ferreiara-Pinto Bailey A.C. Gender Discourse and Desire in Twentieth Century Brazilian Women’s Literature / A.C. Ferreiara-Pinto Bailey. – West Laffayatte, 2004.

[13] О «маскулинности» в бразильской культуре см.: Badinter E. Sobre a identidade masculina / E. Badinter. – Rio de Janeiro, 1993.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[14] Об итальянцах в бразильской интеллектуальной традиции см.: Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1.
[15] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 14.
[16] Там же. – С. 21.
[17] Levy-Bruhl L. Primitive Mentality / L. Levy-Bruhl. – Boston, 1966. – P. 59.
[18] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 106.
[19] Там же. – С. 306.
[20] Там же. – С. 15 – 16.
[21] Там же. – С. 10.
[22] Там же. – С. 10.
[23] Там же. – С. 11.
[24] Там же. – С. 39.
[25] Там же. – С. 27.
[26] См.: Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 309.
[27] Там же. – С. 142.
[28] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 143.
[29] Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 421.
[30] Рудницька М. Статті, листи, документи / М. Рудницька. – Львів, 1998. – С. 75.
[31] Гундорова Т. Femina Melancholica. Стать і культура... – С. 227.
[32] О радикализации см.: Candino A. Radicalismos / A. Candino // EA. – 1989. – Vol. 4. – No 8. – P. 4 – 18; Ridente M. O Fantasma da Revolução Brasileira: raizes sociais das esquerdas armadas 1964 – 1974 / M. Ridente. – São Paulo, 1994.
[33] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 232.
[34] Там же. – С. 140.
[35] Там же. – С. 230.
[36] Там же. – С. 141.
[37] См.: Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004. – С. 308.
[38] Там же. – С. 337.
[39] См.: Забужко О. Жінка-автор у колоніальній культурі, або Знадоби до української гендерної міфології / О. Забужко // Забужко О. Хроніки від Фортінбраса / О. Забужко. – Київ, 1999. – С. 160.
[40] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 346 – 347.
[41] Там же. – С. 394.
[42] Яцків М. Блискавиці / М. Яцків // Яцків М. Муза на чорному коні / М. Яцків. - Київ, 1989. - С. 452.
[43] Баррозо М.А. В долине Серра-Алта. – С. 405.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«КАПЕЛА ДОС ОМЕНС» КАК «УЧАСТОК ПАМЯТИ»: ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ БРАЗИЛИИ 1970-Х ГОДОВ

Историю Бразилии XX века возможно интерпретировать в категориях постепенного умирания старого, архаичного, традиционного общества и утверждения новых отношений. Иными словами, писать историю Бразилии не просто как политическую, социальную и культурную, но и как модернизационную. Новейшая история Бразилии – это и история современной бразильской модернизации. Модернизация – это не просто победа современности и триумф нового над архаикой. Модернизация стала временем умирания и / или отмирания традиционных отношений и институтов, или их трансформации, постепенного приспособления к изменившимся условиям. Не следует так же сводить модернизацию к исключительно внешним переменам и изменениям. Модернизационные процессы оказывают влияние и на такие явления как идентичность и лояльность. На смену старым, преимущественно традиционным идентичностям и лояльностям приходят новые идентичностные проекты и скрытые за ними отношения преобладания и доминирования, подчинения социального и культурного.

Модернизация в Бразилии была связана и с национализмом[1]. К началу XX века Бразилия была уникальной страной в Южной Америки с опытом существования в качестве империи и культивирования особых имперских идентичностей и лояльностей. К началу XX столетия Бразилия, точнее – носители «высокой культуры» этой страны – уже были знакомы с идеями политической нации. Начавшаяся в 1930-е годы модернизация, связанная с правлением Жетулиу Варгаса, внесла существенные коррективы в концепты и проекты политической бразильской нации[2]. До того момента, когда Ж. Варгас начал применять модернизационную стратегию в рамках авторитарного режима, политический дискурс Бразилии базировался на сосуществовании и сочетании традиционности и современности.

Нередко эта современность носила сугубо внешний характер, что проявлялось в принятии достижений европейской науки и искусства, что в принципе не составляло для бразильских политических и культурных элит[3], носителей «высокой культуры», особого труда в виду осознания своей принадлежности и причастности к европейской культурной традиции. Сферой почти безусловного доминирования современности был бразильский город, точнее – городской центр.

Аграрная сельская периферия испытала влияние современности в гораздо меньшей степени. В то время, когда в городе и местных сообществах модернизация уже была активно развивающимся и динамично протекающим процессом, в аграрной периферии модернизационные тенденции нередко не выдерживали в конкуренции с традиционностью и архаикой.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

В Бразилии сложились различные политические культуры и идентичности. Носители традиционной культуры сохраняли лояльность старым патриархальным, преимущественно – локальным, идентичностям. Носили новой модерной культуры отдавали предпочтение современным ценностям. Если в городе политическая борьба была обусловлена принадлежностью к тому или иному сообществу, той или иной культуре, то на периферии сложилась иная ситуация. В городах Бразилии политическая борьба была формой политического участия. Сам процесс участия стал более четко соотносится с политическими идеологиями, доктринами и стоящими за ними политическими партиями. Литературный продукт так же более четко обрел свою идеологическую составляющую[4]. Аграрная внутренняя периферия не знала столь развитой диверсификации политического дискурса. Политическое участие не было отделено от принадлежности к группе, католическому приходу, городку, селению…

Провести модернизацию, не поборов архаику, не уничтожив стоящие за ней культурные и политические идентичности, отношения лояльности и подчиненности, было невозможно. Поэтому, в своей модернизационной политике Ж. Варгас и правившие после него военные и гражданско-военные режимы уделяли значительное внимание сознательному и направленному разрушению периферии, ее интеграции в политический контекст и культурный дискурс Бразилии. Разрушение традиционности, преодоление архаики оказались сложными задачами, усилия по разрешению которых стали заметны в Бразилии во второй половине 1960-х годов, с приходом к власти Вооруженных Сил и началом новой волны модернизационных процессов. Традиционная модель общества характеризуется значительными социальными, политическими и культурными потенциями в деле самосохранения, функционирования и воспроизводства.

В странах, переживающих модернизацию, традиционное общество не упускает возможности, чтобы во всеуслышанье о себе заявить. Это самовыражение архаики имеет разные формы – от почти неосознанной стихийной социальной борьбы, направленной на разрушение даже внешних атрибутов современности до художественной литературы, через страницы которой недовольные интеллектуалы рефлексируют и возмущенно размышляют о вызовах современности и судьбе традиционного общества. В настоящем разделе автор обратиться к дискурсам современности и архаике, точнее – к их проявлениям в тексте бразильского писателя XX века Бениту Баррету «Капелла дос Оменс»[5].

Текст романа отличается тем, что в его рамках сосуществуют несколько дискурсов, на анализе которых постараемся остановиться подробнее. Один из доминирующих дискурсов – тема смерти и постепенного умирания старого архаичного мира, который не в состоянии выдержать конкуренции с современностью. Процесс модернизации ведет к тому, что сфера доминирования традиционности и безусловного господства архаики

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

постепенно, медленно, но вместе с тем неумолимо, сужается до уровня одного региона, одной местности, одного городка, одной социальной группы, представителей одного поколения («…кроме старых святош в шалях и с четками в руках, поучения падре слушают только богатые фазендейро…»[6]), которые посредством постоянной коммуникации между собой продляют время, отведенное на существование той идентичности, на которую опирается то или иное локальное сообщество.

С другой стороны, постоянно рефлексирующие интеллектуалы, являющиеся носителями разных политических культур и идентичностей, уже выносят свой приговор Бразилии (он может выноситься как носителями городской культуры: «…дерьмовая нация, гнусное племя… кажется, у нас только и заботы – ожидать, когда американцы и в следующий раз нам нагадят…»[7], так и крестьянами, которые в большей степени подвержены влиянию традиционализма: «…проклятая земля, сухая земля…»), не видя альтернатив модернизации, полагая, что агония традиции будет тем страшнее, чем эта традиция сильнее и устойчивее в различных опирающихся на нее идентичностях и лояльностях. Такая негативная идентичность в условиях модернизации трансформируется в один из мощнейших стимулов социальных перемен. Подобные процессы, в свою очередь, ведут к разрушению границ, в которых протекало существование носителей традиционной культуры: «…это было в марте, в двадцать пятом часу тридцать первого марта – сейчас я не помню, сколько времени мы там провели. Все произошло слишком быстро, смерть налетела как молния, и ночь словно пропитала нас тьмой…». Процесс постепенного исчезновения старого мира, где доминировала традиционность, в максимальной степени заметен на периферии, в том «печальном краю, где и время ничего, кроме вреда, не приносит»[8].

В такой ситуация периферия трансформируется в литературе в своеобразное «место памяти», не только географически детерминированное[9], но и текстуально отраженное, что способствует постепенной трансформации отдельных литературных произведений в своеобразные «участки памяти»: «…Сакраменто! Надо же, до сих пор существует, и он задумался над таинственной способностью некоторых слов пропитаться сущностью и приметами места, в них запечатленного, в их слогах и звуках – природа и очертания земли…»[10]. Судьба Сакроменто и подобных ему городков предрешена: «…больше всего меня удручает то, что местечко наше совсем опустело…»[11].

Малые города Бразилии с их традиционными и в значительной степени архаичными отношениями были не в состоянии противостоять экспансии культуры нового города – источника социальных перемен и изменений. В такой ситуации меняется само содержание понятия «периферия». Эта периферия не всегда является географическим фронтиром[12], хотя некоторые герои романа склонны акцентировать внимание на сочетании гео-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

графической специфики[13] с местными идентичностными установками, среди которых – и религиозные («…на Севере крестный ход устроили, дождя просили, нам это некстати…»[14]), проявляющиеся, в частности, в вере крестьян в то, что определенные действия сакрального плана могут привести к ожидаемым результатам.

Достаточно особых социальных отношений, не характерного для большого города разделения социальных ролей. Для бразильских интеллектуалов, окраина, периферия – территории не просто исторически, но и культурно и идентичностно приговоренные к отставанию от центра. Бразильская периферия – сфера почти безусловного преобладания традиционности. Традиционные отношения на уровне одного сообщества нередко выстраивались и функционировали по корпоративному принципу. Принадлежность к определенному сообществу, культурной или профессиональной корпорации нередко были категориями, которые непосредственно определяли политический и социальный статус человека. Границы корпорации были почти статичны, почти географически нанесены в воображаемом политическом пространстве[15]. Нарушения этих воображенных культурных и идентичностных границ было явлением, вероятно, чрезвычайно редким, возможным в исключительных случаях.

Народный праздник, карнавал превращался в разгул стихии, когда разрушались социальные границы, а нравственные запреты отвергались: «…Алзира плакала, но стоило ей выйти на улицу, и уже бедра покачиваются, гибкая талия, все тело подрагивает, соблазн овладевает ею, волнует дивную грудь, готовую вырваться из лифа… но однажды, когда она выходила из церкви на Новой улице появился Журабе… голова задрана, глазами так и зыркает… и только Алзира вышла на площадь, как он подскочил к ней… он задыхался, она шла, он следовал за ней, источая свой запах самца и расталкивая народ… восторг бесноватого… а девушка все шла… вдруг ее походка странно изменилась, она шла мелкими шажками, словно вспоминая танец давних времен… Журабе заревел от удовольствия… пустился в пляс вокруг девушки… ее шаги и покачивание походили на танец… Журабе ликовал, он метался, пускал слюну и вопил… день закончился стрельбой, поножовщиной и попойкой… утром Алзира проснулась шлюхой…»[16].

Карнавал, традиция народного гуляния была принесена португальскими колонистами и глубоко интегрирована в бразильский национальный культурный и идентичностный контекст. Вероятно, карнавал в периферии был своеобразным символическим действом, олицетворяющим саму традиционность. Но при всем своем традиционном и архаичном характере бразильский карнавал способствовал разрушению и размыванию границ, девальвации поведенческих норм, в том числе – и в сфере отношений между полами. Карнавал стал и своеобразным топосом свободы, институционализированным и культурно допустимым культурно санкционирован-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ным протестом. У Бениту Баррету образ Журабе – образ, в значительной степени, демонический, образ внедискурсный, принадлежащий одновременно и миру человека и царству зверя: «…взревел Журабе… и львиной побежкой потрусил дальше, толстозадый, слюнявый, похрустывая суставами. Иногда он останавливался и скреб землю… резко фыркал своими огромными ноздрями и тогда лошади отбегали дальше… он стоял, точно король, и своими мутными глазками смотрел, как мелькают в бегстве их копыта…»[17]. Перед ним человек может испытывать только страх, и вот, в воспаленном и взволнованном сознании случайного наблюдателя, Журабе постепенно утрачивает свои человеческие черты.

Этого вполне достаточно – реальность и обыденность мира разрушены: «…так он и разгуливал по площади, довольный и наглый, какой-то щенок кинулся на него… Журабе саданул его рогами с такой силой, что пронзил насквозь… а посреди площади умирала кобыла… Журабе подбежал к ней, вскочил на мертвое тело, удовлетворенно задрал морду и взревел, бросая вызов небесам…». Журабе в этом контексте предстает как символ традиционности, как живое подтверждение страха, принесенного в Южную Америку португальскими переселенцами, горожанами и крестьянами, которые и на европейской периферии были носителями традиционной культуры. Периферия в литературном тексте – это сфера доминирования традиционных отношений, сфера почти безусловного преобладания идентичности, основанной на религиозности и верности традициям местного локального сообщества. Умирание старого мира, традиционных и архаичных порядков почти всегда сопровождается не только сменой социальных ролей, формированием новых идентичностных дискурсов, в том числе – и дискурсов насилия («…так было всегда – в смутные времена школы всегда превращают в тюрьмы…»), активизацией как можно быстрее от нее отказаться, приняв новую культуру, воплощенную в «поэзии электрического света и машин», но и борьбой традиционалистов и радикалов, стремлением части носителей традиционной культуры вспышками насилия, инициаторы которых могут преследовать диаметрально противоположные цели – от сохранения традиционности до придания новых импульсов модернизации: «…лошади без седоков все еще бродили по улицам. И мы знали, что там снаружи враги начеку, что они наблюдают за нами, время от времени проносился патруль и гремел выстрел…»[18].

Модернизация стала для традиционной Бразилии умиранием архаичной культуры. Этот процесс постепенного отмирания и вытеснения старых традиций больно ударил по носителям традиционной идентичности: «…для каждого человека наступает такое время, когда жизнь превращается в непрерывное умирание. С какого-то момента жизнь изношена, время грызет и подтачивает…». В такой ситуации столкновения новых и старых социальных институтов и политических традиций неизбежно побеждают новые модернизационные силы и тенденции, но победа эта (особенно – на

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ранних этапах модернизации) далеко неоднозначна и небесспорна. Чисто внешний успех модернизации порождает реакцию, ответ умирающей традиционности. Этот альтернативный дискурс нередко базируется на носителях традиционной культуры в ее крайних формах. Это – люди с девиантным социальным и политическим поведением, которых ломка традиционного уклада вынуждает прибегать к насилию. Насилие, вызванное модернизацией, является одним из факторов, который способствует усиленной работе социальной памяти, активной рефлексии относительно прошлого: «…сорок четвертый год… так вот, в том году шла у нас война, в то время всей нашей округой заправлял отец моего мужа… и Журабе, этот дьявол свободно расхаживал по улицам, народ терпел, сносил одно унижение за другим…»[19].

Рефлексия над прошлым способствует его идеализации. Даже насилие возводится в ранг социальной добродетели: «…раньше было не так, раньше попросту убивали, убитого забывали скоро, а убийца оставался жить победителем, пользуясь всеми преимуществами, которые дает слава… убийство приносит славу… оно давала право на главенство…». В такой ситуации память, рефлексия над прошлым играет с носителями традиционной культуры недобрую шутку – в сознании, сформированном традиционными институтами и отношении, в сознании, которое базируется на дихотомии «добро / зло» и «Бог / дьявол» выкристаллизовывается образ зла – синтезированное и интегрированное представление крестьянина. Этот образ – порождение традиционной народной культуры, подспудных слоев сознания потомков колонистов, которые принесли из Европы представления об образах зла, характерные для романских народов. С такими традиционными образами в сознании носителей традиционной идентичности сочетается и образ своеобразного «нового человека», которые олицетворяет и символизирует вызов: «…это чудовище, вот кто он такой… мне известно, что об этом субъекте решительно все, он не удержался ни в одном коллеже, имел несколько историй с полицией… поджигатель, атеист, безбожник… коммунист…»[20].

Это – в значительной степени собирательный и синтетический образ, сочетающий в себе как особый тип идентичности, неприятие радикализма и автоматическое выставление за пределы политического дискурса тех, кто оспаривает его функционирование в существующем виде, так и почти полную лояльность существующей политической системе. В такой ситуации сама категория лояльности постепенно трансформируется в один из элементов традиционности. Носители новых идентичностей, те, кто уже сам подвергся модернизации через соприкосновение с городской культурой не приемлют традиционность: «…надо бы снести эту церковь… и покончить со святыми… придет день и мы поставим к стенке всех: и богов и дьяволов…». Модернизация в такой ситуации выступает как мощнейшая сила, с которой традиция не в состоянии конкурировать. Традиционность закреп-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ляет социальные и гендерные роли, а сила и привлекательность модернизации состоит в том, что она в силах разрушить эти границы: «…ничто меня не пугает, считаю, что все истины могут быть оспорены… у меня есть немало причин не признавать границу между дозволенным и недозволенным, у меня нет устоев…»[21]. Но и в этом случае протест модернизации против архаики нередко носит маргинальный и внесистемный характер. Процесс принятия новых идентичностей через разрушение старых не может протекать безболезненно. Радикализм традиционалистов и их противников в значительной степени был похож друг на друга, что вело к сосуществованию в рамках политической культуры взаимоисключающих идентичностей и лояльностей.

Роман Бениту Баррету «Капела дос Оменс» стал своеобразным участком национальной и исторической памяти Бразилии XX столетия, где встретились и столкнулись различные политические культуры, за которыми стояли особые идентичностные типы и лояльности. Эти идентичностные типы опирались на различные основания.

Традиционная культура, как правило, базировалась на привнесенной из Европы архаики, которая на протяжении нескольких столетий существования потомков португальских колонистов в значительной степени изменилась, став не просто португальской, но бразильской. Сосуществования различных этнических групп и национальных сообществ, многие из которых функционировали в условиях доминирования традиционализма, так же в немалой степени способствовало тому, что традиционные институты и стоящие за ними формы и проявления идентичности (политической, социальной, культурной) оказались в XX столетии сложнопреодолимыми барьерами и препятствиями для начавшейся модернизации. Модернизация, в отличие от традиционализма, стала почти исключительно бразильским политическим проектом.

Доминирование различных форм традиционности объективно тормозило процессы политической, но, главным образом, экономической модернизации Бразилии. В такой ситуации модернизация стало одной из форм националистического движения. Бразильские модернизационные проекты и различные новые типы идентичности стали формами бразильского политического национализма. Но ни один опыт модернизации не дает нам примеров мирной и быстрой модернизации. Традиционное общество ни в одной из стран Старого и Нового Света на имело ни малейшего стремления к тому, чтобы быть замененным обществом современным. Поэтому, модернизация – это почти всегда политическая борьба, культурные дебаты и интеллектуальная полемика между традиционалистами и приверженцами нового. В такой ситуации бразильская литература превратилось в сферу политической борьбы и полемики. Литературные тексты стали манифестами модернизации или реквиемом по традиционному обществу.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

К какой из этих категорий принадлежит роман Бениту Баррету «Капела дос Оменс»? Бениту Баррету – сторонник модернизации или певец старого доброго прошлого? Вероятно, мы не можем дать однозначного ответа на этот вопрос. Баррету – размышляющий интеллектуал, его текст – это рефлексия относительно мучительного опыта модернизации конкретного локального сообщества. Текст стал «местом памяти», свидетельством того состояния расколотости, в котором пребывал культурный и политический дискурс в Бразилии периода активных модернизационных перемен.

---

[1] Об особенностях развития национализма в Бразилии см.: Jaguaribe H. O nacionalismo na atualidade brasileira / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1958.

[2] О системе социальных и культурных координат в рамках которых развивалось в 1930-е годы бразильское общество см.: Lenharo A. Sacralização da Política / A. Lenharo. – Campinas, 1986; Capelato M.H. Os Arautos do Liberalismo: Imprensa Paulista, 1920-1945 / M.H. Capelato. – São Paulo, 1988.

[3] Об элитах в Бразилии в контексте модернизации см.: Almeida A. A Republica das elites: ensaios sobre a ideologia das elites e do intelectualismo / A, Almeida. – Rio de Janeiro, 2004.

[4] Об отношениях литературы и политической идеологии см.: Вачева А. Естетика и норма. Предизвикателства на идеология / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/kritika4/estetika.htm

[5] Barreto B. Capela dos homens / B. Barreto. – Belo Horizonte, 1976. О Бениту Баррету см.: Angeli de Paula M.J. “Uma epopéa nos sertões na literatura brasileira pós 1964: Os Guaianãs de Benito Barreto”. Paper presented in “VIII Congresso Luso-Afro-Brasileiro de Ciências Sociais, Coimbra, 2004, Setembro 16 – 18”.

[6] См.: Баррету Б. Капела дос Оменс / Б. Баррету // Баррету Б. Капела дос Оменс. Кафайя. Романы / Б. Баррету / пер. с порт. Н. Малыхиной, А. Богдановского. – М., 1980. – С. 36.

[7] Баррету Б. Капела дос Оменс. – С. 39.

[8] Там же. – С. 22, 34, 274.

[9] О географическом воображении см.: Albuquerque Jr. D.M. de, A invenção do Nordeste e outras Artes / D.M. de Albuquerque Jr. – Recife – São Paulo, 2001.

[10] Баррету Б. Капела дос Оменс. – С. 28.

[11] Там же. – С. 46.

[12] Подробнее в теоретическом плане см.: Peraro M.A.O princípio da fronteira e a fronteira de princípios: filhos ilegítimos em Cuiabá no séc. XIX / M.A. Peraro // Revista Brasileira de História. – Vol. 19. – No 38. – P. 55 – 80; Vidal C. A pátria geográfica: sertão e litoral no pensamento social brasileiro / C. Vidal. – Goiânia, 1997.

[13] О географическом факторе в развитии бразильской идентичности см.: Moraes A.C.R. Ideologias geográficas: espaço, politica e cultura no Brasil / A.C.R. Moraes. – São Paulo, 1988; Oliveira F. de, Elegia para uma re(li)gião: Sudene, Nordeste, planejamento e conflito de classes / F. de Oliveira. – Rio de Janeiro, 1977.

[14] Баррету Б. Капела дос Оменс. – С. 56 – 57.

[15] О феномене политического воображения см.: Escosteguy A.C.D. Cartografias dos Estudos Culturais / A.C.D. Escosteguy. – Belo Horizonte, 2001; Mitos e herois: construção de imaginarios / eds. L.O. Felix, C.P. Elmir. – Porto Alegre, 1998.

[16] Баррету Б. Капела дос Оменс. – С. 82.

[17] Там же. – С. 149.

[18] Там же. – С. 23, 28, 149.

[19] Там же. – С. 27, 50.

[20] Там же. – С. 62, 143.

[21] Там же. – С. 105, 206.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

РУРИТАНИЯ VS МАГАЛОМАНИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ, КУЛЬТУРНЫЕ И СЕКСУАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ БРАЗИЛЬСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

«ЧУЖИЕ» И «ДРУГИЕ»: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ (НЕ)БРАЗИЛЬЦЕВ В БРАЗИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

Среди важнейших факторов, которые оказали влияние на развитие бразильской идентичности в XX столетии, была трансформация комплекса нарративов, связанных с функционирование образов «чужого» и «другого»[1]. Образы инаковости принадлежат к числу универсальных культурных сигналов, которые помогают членам сообщества расшифровать и правильно понять своеобразное символическое националистическое послание, авторами которого являются носители высокой культуры, а потребителями граждане, объединенные идентичностью, основанной, в том числе, и на отделении себя от других, похожих или отличных, сообществ.

В истории бразильского политического национализма и в бразильской литературе как сфере доминирования националистического дискурса[2] несколько сообществ претендовали на то, чтобы составить основу формирования концепта «чуждости»[3] несмотря на то, что идея «самости» была в значительной степени фрагментированной[4]. На протяжении длительного времени инаковость в рамках культурного и националистического дискурса в Бразилии ассоциировалась с индейцами и привезенными из Африки черными рабами. По мере развития бразильского общества отношение к неграм и индейцам постепенно менялось[5]. Негры интегрировались в бразильский социум, расовая структура страны стала гетерогенной. Наряду с интеграцией имел место и процесс расовой миксации, постепенного смешения белого и черного. В этой ситуации связь с негритянкой воспринималась не так осуждающе как связь с индианкой. Своеобразная реабилитация бразильских индейцев состоялась позже, чем интеграция негров в бразильское общество. И хотя бразильские правые, интегралисты, в 1920 – 1930-е годы, на волне общего интереса к индейской проблематике[6], включили в свои политические ритуалы некоторые индейские церемонии, указывая на важность индейского фактора для развития Бразилии, тем не менее, индейцы в значительной степени воспринимались как чужие, что было связано с их изоляцией, закрытостью от контактов с бразильцами.

Формирование и функционирование образов «чужого» в националистическом дискурсе имеет для правоверных националистов принципиаль-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

но важное значение. «Чужие» нарративы помогают конкретизировать концепт самости[7], актуализируя его в тех или иных политических, социокультурных и интеллектуальных реалиях[8]. Важным каналом развития образов самости через осознание ее противостояния инаковости и чуждости стали литературные практики бразильских интеллектуалов XX столетия. В настоящем разделе мы остановимся на образах чуждости и инаковости в рамках бразильского националистического дискурса.

В бразильском литературном дискурсе образ чуждости и, как следствие, отсталости на протяжении длительного времени ассоциировался с индейцами[9]. Один из наиболее показательных образов индейца был создан Жозэ Вериссимо в повести «Преступление индейца», в рамках которого индейские регионы показаны как отсталая периферия с почти дикими для исторических столиц Бразилии социальными практиками и культурными традициями. В частности, в регионах, где кроме бразильцев живут индейцы, «темные, сильные и коренастые»[10], дети могут выступать в качестве объекта экономических отношений: например, родители героини повести Бенедите, «бедные метисы» отдали ребенка крестному отцу, который «подарил ее теще»[11].

С другой стороны, индейцев могли продавать белым «за фунт пороха и топор» их соплеменники, что вело к социализации индейцев в бразильском обществе «с черного хода». В этой социализации индейцы в большей степени играли роль социализируемых, для которых другие бразильцы делились на «белых» и «других белых». Жозе Вериссимо создал неаттрактивный образ старой индианки («старая Бертрана была… щупленькой и колючей… крепкие белые зубы торчали из некрасивого рта… маленькие злые глазки были обведены огромными синеватыми кругами, какие бывают у аскетов и блудниц»), который в значительной степени похож на образ еврея как универсального воплощения чуждости в восточноевропейских литературах периода активного развития национализма. Бертрана, которая «никогда не была замужем, мужчины не любили ее за уродливость и дурной нрав»[12], предстает как маргинал, потерявший связи со свои сообществом.

Некоторые герои-индейцы Жозэ Вериссимо, в условиях социальной и культурной трансформации периферии[13], постепенно теряли связи со своими сообществами: в частности, «Бертрана считала себя белой»[14], что свидетельствует о разрушении традиционной индейской идентичности в условиях постепенной активизации контактов с бразильцами[15], среди инициаторов которых были метисы, не воспринимавшиеся ни индейцами, ни белыми в качестве своих[16]. В периферийных сообществах социализация протекала негативно («Бертрана росла забитым и худеньким ребенком»), обрекая индейцев и метисов на постепенную маргинализацию. В подобной ситуации насилие, институционализированное на уровне семьи, на уровне отношений господина и прислуги («она била девочку… била бессмыслен-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

но и жестоко»[17]), становится почти универсальным средством социальной коммуникации.

В одном из рассказов Афонсу Шмидта топос чуждости воплощен в несуществующей латиноамериканской «республике Кристовии, расположенной на другом конце континента»[18]. Кристовия предстает как периферия не только географическая, но и политическая, которая мало интересует бразильцев в силу того, что сообщения и новости оттуда «приходили очень редко». В тексте А. Шмидта Кристовия, где «политическая атмосфера была накалена», а граждане которой воспринимают ее как «очень красивую и культурную страну», предстает как символ незавершенности процессов политической и национальной консолидации в Латинской Америке. Но и в Кристовии образ индейца предстает как универсальный символ чуждости: противники каудильо Гутьерреса стали не просто его политическими критиками, но и оппонентами проводимой им культурной политики: «…позор, позор и еще раз позор! Долой диктатора вместе с его шлюхой. Хватит с нас изучения быта индейцев, он забыл национальные интересы Родины…»[19].

Иная стратегия выстраивания самости и отторжения чуждости представлена в рассказе Орижинеса Лессы «Шинозукэ», в центре которого отношения «классического» бразильца Клементе и «классического» небразильца – японца Шинозукэ[20]. Японец в рассказе возникает словно видение из совершенно другого мира – «неожиданно перед ним возникло маленькое существо: вместо глаз – две телеграфные черточки, вместо носа – возвышение с двумя дырочками, большой бледный рот с выступающими вперед зубами»[21]. В данном контексте образ японца не менее неаттрактивен, чем индейские образы, которые мы упоминали выше. Герой рассказа – японец Шинозукэ Шини – стал жертвой бразильского сенатора, который использовал его талант ради розыгрыша. Японец пытавшийся найти свое место в бразильском обществе, был вынужден покончить жизнь самоубийством.

В завершение настоящего раздела во внимание следует принимать несколько факторов, связанных с функционированием образов инаковости в рамках бразильского националистического дискурса в XX веке. Образы чуждости были важны для успешного развития националистического дискурса, способствуя развитию ментального картирования. В результате функционирования дискурса чуждости и дискурса самости, вероятно, имело место трансформация бразильской политической идентичности, что проявилось в развитии новых тенденций в рамках националистического воображения. Культивирование нарративов чуждости помогло бразильским интеллектуалам актуализировать идеи самости – уникальной бразильской идентичности бразильской политической нации.

В результате Бразилия в рамках интеллектуального бразильского дискурса начала восприниматься не просто как воображаемое сообщество, но и как успешное национальное государство, политическая нация. С другой

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

стороны, бразильский социум заплатил за эту успешность высокую цену, связанную с разрушением и размыванием традиционности как собственно бразильских сообществ, так и небразильских групп, обреченных на ассимиляцию. Триумф националистического политического воображения и утверждение идеи политической нации в значительной степени измени спектр проявления образов «чуждости», которые переместились из интеллектуальной сферы в сферу массовой культуры.

---

[1] В теоретическом плане о дискурсе инаковости для развития национализма см.: Bryant Ch. Citizenship, national identity and the accommodation of difference: Reflections on the German, French, Dutch and British cases / Ch. Bryant // New Community. – 1997. – Vol. 23. – No. 2. – P. 157 – 172; Schneider J. Boundaries of Self and Others: National Identity in Brazil and Germany / J. Schneider // Lateinamerika Analysen. – 2007. – Bd. 16. – No 1. – S. 3 – 34.

[2] О связи литературы и национализма см.: Coutinho E.F. Literatura comparada. literaturas nacionais e o questionamento do cânone / E.F. Coutinho // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 67 – 74; Lima L.C. Literatura e nação: esboco de uma releitura / L.C. Lima // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 33 – 40; Torres S. A nação e as narrações hibridas: literatura hispanica dos Estados Unidos / S. Torres // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 171 – 178.

[3] О чуждости как факторе формирования и функционирования национальной идентичности см.: Алипиева А. Другият / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/drugiiat.htm

[4] О проблемах развития и функционирования концепта самости см.: Василев С. Между «своето» и своето / С. Василев // http://liternet.bg/publish/savasilev/zodiakyt.htm

[5] Об образе негра в рамкам бразильского культурного дискурса см.: Duarte E. Literatura, política, identidades / E. Duarte. – Belo Horizonte, 2005; Silva de Oliveira L.H. Imagens de negros em poenas de Casro Alves / L.H. Silva de Oliveira // Gláuks. – 2007. – Vol. 7. – No 1. – P. 149 – 168; Soares de Gouvea M.C. Imagens do negro na literatura infantil brasileira: análise historiográfica / M.C. Soares de Gouvea // Educação e Pesquisa. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 77 – 89; Proença Filho D. A trajetória do negro na literatura brasileira: de objeto a sujeito / D. Proença Filho // Estudos Avançados. – 2004. – Vol. 18. – No 50. – P. 161 – 193; Rabassa G. O negro na ficção brasileira / G. Rabassa. – Rio de Janeiro: 1965; Sayers R.S. O negro na literatura brasileira / R.S. Sayers. – Rio de Janeiro, 1958; Schwartzman S. Guerreiro Ramos: o problema do Negro na Sociologia Brasileira / S. Schwartzman // Cadernos de Nosso Tempo. – 1954. – Vol. 2. – No 2. – P. 189 – 220; Toller Gomes H. O negro e o romantismo brasileiro / H. Toller Gomes. – São Paulo, 1988; Toller Gomes H. As marcas da escravidão: o negro e o discurso oitocentista no Brasil e nos EUA / H. Toller Gomes. – Rio de Janeiro, 1994.

[6] Об этом интересе в рамках бразильского политического и интеллектуального дискурса см.: Garfield S. As raízes de uma planta que hojé e o Brasil: os índios e o Estado-Nação na era Vargas / S. Garfield // Revista Brasileira de História. – 2000. – Vol. 20. – No 39. – P. 15 – 42.

[7] О феномене «самости» в теоретическом плане см.: Вачева А. Менталните карти на култура (модерният дебат за “родно” и “чуждо” през 20-те и 30-те години на XX век) / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/mentalnite.htm

[8] О подобных интеллектуальных практиках в теоретическом плане и в бразильском контексте см.: Cohen A.P. Self consciousness: An alternative anthropology of identity / A.P. Cohen. - L. – NY., 1994; Cunha O.M.G. da, Intenção e Gesto: Pessoa, cor e a produção cotidiana de (in)diferença no Rio de Janeiro, 1927-1942 / O.M.G. da Cunha. – Rio de Janeiro, 2002; Fensterseifer-Woortmann E. Lembranças e esquecimentos: memórias de teuto-brasileiros / E. Fensterseifer-Woortmann // Devorando o tempo: Brasil, o pais sem memória / eds. A. Leibing, S. Benninghoff-Luhl. – São Paulo, 2001. – P. 205 – 235.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[9] Ribeiro D. Os Índios e a Civilização / D. Ribeoro. – Rio de Janeiro, Civilizacao Brasileira, 1970; Lima de Souza A.C. Um grande cerco de paz: poder tutelar, indianidade e formação do Estado no Brasil / A.C. Lima de Souza. – Petrópolis, 1995.
[10] Верессимо Ж. Преступление индейца / Ж. Вериссимо / пер. с порт. Е. Голубевой // Под небом Южного Креста. Бразильская новелла XIX – XX веков / сост. А. Гах, Е. Голубева, предисл. И. Тертерян, ред. И. Тынянова. – М., 1968. – С. 126.
[11] Верессимо Ж. Преступление индейца. – С. 120. О фактории инфантильности в контексте социальных перемен и модернизации см.: Brites O. Infância, higiene e saúde na propaganda (usos e abusos nos anos 30 a 50) / O. Brites // Revista Brasileira de História. – 2000. – Vol. 20. – No 39. – P. 249 – 278.
[12] Верессимо Ж. Преступление индейца. – С. 120, 122, 126, 135.
[13] Об этих процессах см. подробнее: Lenharo V. Colonização e trabalho no Brasil: Amazônia, Nordeste e Centro-Oeste – os anos 30 / V. Lenharo. – Campinas, 1986
[14] Верессимо Ж. Преступление индейца. – С. 121.
[15] См. подробнее: Freire C.A. Indigenismo e Antropologia – O Conselho Nacional de Proteção aos Índios na Gestão Rondon (1939-55) / C.A. Freire. – UFRJ-Museu Nacional, 1990 (Dissertacao de Mestrado).
[16] Об особенностях развития идентичности индейцев в Бразилии см.: Lima de Souza A.C. A identificação como categoria histórica / A.C. Lima de Souza // Os poderes e as terras dos Índios / ed. L. Oliveira. – Rio de Janeiro, 1989. P. 139 – 197.
[17] Верессимо Ж. Преступление индейца. – С. 124, 126.
[18] Шмидт А. Возникший из мрака / А. Шмидт / пер. с порт. В. Репникова // Под небом Южного Креста. Бразильская новелла XIX – XX веков / сост. А. Гах, Е. Голубева, предисл. И. Тертерян, ред. И. Тынянова. – М., 1968. – С. 244.
[19] Шмидт А. Возникший из мрака. – С. 244, 252.
[20] О японской иммиграции в Бразилию см.: Gonçalves R.B. O sincretismo de culturas sob a ótica da arquitetura vernácula do imigrante japonês na cidade de Registro, São Paulo / R.B. Gonçalves // Anais do Museu Paulista. – 2008. – Vol. 16. – No 1. – P. 11 – 46; Saito H. A presença japonesa no Brasil / H. Saito. – São Paulo, 1980; Sakurai C. Romanceiro da imigração japonesa / C. Sakurai. – São Paulo, 1993.
[21] Лесса О. Шинозукэ / О. Лесса / пер. с порт. А. Гах, Е. Голубеврй // Под небом Южного Креста. Бразильская новелла XIX – XX веков / сост. А. Гах, Е. Голубева, предисл. И. Тертерян, ред. И. Тынянова. – М., 1968. – С. 302.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«ПОЛНЫЕ ИДИОТКИ, ПРЕСЛОВУТЫЕ ЛЕСБИЯНКИ»: СОЦИАЛЬНАЯ ДЕПРЕССИЯ И ОСВОБОЖДЕННЫЙ ГЕНДЕР В ТВОРЧЕСТВЕ ЛИЖИИ ФАГУНДЕС ТЕЛЛЕС

Процессы модернизации, которые определяли развитие Бразилии на протяжении XX века, оказали значительное влияние не только на политические и социальные сферы жизни общества, но и на систему социальных, культурных, гендерных связей и коммуникаций[1]. Перестройка этих коммуникаций и социальных контактов привела к отмиранию некоторых неформальных политических практик, институционализации формального политического участия. С другой стороны, это привело и к формированию новой бразильской политической нации с особым типом идентичности. XX век стал и триумфом политического национализма[2].

История национализма, написанная в XX столетии, является историей скорее модернистской и конструктивистской, нежели каким-то другим типом исторического описания и написания опыта сообщества. Современные нации, как и стоящие за ними интеллектуальные и культурные бэк-граунды в виде идентичностей, являются конструктивистскими, воображаемыми и поэтому незаконченными, подверженными ревизиям проектами. В XX веке Бразилия пережила несколько крупных ревизий / пересмотров своего исторического и культурного прошлого. Основания для подобных процессов были заложены в конце 1880-х годов – в период падения Империи и утверждения Республики. Триумф республиканской идеи и попытка выстроить республиканский тип политической идентичности и лояльности стали первыми ревизиями национального исторического опыта в Бразилии.

Бразильская идентичность подвергалась ревизиям и на протяжении 1930 – 1980-х годов[3], что было связано с политическими процессами – функционированием авторитарного режима Жетулиу Варгаса[4], демократическими политическими экспериментами, установлением военного режима в середине 1960-х годов, началом политической демократизации в 1980-е годы. Эти ревизии в своем большинстве носили макрополитический характер, затрагивая политическое пространство Бразилии в целом. С другой стороны, анализируя эти перемены или попытки перемен, ревизии и стремления к переоценке национального политического опыта, во внимание следует принимать и то, что они были связаны с переменами другого уровня, в первую очередь – расовыми и гендерными.

Расовые перемены в Бразилии наметились не сразу после отмены рабства. Бразильские негры были вынуждены пережить процесс длительной и сложной интеграции в бразильское общество[5]. Именно от успеха этой интеграции и зависело возникновение бразильской политической нации, в основе которой лежала бразильская идентичность, точнее – ее особое вос-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

приятие и способность граждан независимо от цвета кожи и национального происхождения – воспринимать и позиционировать себя в качестве бразильцев. Бразильские негры смогли относительно легко интегрироваться в бразильский социум в первой половине XX века в силу значительной характерной для него традиционности и по причине того, что модернизация на том этапе была лишь начинающимся политическим процессом.

Интегрировались успешно в первую очередь негры-мужчины – именно они становились бразильцами, в то время как их жены и дочери становились бразильянками чисто формально в виду того, что статус «бразильца» начинал ассоциироваться с их мужчинами. Вероятно, на протяжении всей первой половины XX столетия мощнейшим фактором социализации женщины в Бразилии была ее связь с мужчиной. Ситуация начинает меняться в 1950-е годы, когда в рамках культурного и интеллектуального пространства Бразилии появляются новые игроки – женщины. Модернизация привела не только к установлению новых культурных практик, но и частичному разрушению традиционного гендерного пространства[6]. В бразильскую литературу приходит поколение писательниц, основными героями которых была не просто женщина, но – бразильянка. В этой ситуации гендер[7], гендерный фактор оказались подвержены не только мощной политизации, но и национализации, будучи включенными в процесс националистического воображения, а также политического участия, протеста и сопротивления. В центе настоящего раздела будут проблемы политизации и национализации гендера в творчестве Лижии Фагундес Теллес – одной из крупнейших бразильских писательниц второй половины XX века.

Бразильский мир, запечатленный в прозе, Л. Теллес представляет собой мир отдаленной истории («прошлое, смешанное с будущим»[8]), представленной «Педру Первым, окруженным суровыми мужчинами и несгибаемыми женщинами»[9], и современной неопределенности, расплывчатых и неясных пределов, где границы реального и ирреального смещены, смешаны между собой: «его удивило зеленое небо и восковая луна… луна или погасшее солнце… бабочек не было… птиц тоже»[10]. Бразильское общество в текстах Л. Теллес предстает как расколотое, столкнувшееся с новыми вызовами, переживающее перестройку систему культурных коммуникаций, социальных и гендерных ролей.

В этой ситуации женщины перестали быть просто женщинами, превратившись в граждан, что привело к большей фрагментации политического дискурса и миксации культурного поля[11]. Политическое участие открывало больше возможностей чем участие исключительно гендерное: «у нее куча идей… она здорово переменилась, как переменилась… феминистский лидер… с другими такими же ненормальными редактирует газету, создает ячейки»[12]. Женщины отказываются принимать традиционную систему координат, оружием ее разрушения является феминизм. В рамках бунта про-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

тив традиционности возникают новые формы и каналы для политического участия[13]. Бразильское общество, обреченное на монотонное «заурядное существование»[14], в некоторых текстах Л. Теллес предстает социумом, переживающим депрессию и пребывающим в кризисном, фрагментированном состоянии: «скорбь, разлитая на лицах… страх, сковывающий робкие шаги»[15].

Фрагментации общества способствовало появление качественно новых вызовов, порожденных модернизацией. Среди этих вызовов был бразильский феминизм, который претендовал на радикальную перестройку культурных связей и социальных коммуникаций. Наряду с большими политиками появлялись и «большие интеллектуалки» с «исступленными лицами библейских пророчиц». В условиях незавершенной модернизации, как полагала Л.Ф. Теллес, бразильское общество пережило смену гендерных ролей: «они не хотят самцов… и сами становятся на них похожи». С другой стороны, отношение носителей маскулинной политической традиции, полагающих, что «женщина родилась… быть вещью», к феминизму в большей степени негативно: «…эмансипация… кончают они обычно самоубийством или сумасшедшим домом… полные идиотки… пресловутые лесбиянки, кончающие в объятиях собственных папаш…»[16].

Для носителей традиционных ценностей существуют и более маргинальные фигуры, чем феминистки. Речь идет о гомосексуалистах («…на тротуаре группа мальчишек поливала себя водой из пластиковых тюбиков. Мимо прошел мужчина, одетый женщиной, неестественно переставляя ноги в туфлях на высоченных каблуках. Мальчишки бросились ему вслед и засвистели: “Пойдем со мной, красотка! Пойдем со мной!”…»[17]), которые в обыденной жизни отторгаются обществом как маргиналы, получая возможность заявить о своей нетрадиционной идентичности почти исключительно в период карнавала, который несколько расширял традиционные социальные, культурные и идентичностные границы.

Истоки подобного нарратива следует искать, вероятно, не только в личных творческих исканиях Л. Теллес как писательницы. Истоки столь пессимистичных настроений, вероятно, следует искать в том, что процессы модернизации в Бразилии протекали неравномерно, затрагивая макроуровень, но, почти не касаясь микрополитических и микросоциальных измерений политических перемен. Появление подобных настроений связано в большей степени с общими тенденциями в развитии бразильского социума, который пребывал в состоянии идентичностного кризиса, столкнувшись со значительными проблемами при выработке гражданской и политической идентичности, что и порождало подобные, на первый взгляд, внеполитические тексты, которые в действительности таили в себе немалый не только идентичностный, но и протестный потенциал.

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать несколько факторов. Политическая и социо-культурная модернизация в

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Бразилии во второй половине XX века связана не только с политическими переменами и социальными изменениями, но и кризисом некоторых форм традиционной идентичности, в том числе гендерной. Вероятно, гендерная идентичность, в отличие от других, отличается наиболее значительной традиционностью, изменяется медленно и не так динамично как другие идентичности. Мощным фактором развития гендерной идентичности в литературной традиции бразильского постмодернизма стал феминизм, который содействовал раскрытию, раскрепощению и освобождению гендера.

Феминизм развивался параллельно политизации пола. В бразильской литературе женщина-герой оказывается втянутой не только в борьбу, связанную с утверждением своей гендерной независимости и порой самодостаточности, но и в политический процесс. С другой стороны, вероятно, не следует определять феминизм как наиболее влиятельный и мощный фактор, который способствовал выстраиванию системы политических, культурных и социальных координат в бразильской женской прозе во второй половине XX века. Не исключено, что более мощным стимулом стал кризис идентичности – если не гендерной, то политической.

Бразильское общество переживало сложные процессы, связанные с динамичным развитием страны, что вылилось не в политические успехи и экономические достижения, а в военный переворот 1964 года. В условиях установления в стране авторитарного режима дискурс политического перемещается из сферы политики в сферу литературы и интеллектуальных упражнений бразильского общества. В этой ситуации литература сыграла особую роль в выработке альтернативных политических идентичностей, протестных политических программ, будучи сферой относительно свободных и либеральных политических и интеллектуальных дискуссий.

---

[1] О социальных процессах и трансформациях в контексте модернизации см.: Figueiredo Santos J.A. Classe Social e Desigualdade de Gênero no Brasil / J.A. Figueiredo Santos // DADOS – Revista de Ciências Sociais. – 2008. – Vol. 51. – No 2. – P. 353 – 402; Figueiredo Santos J.A. Estrutura de Posicoes de Classe no Brasil / J.A. Figueiredo Santos. – Belo Horizonte – Rio de Janeiro, 2002; Figueiredo Santos J.A. Uma Classificacao Socioeconomica para o Brasil / J.A. Figueiredo Santos // Revista Brasileira de Ciências Sociais. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 27 – 45.

[2] О развитии национализма и особенностях националистического дискурса в Бразилии см.: Guimarães S.P. Nação, nacionalismo, Estado / S.P. Guimarães // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 145 – 159; Wanderley Reis F. Notas sobre nação e nacionalismo / F. Wanderley Reis // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 161 – 169.

[3] О трансформациях в контексте развития национализма и модернизации см.: Bonavides P. Reflexões sobre nação, Estado social e soberania / P. Bonavides // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 195 – 206; Bresser-Pereira L.C. Nacionalismo no centro e na periferia do capitalismo / L.C. Bresser-Pereira // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 171 – 193.

[4] Об особенностях авторитарной политической модели в Бразилии см.: Schwartzman S. Bases do autoritarismo brasileiro / S. Schwartzman. – Rio de Janeiro, 1982.

[5] Об этих процессах см. подробнее: Seigel M., Melo Gomes T. de, Sabina das Laranjas: gênero, raça e nação na trajetória de um símbolo popular, 1889-1930 / M. Seigel, T. de Melo Gomes // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 43. – P. 171 – 193.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[6] В теоретическом плане об этом см.: Вачева А. Жените: интимно пространство и социална легитимност / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/zhenite.htm
[7] О гендере как факторе формирования и изменения идентичностей в теоретическом плане см.: Алипиева А. Жената / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/zhenata.htm
[8] Теллес Л.Ф. Желтый ноктюрн / Л.Ф. Теллес // Теллес Л.Ф. Рука на плече. Рассказы / Л.Ф. Теллес / пер. с порт. М. Волковой, Н. Малыхиной; сост. М. Волковой, предисл. Е. Огневой. – М., 1986. – С. 25.
[9] Теллес Л.Ф. Желтый ноктюрн. – С. 24.
[10] Теллес Л.Ф. Рука на плече / Л.Ф. Теллес // Теллес Л.Ф. Рука на плече. Рассказы. – С. 12.
[11] В теоретическом плане об этих процессах см.: Gatens M. Re-Coupling Gender and Genre / M. Gatens // Angelaki. Journal of the Theoretical Humanities. – 2008. – Vol. 13. – No 2. – P. 1 – 3.
[12] Теллес Л.Ф. В сауне / Л.Ф. Теллес // Теллес Л.Ф. Рука на плече. Рассказы. – С. 41.
[13] Подробнее в теоретическом плане о феминизме в контексте идентичностных трансформаций и политического участия см.: Даскалова К. Българските жени в социални движения, закони и дискурси (1840-1940) / К. Даскалова // От сянката на историята. Жените в българското общество и култура (1840-1940) / съст. К. Даскалова. – София, 1998. – С. 11 – 42.
[14] Теллес Л.Ф. Желтый ноктюрн. – С. 22.
[15] Теллес Л.Ф. Рука на плече. – С. 14.
[16] Теллес Л.Ф. В сауне. – С. 42, 50 – 51.
[17] Теллес Л.Ф. Перед зеленым балом / Л.Ф. Теллес // Теллес Л.Ф. Рука на плече. – С. 72. О феномене гомосексуальности в контексте бразильской социальной и интеллектуальной истории см.: Green J.H. Challenging National Heroes and Myths: Male Homosexuality and Brazilian History / J.H. Green // http://www.tau.ac.il/eial/XII_1/green.html

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ПОЛКОВНИКИ И СВЯТЫЕ: БРАЗИЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ МЕЖДУ ВЫЗОВАМИ ТРАДИЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПЕРЕМЕНАМИ

На протяжении бразильской истории политическое, интеллектуальное сообщество и литературное поле были переплетены самым тесным образом[1], что было связано с особенностями процессов политической модернизации, которая нередко протекала в рамках авторитарной модели. Авторитаризм[2], как известно, резко сужает число возможностей граждан для участия в политике, четко выстраивая политическое пространство, определяя заранее правильные и заранее неправильные политические действия, тактики и стратегии. В XX столетии Бразилия пережила два крупных политических эксперимента, связанных со строительством авторитарного государства.

Первый эксперимент связан с правление Желулиу Варгаса, отстраненного от власти военными в середине 1940-х годов. Инициаторами восстановления авторитарной политической модели спустя двадцать лет стали сами Вооруженные Силы, которые и провели переворот 1 апреля 1964 года. И Жетулиу Варгас и более поздние сторонники авторитарного политического стиля и управления стремились в значительной степени перестроить интеллектуальное пространство путем его регламентации и намеренной институционализации лояльного, альтернативного оппозиционному, политического дискурса. Если и Ж. Варгас и более поздние недемократические военно-гражданские администрации оказались в состоянии добиться определенных результатов в экономической сфере, то в регулировании и выстраивании лояльного культурного и литературного пространства возникли значительные проблемы. Интеллектуальный дискурс в Бразилии плохо поддавался регламентации. Литература, наоборот, служила питательной средой для развития политического протеста, альтернативных и внесистемных движений.

Политические концепты, выдвигаемые в рамках литературного поля, были, как правило, антисистемны, антирежимны, но их идеологический диапазон мог варьироваться. Плиниу Салгаду начинал как поэт-модернист[3]. В 1920 – 1930-е годы он был активным участником литературной жизни, интеллектуальных дебатов, связанных с развитием бразильской литературы. Постепенно Плиниу Салгаду увлекся идеями итальянского фашизма, и литературная деятельность отошла на второй план: Плиниу Салгаду приобрел известность как лидер интегралистского движения, известного своими претензиями на политическую власть[4]. Среди бразильских писателей были и те, которые симпатизировали левым политическим силам. Это, в частности, относится к Жоржи Амаду и Далсидиу Журанди-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ру. Некоторые литературные тексты и П. Салгаду, и Ж. Амаду, и Д. Журандира пребывали на стыке политического и литературного дискурса.

Объединяющей особенностью для этих столь политически разных авторов является радикализм. Все трое не смогли сделать карьеры в политике. С другой стороны, их вклад, хотя и разновесный, в развитие бразильское литературы сомнению не подлежит. На этом фоне писатель-демократ, писатель, придерживающий умеренно либеральных взглядов, писатель, который сделал не только литературную, но и политическую карьеру, является явлением редким. В бразильской интеллектуальной и политической истории, вероятно, существует лишь одна фигура подобного масштаба. Речь идет о Жозэ Сарнее, писателе, ставшим президентом Бразилии в сложный для страны период, совпавший с ранним этапом перехода от авторитарного режима к демократии, которому и будет посвящен настоящий раздел.

Политически, культурно и социально в текстах Ж. Сарнея представлен в значительной степени фрагментированный образ Бразилии. Нередко этот мир представлен на уровне периферии, расстояние до которой от бразильских столиц не поддается исчислению. Это мир небольших городов, где число улиц нередко ограничивается двумя – Рыночной и Церковной[5]. Синтезированный и собирательный образ бразильской периферии представлен в городке Брежал, который Жозэ Сарней описал в своей повести «Брежал дус Гуажас». Брежал – город не только значительно традиционный, то и город социально неблагополучный («у восьмидесяти процентов – трахома, у шестидесяти – дети рождаются слабоумными, у ста процентов – глисты, а восемьдесят процентов неграмотны»[6]), архаичный, существование которого служит отражением проблем Бразилии в целом.

Периферия в текстах Ж. Сарнея предстает как оплот традиционности[7], как наименее развитый регион Бразилии, где население «не умеет ни читать, ни писать, календаря не знает, время исчисляет по полнолуниям, пальцам и умершим детям»[8]. Традиционность периферии проявляется и в доминировании домодерных форм культуры и культурной коммуникации[9]. На роль культурного маргинала и аутсайдера в сознании носителей традиционной культуры претендует колдун, вызывающий страх («…мы – колдуны. Если вы нас хоть пальцем тронете, вас постигнет страшная эпидемия чумы, дождь совсем прекратиться, поля высохнут, рыба в озерах перемрет…»[10]), в то время как в модерных обществах эту нишу занимают политические маргиналы.

Не менее маргинальна фигура и религиозного фанатика, который служил центром притяжения, формирования и функционирования одного из периферийных сообществ: Жоау Алмейда до Зеферину «рос бледным и хилым ребенком…сначала он молился один, потом – с родителями и братьями, затем – с друзьями, а после – чуть ли не со всеми обитателями городка»[11]. С другой стороны, именно религиозный фанатизм мог высту-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

пать в качестве консолидирующего политического, социального[12] и культурного фактора: не только полковники, но и религиозные фанатики могли играть значительную роль в развитии периферийных сообществ: «…влияние Блаженного росло. Крестьяне шли к нему… ничто ничего не делал без его указания… облик селения менялся, улучшились дороги, чаще устраивались ярмарки…»[13].

С особой силой традиционность проявлялась в прошлом Бразилии, доминируя в гендерных отношениях. Система связей между мужчинами и неженатыми девушками и женщинами, вероятно, строгой регламентации не подлежала за исключением того принципа, что «женщина создана для того, чтобы служить мужчине»[14]. Поэтому по требованию Сантоса, чье положение в местном сообществе не было институционализировано, хозяйка местной гостиницы дона Мариката, была вынуждена ответить своей дочери: «ступай, Билока, ляг с ним»[15]. Порой герои Жозэ Сарнея в отношении женщин применяли и насилие: «в воздухе взвился ремень Олегантину из твердой кожи в четыре пальца. Он со свистом обрушился на девушку – раз, другой»[16].

В глазах героев Ж. Сарнея, которые не только признаются, что им «нравится бить женщин, когда стонет аккордеон», но и являются носителями традиционной системы ценностей, женщина не более чем «бродячая тварь, дерьмо собачье, сука»[17]. Тексты Ж. Сарнея отражают традиционный тип гендерных отношений, в рамках которых «женщина выходит из своего дома лишь трижды за всю жизнь. В первый раз – когда ее крестят, второй раз – на свою свадьбу, третий – на кладбище»[18]. В этом контексте гендерные отношения, доминирование мужчины и почти биологическое бесправие женщин демонстрирует не только то, что общество традиционно – они подчеркивают степень его устойчивости.

Именно поэтому Жозе Сарней ставит неутешительный социальный диагноз для Брежала, как и всей бразильской периферии в целом, «мир Брежала принадлежал полковникам»[19], а институционализированные предписания в виде законов Бразилии играли второстепенную роль. Аналогичная социальная структура[20] характерна и для других произведений Ж. Сарнея. В частности в рассказе «История Жоана Блаженного» городок Ольуд’Агуаду-Пасиенсиа предстает как почти собственность местного полковника Закариаса Мамуде, которому «принадлежали судья, полицейский комиссар, писец, викарий, тюремщик, учительницы, почтарь, статистик, члены муниципалитета»[21]. Полковникам принадлежали города и городки, аграрная периферия, так же оставаясь с значительной степени традиционной, знала других хозяев – людей без определенных занятий, универсальным политическим языком которых было насилие, а социальным и культурным ориентиром – народный праздник. Таковы, например, братья Боастардес из одноименного рассказа[22].

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Политические связи в Бразилии, описанной Ж. Сарнеем, носили неформальный характер, периодически применялось насилие («…в Брежале нельзя быть лидером партии если у тебя нет двух сотен крестников и десятка винтовок…»), а отношения родства и клиентелы играли более значимую роль, чем политические и идеологические предпочтения граждан. Описывая ситуацию, один из героев Ж. Сарнея подчеркивает, что «у нас закон попирают легонько и культурно», что, вероятно, подчеркивает наличие особого культурного, политического и идентичностностного разрыва между бразильскими историческими центрами и перифериями.. Для Брежала, как и для Бразилии в целом, характерна культурно-социальная и идентичностная гетерогенность: именно поэтому среди его обитателей и лузо-бразильцы, и негры, и мулаты, и индейцы. Образ последних наименее аттрактивен: «смирные, покорные и полудохлые»[23].

Бразильская периферия, описанная в текстах Жозе Сарнея, четко соотносится с религиозной культурой. Местный падре – одна из социально важных и культурно значимых культур. Церковь в этой ситуации играет важную роль в социализации населения и в воспроизводстве идентичности. Церковь трансформируется в большей степени экономическую, а не религиозную институцию. Поэтому, один из героев Ж. Сарнея, падре Алмейдинья, прежде чем приступить к выполнению любого обряда всегда вопрошал: «А где квитанция, что оплачено? В божьем доме в долг ничего не делают»[24]. С другой стороны, в условиях постепенной модернизации и связанной с ней секуляризации церковь постепенно меняется, переставая быть центральным местом в системе координат бразильской периферии. Католические священники интегрируется в местную систему формальных и неформальных политических связей. В политической сфере Брежал – оплот традиционности.

Политические процессы, актуальные для исторических и политических столиц, его почти не затрагивают. Центром социальных связей и коммуникаций являются фигуры двух крупных местных землевладельцев – полковников. Брежал – мир в значительной степени традиционный, который крайне медленно и неохотно принимает новое, социальные и культурные перемены, в качестве инициатора которых выступает центр. Проявление этих перемен – школа («…впрочем, школа есть, недавно построили…») – явление для социального и культурного пространства Брежала новое. Социальные и культурные изменения на периферии протекали крайне медленно: первый джип в городе был куплен одним из полковников специально перед выборами, первая радиостанция была открыта им же с аналогичными намерениями. Джим и радио воспринимались как «знамения прогресса». Но и эти технические новшества были призваны укрепить существующую политическую традицию. Поэтому, первая передача новой радиостанции началась со слов: «Вы слушаете “Голос истины”. Говорит хозяин Брежала, полковник Франселину дос Сантос»[25]. В этом контексте

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

перемены могли способствовать лишь укреплению традиционализма, его почти легализации, еще большей популяризации.

Завершая настоящий раздел, остановимся на нескольких аспектах, связанных с творческим наследием Жозэ Сарнея в контексте развития интеллектуальной, литературной и политической традиции в Бразилии. Жозэ Сарней начинал свой путь в бразильской литературе как регионалист. Часть его ранних текстов связана с родным штатом писателя – с Маранья-ном. Регионалистский дискурс, вероятно, являлся универсальной формой политического языка. С другой стороны, развитая литературная традиция регионализма[26] уже давала определенные приемы и методы для описания и отражения бразильской действительности. Следование регионалистскому канону чисто внешне могло гарантировать автора от обвинений, с одной стороны, в политической ангажированности, а, с другой, разрыва с литературной традицией.

Пребывание в рамках литературного регионализма было и формой политического участия. Поэтому, Ж. Сарней не только и не просто отражал региональную культурную[27], социальную и политическую специфику Бразилии – он ее отторгал, способствуя формированию нового культурного и идентичностного дискурса. В этом контексте очевидна и узость регионалистского канона для Жозэ Сарнея, которого в большей степени интересовали и привлекали национальные бразильские темы. В текстах Ж. Сарнея мы находим традиционные для бразильской модернистской прозы темы отмирания старого и, как результат, рождения нового, современного общества. В этом отношении проза Ж. Сарнея в большей степени традиционна, чем тексты некоторых его современников. Умирание традиционности в текстах Жозэ Сарнея показано не просто как постепенное разрушение и исчезновение старых социальных практик и культурных коммуникаций.

Отмирание традиционности становится и рождением нового типа бразильской политической идентичности, основанной на примате гражданского общества и прав человека. Примечательно то, что националистическая волна в бразильской литературе, представителем которой был и Ж. Сарней, хронологически совпала и тематически оказалась близка с аналогичными трендами в европейских литературах, связанных с национальными движениями, которые были не только протестными националистически, но и альтернативными политически. В текстах Жозэ Сарнея доминирует дискурс гражданского политического национализма, доказывающего, что именно активная гражданская позиция, политическое участие являются наилучшими гарантиями для трансформации общества, для социальной, культурной и политической модернизации.

---

[1] См. об этом подробнее: Nedel L. A Recepção da obra de Gilberto Freyre no Rio Grande do Sul / L. Nedel // MANA. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 85 – 118.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[2] Об особенностях развития авторитаризма в Бразилии см.: Fausto B. A Revolução de 1930: historiografia e história / B. Fausto. – São Paulo, 1997; Cândido A. A Revolução de 1930 e a cultura / A. Cândido // NE. – 1984. – Vol. 2. – No 4. – P. 27 – 36; Goulart S. Sob a verdade oficial: ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S. Goulart. – São Paulo, 1990; Miceli S. Intelectuais e classes diregentes no Brasil, 1920 – 1945 / S. Miceli. – São Paulo, 1979; As instituções brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araúgo. – Rio de Janeiro, 1999; Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982; Abreu A. de, O nacionalismo de Vargas ontem e hoje / A. de Abreu // As instituções brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araúgo. – Rio de Janeiro, 1999; Chor M. O anti-semitismo na Era Vargas: fantasmas de uma geração, 1930 – 1945 / M. Chor // EH. – 1988. – Vol. 1. – No 2. – P. 304 – 310; Levine R. O regime de Vargas: os anos criticos / R. Levine. – Rio de Janeiro, 1980.

[3] О роли Плиниу Салгаду в развитии модернизма см.: Barros J.E. O modernismo integralista nos romances o esperado e o estrangeiro de Plínio Salgadu / J.E. Barros. – Rio de Laneiro, 2006. Tese de Doutorado… à obtenção do título de doutor em Literatura Comparada (Ciência da Literatura).

[4] См. подробнее работы Плиниу Салгаду: Salgado P. O que é integralimo / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1933; Salgado P. A voz de oestre / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934; Salgado P. O sofrimento Universal / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1934; Salgado P. Despertemos a nação / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1935; Salgado P. A doutrina do sigma / P. Salgado. – São Paulo, 1935; Salgado P. A quarta humanidade / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1936; Salgado P. O cavaleiro de Itararé / P. Salgado. – São Paulo, 1948; Salgado P. O integralismo Penante a Nação / P. Salgado. –Rio de Janeiro, 1950; Salgado P. Obras Completas / P. Salgado. – São Paulo, 1955; Salgado P. Trepande / P. Salgado. – Rio de Janeiro, 1972; Salgado P. O esperado / P. Salgado. – São Paulo, 1981; Salgado P. O dono do mundo / P. Salgado. – São Paulo, 1999.

[5] Сарней Ж. Брежал дус Гуажас. Повесть / Ж. Сарней // Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988. – С. 9.

[6] Сарней Ж. Брежал дус Гуажас. – С. 63.

[7] О традиционности и особенностях развития народной культуры в контексте модернизации см.: Santiago S. Modernidade e tradição popular / S. Santiago // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 41 – 51.

[8] Сарней Ж. История Жоана Блаженного / Ж. Сарней // Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988. – С. 158.

[9] О периферии в теоретическом плане см.: Provinzializierung einer Region. Zur Enstehung der bürgerlichen Gesellschaft in der Provinz / hrsg. von G. Zang. – Frankfurt, 1978.

[10] Сарней Ж. Боаснойтес / Ж. Сарней // Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988. – С. 100.

[11] Сарней Ж. История Жоана Блаженного. – С. 156.

[12] О социальном факторе в рамках развития идентичности и политической модернизации в Бразилии см.: Ramos A.G. Introdução Critica à Sociologia Brasileira / A.G. Ramos. – Rio de Janeiro, 1995.

[13] Сарней Ж. История Жоана Блаженного. – С. 158.

[14] Сарней Ж. Мерсия с берегов реки Пылкой Любви / Ж. Сарней // Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988. – С. 123.

[15] Сарней Ж. Брежал дус Гуажас. – С. 14.

[16] Сарней Ж. Боастардес / Ж. Сарней // Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988. – С. 75.

[17] Сарней Ж. Бостардес. – С. 75.

[18] Сарней Ж. Мерсия с берегов реки Пылкой Любви. – С. 123.

[19] Сарней Ж. Брежал дус Гуажас. – С. 14.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[20] Об особенностях социального развития, структуры и социальных процессах в Бразилии в теоретической перспективе см. классический текст Антониу Кандиду «Социология Бразилии» (1956) – Candido A. A sociologia no Brasil / A. Candido // Tempo Social, revista de sociologia da USP. – 2006. – Vol. 18. – No 1. – P. 271 – 301.
[21] Сарней Ж. История Жоана Блаженного. – С. 159.
[22] Сарней Ж. Боастардес. – С. 67 – 75.
[23] Сарней Ж. Брежал дус Гуажас. – С. 10, 16, 25.
[24] Сарней Ж. Дона Болота, которая охотно одалживает деньги / Ж. Сарней // Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988. – С. 112.
[25] Сарней Ж. Брежал дус Гуажас. – С. 9 – 10, 20, 36.
[26] О регионализме в контексте истории бразильской литературы см.: Leite L.C.M. Velha praga? Regionalismo literario brasileiro / L.C.M. Leite // America Latina, palavra, literatura e cultura / ed. A. Pizarro. – São Paulo, 1994. – Vol. 2. – P. 665 – 702.
[27] См. подробнее: Costa W.M. da, Estado e politicas territoriais no Brasil / W.M. da Costa. – São Paulo, 1988; Diniz Filho L.L. Território e destino nacional: ideologias geográficas e políticas territoriais no Estado Novo (1937-1945). – São Paulo, 1994. Dissertacao de mestrado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH-USP

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«РОДИНА ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ЖАЛКОЕ ЗРЕЛИЩЕ»: БРАЗИЛЬСКАЯ ПЕРИФЕРИЯ, ГЕНДЕР И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

Бразилия представляет собой не только ярковыраженный географический, политический, языковой и культурный регион в преимущественно испаноязычной Латинской Америке, но и сама является страной в значительной степени региональной и подверженной регионализации[1]. Региональная структура Бразилии формировалась исторически. На этот процесс влияние оказали как внешние, так и внутренние миграционные потоки, и хотя бразильская культурная и интеллектуальная история XX века была подчинена железной логике в первую очередь языковой ассимиляции, этот своеобразный культурномаркированный регионализм в Бразилии сохранился[2]. Культурная специфика отдельных бразильских регионов, связанная с интеллектуальным и политическим, а так же социально-экономическим вкладом немецких, украинских и итальянских иммигрантов изучена достаточно подробно[3].

На фоне интереса к европейской доминанте бразильского регионализма, проблемы собственно бразильского внутреннего регионализма, экономического и социального существования, культурного и интеллектуального функционирования и воспроизводства периферии с лузо-португальским культурным и языковым бэк-граундом изучены в меньшей степени. Но именно эта бразильская периферия[4] и привлекала значительное внимание со стороны бразильских интеллектуалов на протяжении XX столетия. Анализируя феномен бразильского регионализма[5], вероятно, следует принимать во внимание и то, что регионализм был в первую очередь местным, собственно бразильским феноменом, а европейские тренды (немецкие, итальянские, украинские) возникли позже. Региональная специфика и региональное разнообразие Бразилии стали хорошей и благодатной почвой для развития национальных рефлексий и спекуляций.

В этом контексте регионализм в значительной степени стимулировал националистическое воображение[6]. Мы можем предположить, что бразильская национальная идентичность, бразильский национализм формировались и через осознание себя как не просто Бразилии, но как Бразилии регионов; страны, состоящей из различных, но именно бразильских, регионов. Значительный вклад в формирование и функционирование этого националистического мифа внесла регионалистская школа в бразильской литературе. В первой половине XX века бразильские писатели-регионалисты сделали крайне много для нанесения Бразилии на ментальные, культурные и интеллектуальные карты.

Они «вообразили» и создали Бразилию, институционализируя единый и интегрированный концепт бразильской идентичности как совокупности

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

центральных и периферийных дискурсов. Это были писатели-мужчины. В их текстах доминировал не только регионально маркированный, но и гендерно означенный нарратив. Регионализация в этом культурном контексте предстает как приложение маскулинности. Во второй половине XX столетия ситуация в значительной степени меняется: бразильская литература становится гендерно диверсифицированной. Наряду с писателями-мужчинами в бразильскую литературу приходят и писатели-женщины, которые обратились к ставшей традиционными для бразильской культурной традиции региональным темам и сюжетам. В центре настоящего раздела будут проблемы трансформации бразильской идентичности на региональном уровне в творчестве представительницы женской прозы Нелиды Пиньон[7].

Региональное изменение бразильской реальности в текстах Н. Пиньон в значительной степени гендерно детерминировано. С другой стороны, проза Н. Пиньон не в полной мере связана с феминистским дискурсом. Образы женщин в романе «Сладкая песнь Каэтаны»[8] скорее биологичны, чем социальны: «ела Додо жадно, старалась, чтобы ни одна крошка хлеба не упала на скатерть». Герои-мужчины излучают уверенность в своем социальном и интеллектуальном превосходстве над женщинами. Провинция в этой ситуации предстает как сфера мифологизации социальных ролей: «разве допустил бы ты, что у женщин более чуткая душа, чем у нас? А ведь на заре цивилизации они были жрицами и весьма почитались. Возможно, поэтому они и сегодня не делают различия между делами повседневными и священными. И то и другое смешивается для них на кухне, в столовой и в постели. Женские боги участвуют во всех будничных делах, например в заправке фасоли»[9].

Гендерное пространство в Триндаде весьма традиционно: женщины словно предназначены для подчинения, мужчины в перерывах между социально признанным и легитимизированным насилием посещают публичный дом. В этой социальной системе гомосексуалисты предстают типичными маргиналами[10]. В этом контексте заметна некая ментальная и идентичностная граница между бразильцами и потомками иммигрантов, которым первые не упускают случая указать на то, что «грекам женщины разонравились… греки – настоящие мужчины, в постели они так же свирепы, как турки. Только у многих знаменитых греков в древности был весьма изысканный вкус. Верно ведь, им нравились редкой красоты юноши… когда кругом столько аппетитных бабенок, кто станет смотреть на мальчишек, у которых между ног то же самое, что и у тебя»[11].

Социальный и культурный мир периферии узок: носителям периферийной культурной традиции сложно представить другие варианты культурных и половых отношений при которых доминировал мужчина. Социальна и культурная коммуникация в рамках такого преимущественно традиционного сообщества выражена в правиле: «женщина служит только для того, чтобы трепыхаться под тяжестью тела» своего мужчины. В этой си-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

туации бразильская периферия предстает как сообщество, где феминные и маскулинные роли деформированы, но статусы не пересмотрены. Поэтому мужчина понимает, что «забраться на женщину – дело нехитрое… достаточно пойти в пансион», а женщина предстает не просто в связи с мужчиной, но как именно бразильянка, но все же нередко принимающая во внимание мнение мужчин о том, что «женская свобода – иллюзия»[12].

В рамках подобной социальной коммуникации статус женщины в значительной степени принижен, а ее культурная роль не выходит за узкие границы традиционалистского канона. Женские образы остаются не менее традиционными, чем в творчестве писателей мужчин, которое отчасти наполнено социально-ролевыми стереотипами. При этом и маскулинные образы немногим лучше: «посреди площади Полидору замедлил шаг: забитые табачным дегтем легкие одолевала одышка». Герои прозы Н. Пиньон, как и бразильская периферия, доживают свои последние дни и «смерть шепчет на ухо слова, благоухающие гиацинтом». Социальное существование периферийного города в произведениях Н. Пиньон протекает между отелем, аптекой и публичным домом: «только ходят на двор да лезут на баб»[13].

Социальное бытие для них перестает существовать, превращаясь в ежедневное и рутинное существование в бразильской провинции, которая сталкивается с многочисленными проблемами, среди которых историческая и культурная память. Бразильская память героев Н. Пиньон отягощена убийствами и насилиями со стороны португальских предков в период колонизации. С другой стороны, они осознают, что без этого компонента брутальности не было бы современной Бразилии: «они убивали ради золота и земель и создавали новую расу метисов. Именно благодаря этим завоевателям и насильникам мы стали страной с большим будущим. Если бы не они, Бразилия была бы теперь величиной с Францию, да и то с ненадежными границами. Окруженные врагами, мы не могли бы спокойно спать»[14].

Историческое знание предстает в значительной степени как знание о насилии и брутальности: поэтому, почти никого из героев Н. Пиньон не интересует культурная причастности, почти – принадлежность, бразильцев, «говорящих на языке корнями уходящим в латынь», к Европе. Но это историческое знание Бразилии не только фрагментарно, но и эклектично в виду того, что сама страна, где «у домов стены португальской кладки, а крыши – на французский манер», сформировалась как синтез различных традиций. В текстах Н. Пиньон предстает Бразилия как страна, где культурный опыт остается уделом столичных интеллектуалов. Периферию не интересует ничего кроме… периферии. Проблемы «укрепления национальной самобытности, ежедневно подвергающейся опасности со стороны полчищ иноземцев»[15] негласно переданы центру, который признал за регионами свободу в праве собственного медленного умирания.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Остановка социального бытия связана с тем, что для периферии история остановилась, точнее – окончательно переместилась в сферу прошлого, которое предстает как совокупность событий, граничащих с насилием и традиционализмом – один из героев Н. Пиньон движимый или религиозным фанатизмом или чисто практическими соображениями «некогда похитил у прихожан Камбукиры падре Базилиу, бывшего настоятеля городской церкви, чтобы в Триндаде было кому служить мессы, читать молитвы и произносить проповеди». В этом контексте настоящее внесобытийно и внеисторично. Неисторичность подчеркивается и постепенным уходом тех, кто был частью истории местного сообщества. В противостоянии со временем человек явно проигрывал. В этой ситуации слова Н. Пиньон «Одряхление напоминало ему о приближающейся смерти – одинокий, всеми заброшенный старик»[16] звучат не как описание индивидуальной истории, но и как диагноз бразильской периферии, которая оказалась не в состоянии противостоять вызовам современности.

Герои Н. Пиньон не отягощены рефлексией и размышлениями относительно своей истории. «Родина без символики, без развевающегося на ветру знамени представляет собой жалкое зрелище. Она подобна умирающему в каморке пансионата старику, рядом с которым нет никого, кто вложил бы свечу в его руку и тем согрел его последний сон перед смертью»: для большинства из них это не более чем слова. Внеисторичность на периферии в текстах Н. Пиньон тесно переплетается и с аполитичностью: «Бразилии нужна молодежь, преданная республиканским идеалам. Наша родина – созданный португальцами добродушный гигант, к которому прикипели наши сердца». Интеллектуалы в периферии в текстах Н. Пиньон склонны придаваться своеобразной автопсихотерапии, убеждая себя в том, что «Бразилия – прекрасная страна»[17], но подобная стратегия культурного самоуспокоения не помогает им.

Именно отсутствие сильных региональных идентичностей и политических традиций породило не только разрыв между центром и регионами, но и позволило первому установить ситуацию своего доминирования над периферией, но и в этой ситуации отношения между различными частями бразильского политического пространства не развиваются как отношения господина и подчиненного. Периферии чужды политические переживания: поэтому для жителей Триндаде почти откровением становится, что периферия может быть другой, что существуют рабочие окраины и профсоюзные центры, которыми могут руководить «бывшие французские священники, ныне рабочие-металлурги, женатые на бывших монахинях». Но и попытка подобных радикалов, но и одновременно маргиналов и аутсайдеров, показать, что возможно создать «новое общество, не имеющее никакого отношения к коровам и земле»[18], сталкивается с тем, что периферия смирилась со своим статусом и не готова ни к социальным, ни к культурным, ни политическим переменам.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Подобная в значительной степени негативная социальная динамика на уровне периферии подчеркивает, что проект политической модернизации Бразилии, нацеленный на изменение политической и экономической матрицы, оказался неполным: социальные перемены и культурные новации столкнулись со столь мощным традиционалистским идентичностным дискурсом, что модернизация на периферии отразилась почти исключительно внешне: современные автомобили ездили по улицам городов, в домах которых царил дух традиционализма, гендерные роли и социальные коммуникации в значительной мере продолжали оставаться традиционными. Степень аполитичности и отчужденности периферии настолько велика, что она не способно осознать свой статус проигравшей.

Вероятно, именно поэтому память предстает как феномен в значительной степени фрагментированный: в то время, когда «когда Бразилия претворяет в жизнь всеобъемлющий прогрессивный план, начертанный генералом Медиси», регионы этого, словно, старались не замечать и, поэтому, когда местный сторонник военных провозглашает «Да здравствует президент Медиси!», остальные имитируют свое полное равнодушие. В этом контексте становится очевидной фрагментированость бразильского общества, где лишь некоторые поддерживали военных, в то время когда остальные были уверенны, что «в грядущие годы диктатура будет проклята историей». Регионы предпочитали не обращать внимания на политические изменения в центре: «сама политика, раньше представлявшая собой дело общественности, потеряла романтический ореол, после того как столицу страны заняли военные. Болтали, что в некоторых штатах применяют жестокие пытки против студентов и коммунистов. Никто, однако, не верил этой злобной клевете на президента Медиси, самого симпатичного генерала революции»[19].

Единая память в условиях ситуации множественности памятей и множественности исторического и социального опыта не может существовать. Герои произведений Н. Пиньон словно пребывают в противоборстве как со своей собственной, так и с коллективной памятью местного сообщества, отрицая созданное ими пространство («городской пейзаж Триндаде им осточертел») своего биологического и социального существования. Герои Н. Пиньон предпочитают жить почти исключительно настоящим («воспоминания об этих родичах не доставляли ему никакого удовольствия. Некоторые из них являлись ему в снах, возвращаясь в тот мир, из которого их изгнала смерть, лишь затем, чтобы провозгласить Полидору продолжателем дел, которые им самим не дано было довести до конца»), отказаться от прошлого, которое, по их мнению, является лишним придатком к современности. «Время» для них не более чем слово в их обыденном лексиконе: «времени у нас с избытком. Какая разница, живем мы во втором веке или в двадцатом? О том и о другом мы знаем только по книгам, а в пределах одного века время и вовсе не имеет значения»[20].

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Подобное отношение ко времени оказывает влияние и на восприятие собственного прошлого, которое постепенно фрагментируется. Общество множественности памятей является и обществом разорванных социальных и культурных связей: наличие прошлого и существования настоящего вовсе не гарантируют будущего. Своеобразный почти сознательный отказ от прошлого, нацеленность на действительность не придает подобным обществам футуристического импульса: действительность перерастает в повседневность, динамика уступает свое место рутинным формам существования. В подобной ситуации местное, региональное оказывается вне бразильского социального и политического контекста: именно поэтому известный приехавший в Триндаде из Рио-де-Жанейро скульптор итальянского происхождения Борелли[21] выказывает свое недовольство периферийностью и запущенностью города: «не похоже, что это бразильский город. Ну где это видано, чтобы не нашлось клочка земли для взлетно-посадочной полосы? Откуда тогда в Триндаде люди, которые заслуживают бюста на городской площади?». В романе Н. Пиньон отношения между бразильцами детерминированы их принадлежностью к провинции и к историческим и культурным столицам: в обыденном сознании провинциала столица изначальна негативна, что ведет к формированию неаттрактивного образа выходца из центра, который «гоняет по Бразилии, движимый жаждой разбоя. Этим своим прогрессом, ни во что не ставящим прошлое, он хочет разорить нас до нитки»[22]. В этой ситуации формируется негативный образ модернизации как проекта преимущественно столичного, призванного разрушить региональную специфику.

Завершая настоящий раздел, остановимся на нескольких аспектах, связанных с творческим наследием Нелиды Пиньон. Тексты Нелиды Пиньон были порождены, вероятно, культурным и идентичностным кризисом в Бразилии 1960 – 1970-х годов. В этом отношении они в значительной степени являются маргинальными, пребывающими на стыке двух различных культурных дискурсов: с одной стороны, бразильской культурной традиции, и, с другой, массовой культуры, с ее тенденциями к стандартизации, окончательному разрушению традиционности и архаичности, размывании границ (в значительной степени – воображаемых[23]) между различными культурными, социальными и интеллектуальными пространствами. Именно эти границы размыты в текстах Н. Пиньон: мы не сталкиваемся с ярковыраженным региональным культурным контекстом; мы не находим однозначной гендерной и культурной детерминированности социальных и политических ролей.

Тексты Нелиды Пиньон представляют собой тексты разрушающего регионализма – регионализма, который не выдержал конкуренции с государством, но регионализма, культурная и интеллектуальная традиция и идентичность которого не выдержали противостояния в унифицирующими трендами массовой культуры. Вероятно, регионализм и феминизм исполь-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

зовались Нелидой Пиньон как в значительной степени универсальные формы языка, как формы коммуникации автора создающего «интеллектуальный» продукт с массами, которые обречены на его потребление, использование и усвоение. В этом отношении подобный процесс является, как правило, односторонним, исключающим потребителя, который обречен играть роль реципиента предложенных ему культурных ценностей, актуализированных в социальные стратегии и культурные модели в виде литературного текста.

Утверждение подобной версии культурного взаимодействия привело к существенным переменам в рамках бразильской культуры и идентичности. Они становятся более серийными, более пригодными не только для внутреннего, но и для внешнего потребления и использования. В этом отношении тексты Нелиды Пиньон сыграли свою роль во фрагментации культурного, литературного и интеллектуального пространства в Бразилии. Бразильский феминизм и регионализм утратили свою культурную уникальность, их интеллектуальный код утратил свое значение по причине того, что на смену читателю-интеллектуалу пришел читатель-потребитель, который был готов потреблять, но не принимать литературный текст.

---

[1] Об особенностях регионализма в Бразилии см.: Pellegrini T. Milton Hatoum e o regionalismo revisitado / T. Pellegrini // Luso-Brazilian Review. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 121 – 138.

[2] См. подробнее: Bessa V. Território e desenvolvimentismo: as ideologias geográficas no governo JK (1956-1960) / V. Bessa. – São Paulo, 1994. Dissertação de mestrado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH –USP.

[3] См. например: Rost C.A. A identidade do teuto-brasileiro na região sul do Brasil / C.A. Rost // Interdisciplinar. – 2008. – Vol. 3. – No 5. – P. 215 – 234.

[4] О периферии как политическом и культурном феномене см.: Pollard S. Marginal Areas. Do they have a common history / S. Pollard // Towards an International Economic and Social History / ed. B. Etimad. – Genf, 1995. – P. 121 – 136.

[5] О регионализме в Бразилии см.: Cano W. Desequilíbrio regionais e concentração industrial no Brasil: 1930-1970 / W. Cano. – São Paulo, 1985; Costa W.M. da, Estado e políticas territoriais no Brasil / W.M. da Costa. – São Paulo, 1985; Pelaes Mascaro L. Similaridades entre Regionalismo e Antropofagia: nacionalismo – internacionalismo – regionalismo / L. Pelaes Mascaro // MRVH. – 2004. – Vol. 5. – No 10 // http://www.seol.com.br/mneme; Vianna da Cruz J.L. Projetos nacionais, elites locais e regionalismo desenvolvimento e dinâmica territorial no Norte Fluminense. Tese apresentada ao Curso de Doutorado do Programa de Pós-Graduação em Planeja – Mento Urbano e Regional, IPPUR, da Universidade Federal do Rio de Janeiro-UFRJ, como parte dos requisitos necessários à obtenção do grau de Doutor em Planejamento Urbano e Regional. – Rio de Janeiro, 2003.

[6] О феномене развития национального / националистического воображения см.: Lima L.C. Antropofagia e controle do imaginário / L.C. Lima // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 62 – 74; Finazzi-Agrò E. O duplo e a falta: construção do Outro e identidade nacional na Literatura Brasileira / E. Finazzi-Agrò // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 52 – 61; Meyer M. Caminhos do imáginario no Brasil: Maria Padilha e toda a sua quadrilha / M. Meyer // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 127 – 166.

[7] Piñon N. A republica dos sonhos / N. Piñon. – Rio de Janeiro, 1997.

[8] Пиньон Н. Сладкая песнь Каэтаны / Н. Пиньон. – М., 1993.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[9] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[10] Подробнее см.: Carrara S., Simões J.A. Sexualidade, cultura e política: a trajetória da identidade homossexual masculine na antropologia brasileira / S. Carrara, J.A. Simões // Cadernos pagu. – 2007. – No 28. – P. 65 – 99.
[11] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[12] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[13] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[14] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[15] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[16] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[17] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[18] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[19] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[20] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[21] О феномене «присутствия» итальянцев в бразильской литературе см.: Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literature brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. Revista do Centro Ítalo-Luso-Brasileiro de Estudos Lingüisticos e Culturais. – 2007. – Vol. 1. – No 1 // http://www.assis.unesp.br/cilbelc
[22] http://lib.aldebaran.ru/author/nelida_pinon/sladkaya_pesn_kayetany
[23] Об этом феномене см. подробнее: Fronteiras imaginadas / ed. E. De Coutinho. – Rio de Janeiro, 2001.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ЕВРОПЕЙСКИЕ СООБЩЕСТВА В БРАЗИЛИИ: ИТАЛЬЯНЦЫ, ИСПАНЦЫ, ЕВРЕИ МЕЖДУ ВЫЗОВАМИ АССИМИЛЯЦИИ И ИЗОЛЯЦИИ

«БРАЗИЛИЯ ПЕРЕЖИВАЛА УЖАСНЫЕ ГОДЫ»: ОТ ЕВРОПЕЙСКОГО АНАРХИЗМА К СОВЕТСКОМУ КОММУНИЗМУ (ПРОБЛЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ БРАЗИЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА В ТЕКСТАХ ДАЛСИДИУ ЖУРАНДИРА)

В одном из предыдущих разделов настоящего исследования автор констатировал, что изучение феномена бразильского модернизма осложнено многоплановостью и многоуровневостью модернистских литературных трендов в Бразилии. Бразильский модернизм имеет точки соприкосновения с бразильским символизмом и футуризмом[1]. С другой стороны, на протяжении длительного времени модернистский политический и литературный дискурс сосуществовал с регионалистским. Сложно проследить генетические связи между двумя этими трендами. Модернизм и регионализм имеют свои истоки в бразильской литературе более раннего периода. Это исключает однозначное определение бразильского модернизма и бразильского регионализма как отдельных, самостоятельных и самодостаточных литературных течений.

Вероятно, модернизм, предложивший новый литературный язык, был комплексным литературным течением, среди трендов которого был регионализм. В этой ситуации модернизм – феномен общего, а регионализм – частного плана. Не исключено, что мы можем интерпретировать регионализм как одну из форм модернистского литературного дискурса, как его локализованную, точнее – локализованные, версии. Писатели регионалисты в своих текстах развивали сюжеты в принципе традиционные для бразильской литературной традиции, в том числе – и для модернизма. Анализируя регионалистскую версию бразильской модернистской прозы, мы модему упомянуть тексты Грасилиану Рамоса, о которых речь шла в одном из предыдущих разделов. Проза Г. Рамоса представляет собой весьма умеренную версию бразильского регионализма, хотя и в его текстах заметны определенные идентичностные построения и предпочтения, политический подтекст.

Вместе с тем, проза Г. Рамоса в большей степени связана с модернизмом, точнее – теми его трендами, которые отразили распад традиционности, кризис традиционных форм социальной коммуникации. В модернист-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ских текстах Г. Рамоса мы сталкивается с бразильскими проблемами в целом, но локализованными до уровня отдельного регионального сообщества. В этом отношении Грасилиану Рамос – в наибольшей степени писатель-модернист и в наименьшей – писатель, придающийся политической рефлексии и спекуляции. На этом фоне тексты Г. Рамоса бесспорно кажутся более сильными с литературной точки зрения, чем произведения других бразильских регионалистов, которые в своей прозе значительное внимание уделяли ее политическому контенту. Среди представителей политического (точнее – политизированного) течения в литературном модернизме мы можем упомянуть Далсидиу Журандира. Один из романов Д. Журандира «Парковая линия» («Linha do parque», 1959) принадлежит к левому дискурсу в бразильской литературе. Именно этот текст, а так же проблемы функционирования левого тренда в бразильском регионализме будут в центре авторского внимания в настоящем разделе.

В текстах Далсидиу Журандира мы сталкиваемся с героями-иммигрантами, «большей частью итальянцами и немцами»[2], героями-маргиналами, героями-радикалами, «беглецами из Европы», «анархистами, не страшащимися ни конских копыт, ни гильотины, ни виселицы», которые не связаны с доминирующими политическими культурами и идентичностями. Европа в бразильском культурном и интеллектуальном дискурсе начала века ассоциировалась с новыми политическими вызовами: в частности, один из героев-иммигрантов по прибытии в Бразилии рассказывал встречающим его, что «Германия заражена социалистической чумой, немецкая рабочая партия слишком инертна»[3].

Европа в сознании бразильцев начала XX столетия была регионом опасным, который не только поставлял новых мигрантов, но ассоциировался и с социальными проблемами. В этом контексте показателен образ судна, которое доставило не только итальянских иммигрантов[4], но и привело к эпидемии холеры в одном из бразильских городов. Новые иммигранты пребывали в Бразилию морским путем, некоторые – на пароходах («пароход, великое народное изобретение, превратился в ад для народа»), которые воспринимались ими в категориях народной традиционной культуры. Нередко новые иммигранты были склонны отторгать Бразилию, не принимая ее: «проклятый город, проклятое море… Зачем мы сюда приехали! Чтобы найти смерть!»[5].

В этой конкуренции традиционной идентичности с новыми вызовами первая неизбежно подвергалась деформациям, что вело к искажению и ослаблению, кризису и постепенному распаду. Бразильское общество конца XIX – начала XX века не проявляло особой заинтересованности в иммигрантах: оно было вынуждено решать проблемы, связанные с интеграцией бывших рабов. Отношения между белыми и неграми развивались как напряженные, периодически с обеих сторон применялось насилие, особенно в тех случаях, когда негры пытались разрушить установленные белыми

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

бразильцами культурные границы: «один негр решил проехаться на лошади, украшенной драгоценной сбруей своего господина… увидев этого черного императора, хозяин закричал: “Стой, негр! Ты что, с ума спятил?”. Бросая вызов своему господину, негр… сияя дорогими камнями поскакал по полю. Хозяин послал за негром шайку головорезов, которые доставили его связанным и раздетым донага… огромный блестящий нож был занесен над шеей сельского короля… палач, обезглавивший негра, схватил его отсеченную голову, поднял ее и бросил на землю»[6].

Расправы белых над неграми порождали обратную реакцию. Негры переживали процесс постепенной консолидации, а негры, выброшенные в город, были вынуждены соседствовать с европейскими иммигрантами, деятельность которые нередко вела к политизации негров. Первые иммигранты воспринимались как маргиналы, появление которых было вызвано в Бразилии экономическими причинами: «возникали новые предприятия, рабочих становилось все больше»[7]. Португальцы для бразильцев были не более чем «галего», а выходцы из некоторых регионов Испании, например, из Галисии, по мнению бразильцев, мало чем отличались от португальцев. Именно таким образов бразильский социум формировал и вырабатывал свои «образы чужого».

На статус «чужих» / «других» среди всех иммигрантов претендовали и итальянцы: «несколько мальчишек окружили девочек-итальянок и приставали к ним, пытаясь ущипнуть и дернуть за платье, девочки отбивались, бросались камнями… какому-то маленькому креолу удалось нанести сильный удар рыжей девочке… та упала на землю… итальяночки с криком набросились на агрессора». На раннем этапе адаптации иммигрантов, который совпал с тем временем, когда «Бразилия переживала ужасные годы», к бразильским реалиям насилие по национальному и гендерному признаку, вероятно, было распространенным явлением. Перед первыми иммигрантами в Бразилии не открывалось широких возможностей («…здесь в нашем порту есть холера и есть кашаса. Выбирай, что тебе больше по вкусу…»), хотя многие покидали Европу именно из-за стремления улучшить свое социальное положение, вырвавшись из мира сельской периферии Испании или Италии, «убогих лачуг»[8] и многочисленных родственников.

Иммиграции итальянцев и испанцев в Бразилию нередко предшествовала территориальная миграция по Европе и Южной Америке: вынужденные искать работу, они покидали периферийные районы[9], переселяясь в города. Нередко такой опыт резкой смены социальных и культурных условий мог быть неудачным и потенциальные иммигранты снова возвращались в родные регионы. С другой стороны, пребывание в городах и непродолжительное пребывание за границей способствовало политизации («…в Барселоне он сблизился с рабочими, начал читать книги… стал участвовать в забастовках и митингах, посещать собрания, бросать бомбы…»[10]),

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

убеждая их в необходимости иммиграции в Америку – в США или Бразилию.

На раннем этапе своего пребывания в Бразилии иммигранты предпочитали жить среди себе подобных, что вело к появлению в некоторой степени изолированных национальных сообществ иммигрантов («черные ребятишки играли вместе с рыжими и белокурыми итальянками… польки вперемешку с негритянками… португальцы у дверей лавок»[11]), которые были отделены в большей степени от бразильского общества, нежели друг от друга. С другой стороны, эта изолированность и гомоненность иммигрантских сообществ была временным явлением: постепенно иммигранты интегрировались, ассимилировались, пополняя ряды активно развивавшегося и формировавшегося рабочего класса[12]. В большинстве случаев поведение подобных героев-иммигрантов почти всегда альтернативно, а их добразильская биография представляла собой участие в политических протестах, покушениях, пребываниях в тюрьмах: «восемь товарищей, приговоренных к повешению, держались стойко… Иглесиас тоже участвовал в одном покушении»[13].

Именно подобные люди, отторгнутые европейскими обществами, политические маргиналы и радикалы и пополняли в начале XX века ряды будущих бразильских граждан. В Бразилии они прибывали не просто как экономические иммигранты, но и как политические пропагандисты, несшие идеи анархизма «взбудоражившие всю Европу и которые потрясут американский континент». Первое же собрание Рабочего Союза, герой «Парковой линии» Иглесиас, использовал для политической агитации: «я не могу примириться с тем, что рабочие, постоянно подвергающиеся эксплуатации, изобретают новые инструменты, совершенствуют аппараты и станки для того, чтобы эксплуататор присвоил их изобретение»[14].

Рост иммиграции из Европы способствовал постепенной политизации бразильских рабочих, хотя уровень развития политической культуры оставался невысоким. В частности один из героев-рабочих говорит, что существует Второй Интернационал, но он «толком не знает, что это». Уровень политической грамотности рабочих-иммигрантов был более высок, чем уровень бразильских рабочих: в частности, в «Парковой линии» присутствует показательная сцена спора между испанским иммигрантом-анархистом и немецким социал-демократом, утверждавшим, что «убив короля, режим не уничтожишь… социализм остается только мечтой. Капитал еще долго будет господствовать»[15]. Бразильские социал-демократы, в отличие от анархистов[16], демонстрировали большую умеренность, полагая, что «социалистические идеи служат просвещению рабочего класса… социализм придет эволюционным путем»[17].

Оппонентами первых бразильских социал-демократов были анархисты, верившие в «полную свободу взглядов, полную свободу пропаганды» и в то, что «человечество спасут сильные личности… герои-анархисты

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

скажут свое слово». Для анархизма был характерен значительный не только протестный, но и антимодернизационный потенциал: их врагом была фабрика, которая институционализировала эксплуатацию – «невольники остались невольниками – только теперь они стоят у машин»[18]. В «Парковой линии» показан не только процесс постепенной интеграции иммигрантов в бразильское общество, но и дрейф итальянских и испанских иммигрантов от анархизма в сторону более умеренных, но левых, идей.

В борьбе между анархизмом и бразильской периферией победу одержала вторая: бывшие испанские иммигранты «не бросали бомбы в таком городишке как этот», хотя в Европе они вполне могли на этой пойти. Местная политическая традиция оказалась более устойчивой, чем радикализм иммигрантов-анархистов: «трудно было вести борьбу в городе, где представители власти при встрече с горожанами снимают шляпу и здороваются». Часть иммигрантов, в прошлом – анархистов, постепенно интегрировалась в бразильское общество, осознав, что контрабанда, открытие собственных мастерских («…Перес уже не делает бомбы, он делает деньги…»[19]) могут стать гарантией социального продвижения детей, которые социализировались не как иммигранты, но как бразильцы.

В этом контексте становится заметной и тенденция к фрагментации иммигрантских сообществ, одни из которых были подвержены большей радикализации в то время, как остальные, оставаясь более умеренными, постепенно дрейфовали в сторону социал-демократии, внося свой вклад в борьбу за гражданские и политические права, чем способствовали не только развитию политической нации в Бразилии, но и фрагментации политического пространства[20]. Постепенная интеграция иммигрантов, испанцев и итальянцев, в бразильское общество вела к тому, что ими устанавливались новые социальные связи, которые они использовали для пропаганды политических идей. Политизация иммигрантов не было гендерно детерминирована в категориях маскулинной культуры, затронув и женщин.

Политизация женской части иммигрантских сообществ протекала медленно. Женщины в большей степени были подвержены влиянию традиционной культуры: прежде чем направиться на рабочее собрание, они считали необходимым зайти в церковь. В конкуренции с традициями европейские иммигранты нередко подчеркивали, что «борются не для того, чтобы создать новую религию и церковь»[21]. В этом контексте рост числа европейских иммигрантов, вероятно, был среди тех факторов, которые способствовали кризису традиционной идентичности, оказывая влияние на модернизационные перемены в религиозной сфере и в системе культурных коммуникаций. Религиозность в среде иммигрантских сообществ принадлежала к числу факторов, которые оказывали значительное влияние на развитие идентичности.

Носителям традиционной культуры было весьма трудно расстаться с народной религиозностью. На раннем этапе политизации женщины обла-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

дали двойной идентичностью, которая была и традиционной («…священник... говорил о французах, которые делают динамитные бомбы, чтобы бросить их в церковь. Вот ужас! Чего только не выдумают эти люди! Наверное, конец света наступает! Бросить динамит в алтарь…»), но подвергающейся влиянию со стороны новых вызовов. Традиционность стимулировалась и особенностями социализации женщин. Поэтому, на раннем этапе развития левого движения именно женщины в большей степени были подвержены радикализации в силу того, что «классовое сознание было примитивным и неясным, как и представления о труде, классах, обществе»[22].

В этой ситуации незнание, недоступность в культуре оказалась мощным фактором социальных перемен и радикализации. Сама социальная среда, сложившаяся в рамках бразильской промышленности начала XX века («на фабриках, в порту, на мясобойнях работала беднота, а богачи наживались на войне, поставляя ткани, мясо и другие продукты воюющим странам») способствовала тому, что постепенно шел процесс радикализации недавних иммигрантов. В условиях нарастающей политизации иммигрантских сообществ меняется и само восприятие женщины. Формируется своеобразная протестная женская идентичность, революционная *femina*: «…Иглесиас заговорил о том, как борются женщины в Европе: в Барселоне одну работницу растоптала лошадь полицейского, у другой плечо было рассечено шашкой… одна каталонка собиралась бросить бомбу в карету короля… русские женщины боролись против царизма и отправлялись в ссылку…»[23].

На смену женщине-матери, женщине-любовнице, женщине-проститутке приходит образ женщины-гражданки, принимаемый далеко не всеми («…где это видано, чтобы женщина связывалась с бунтовщиками! Разве это женское дело?... пускай бунтуют всякие бродяги…»[24]), которая принимает активное участие в формировании гражданской нации и интеграции в бразильскую политическую нацию иммигрантских сообществ. Эта нация обретала новую политическую идентичность, которая возникала в актах социального протеста[25], на забастовках, подавляемых властями: «полицейские по приказу офицера тронули лошадей… толпа заполонила станцию и мастерские… кони топтали забастовщиков, шашки сверкали в воздухе, опускались на их плечи, люди кричали… в панике бежали и падали»[26].

Институционализированное насилие со стороны властей способствовало консолидации левого политического дискурса, росту оппозиционности и появлению альтернативных идентичностных трендов. С другой стороны, развитие левой оппозиционности не могло конкурировать с утверждением среди иммигрантов бразильской идентичности. Именно поэтому герои «Парковой линии» после начала первой мировой войны осознают, что «после того, как началась эта бойня, несмотря на клятвы анархистов и социалистов, обещавших вместе бороться за мир, все пошло прахом…

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

долгие годы мы призывали народ быть бдительным к проискам капитала… по первому зову богачей… стадо отправляется на заклание»[27].

В этой ситуации на смену политическим и социально маркированным идеям приходили идеи преимущественно политические, связанные с национализмом[28]. В конкуренции между национализмом и социализмом второй оказался более слабым, а мобилизационный и интеграционный потенциал первого способствовал тому, что иммигранты смогли относительно быстро адоптироваться в Бразилии. Левые радикалы не хотели замечать, что имеют дело не с абстрактным пролетариатом, а с рабочими с собственным прошлым, которое было национально маркированным. Именно поэтому после того как Бразилия вступила в первую мировую войну те же рабочие «начали избивать и грабить немцев»[29], руководствуясь в этой ситуации не классовыми мотивами, но национальными стереотипами.

В конкуренции левых и националистов за рабочий класс вторые одержали победу в силу того, что большинство недавних иммигрантов не только сохраняли свои идентичности (испанскую, итальянскую), но и проявляли готовность интегрироваться в бразильский культурный контекст, восприняв бразильскую идентичность если не как свою собственную, то не как чуждую. В этом контексте левая идея заявила о себе как о преимущественно маргинальном течении в то время, когда идеи национализма оказались в состоянии продемонстрировать свой консолидационный и мобилизационный потенциал.

С другой стороны, после завершения первой мировой войны политический дискурс в Бразилии подвергся большей фрагментации, о чем, в частности, свидетельствовало значительное развитие внесистемных авторитарных политических трендов[30], использование авторитарного политического языка элитами, которые стремились институционализировать авторитарную модель развития[31], с одной стороны, и, с другой, появление бразильского коммунистического движения[32], которое ориентировалось на СССР. На смену стихийному протесту приходит протест, организованный коммунистической партией («…партия – не пустая выдумка, не миф. Это мы…»[33]), которая предлагала своим членам не только идеологию, но и другую идентичность. Кроме этого в сознании бразильских левых СССР подвергся значительной идеализации. Поэтому один из героев «Парковой линии» бывший анархист Иглесиас, идеологически мигрировавший в сторону коммунизма писал: «я узнал, что ты посетил Россию. Я всегда мечтал побывать там… в местах знакомых мне по журналу “Советский Союз”… я думаю о стране, где началась новая эра…»[34]. Это, вероятно, указывает на формирование особого идентичностного дискурса – не только преимущественно политического, но и обладающего значительным мобилизационным потенциалом.

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать несколько факторов. Роман Далсидиу Журандира принадлежит к своеоб-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

разной негативной идентичности, сторонники которой отличались крайне критичным взглядом на политическую, социальную и культурную действительность. Это, в свою очередь, привело их в политический лагерь левых. В анализируемых текстах Д. Журандира мы находим не просто политическое несогласие, но и политическую альтернативу. Бразильский писатель в своих текстах стремился провести ревизию национальной бразильской идентичности, наметив возможные пути для национальной консолидации. В этом контексте показательно и то, что среди его героев не только бразильцы, но европейские эмигранты. Вероятно, Д. Журандир полагал, что процесс интеграции эмигрантов в бразильское общество и тем более их ассимиляция в бразильскую культуру окажутся продолжительными с хронологической точки зрения, а так же отягощенными культурными и социальными конфликтами.

Интеллектуалы подобные Далсидиу Журандиру, вероятно, полагали, что панацеей от конфликтности в развитии бразильского общества может стать не этническая и культурная, но идеологическая ассимиляция. Примечательно и то, что некоторые эмигранты или их потомки сами были склонны видеть особую привлекательность в принятии новой политической идеологии, что, например, характерно для текстов Марии Алисе Баррозу. Анализируя роман «Парковая линия», во внимание следует и принимать и момент его выхода в Бразилии. Роман был издан в 1959 году. В конце 1950 – 1960-х годов бразильское общество переживало затянувшийся политический кризис, раздираемое дебатами и дискуссиями относительно наиболее оптимальной модели для проведения политической модернизации. Перед бразильскими интеллектуалами стояли два варианта развития общества: демократические эксперимента с непредсказуемыми и неясными результатами или авторитарный режим с более предсказуемой тактикой принятия политических решений и выстраивания политического пространства, но результативность политики которого так же вызывала дискуссии.

С другой стороны, бразильские интеллектуалы понимали, что авторитаризм может быть как левым, так и правым. Тексты Далсидиу Журандира, а так же некоторые более ранние работы Жоржи Амаду явно содействовали усилению левого политического дискурса. Сложность ситуации состояла в том, что бразильские левые интеллектуалы, как правило, были радикальны, что автоматически способствовало их маргинализации, вытеснению на периферию политического пространства. Бразильское общество конца 1950-х годов переживало кризис политической и гражданской идентичности: его не интересовали более инициативы правых (интегралистов), а идеи левых, скорее, пугали и настораживали. Противоречивая позиция способствовала ослаблению гражданского общества, содействуя его кризису, который стал очевиден 1 апреля 1964 года. Военный переворот и установленный вслед за ним военный режим, таким образом, ставший следствием интеллектуального кризиса, предпринял шаги, направленные на

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

маргинализацию радикальной левой оппозиции, что увенчалось успехом. В Бразилии 1970-х годов не существовало угрозы левого авторитаризма, что содействовало не только консолидации режима, но и новой оппозиции, основанной на ценностях гражданского национализма и демократических ценностей.

---

[1] О футуризме в контексте интеллектуального развития Бразилии см.: Fabris A. Futurismo: uma poética da modernidade / A. Fabris. – São Paulo, 1987

[2] Журандир Д. Парковая линия / Д. Журандир. – М., 1963. – С. 60.

[3] Журандир Д. Парковая линия. – С. 13, 91.

[4] Об итальянцах в Бразилии см.: Avagliano L. L'emigrazione italiana / L. Avagliano. – Napoli, 1976; Frazina E.Merica! Merica! Emigrazione e colonizzacione nell lettere dei contadini veneti in America Latina, 1876-1902 / E. Frazina. – Milano, 1979; Martins de Oliveira F.A. Padrões alimentares em mudança: a cozinha italiana no interior paulista / F.A. Martins de Oliveira // Revista Brasileira de História. – 2006. – Vol. 26. – No 51.- P. 47 – 62.

[5] Журандир Д. Парковая линия. – С. 139.

[6] Там же. – С. 34 – 35.

[7] Там же. – С. 49.

[8] Там же. – С. 18, 22, 26, 31.

[9] О феномене периферийности см.: Internal Peripheries in European History / ed. H.-H. Nolte. – Göttingen, 1991; Nolte H.-H. Comparing Internal Peripheries // Towards an International Economic and Social History / ed. B. Etemad. – Genf, 1995. – P. 75 – 84; Нольте Х.-Х. Европейские внутренние периферии – сходства, различия, возражения против концепции / Х.-Х. Нольте // Европейские внутренние периферии в XX столетии / сост. Х.-Х. Нольте, ред. А.П. Садохин. – Калуга, 2001. – С. 7 – 19.

[10] Журандир Д. Парковая линия. – С. 23.

[11] Там же. – С. 27.

[12] Об этом процессе см.: Bosi A. Ex-escravos, imigrantes e Estado na constituição da classe trabalhadora de Uberabinha, MG (1888-1915) / A. Bosi // Revista de História Regional. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 105 – 135.

[13] Журандир Д. Парковая линия. – С. 14.

[14] Там же. – С. 29, 47.

[15] Там же. – С. 50, 59.

[16] О феномене анархизма в Бразилии см.: Dulles J.F. Anarquistas e comunistas no Brasil / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977.

[17] Журандир Д. Парковая линия. – С. 89.

[18] Там же. – С. 84, 101.

[19] Там же. – С. 162.

[20] См. об этом процессе подробнее: Rambo A. O associativismo teuto-brasileiro e os primórdios do cooperativismo no Brasil / A. Rambo // Perspectiva Economica. – 1996. – Vol. 23. – No 62; Ramos E. O teatro da sociabilidade: um estudo dos clubes sociais como espacos de representacoes das elites urbanas alemas e teuto-brasileiras em Sao Leopoldo 1850/1930 / E. Ramos. – Porto Alegre, 2000. Tese de Doutorado, PPGH/UFRGS; Tesche L. A pratica do turnen entre os imigrantes alemaes e seus descendentes no RS: 1867-1942 / L. Tesche. – Ijui, 1996.

[21] Журандир Д. Парковая линия. – С. 51, 162.

[22] Там же. – С. 55, 102.

[23] Там же. – С. 53 – 54, 170.

[24] Там же. – С. 77.

[25] О радикализации социального движения см.: Fausto B. Trabalho Urbano e Conflito Social / B. Fausto. – São Paulo, 1986; Sader E. Historia do Movimento Operário Brasileiro no século XX / E. Sader. – Belo Horizonte, 1980.

[26] Журандир Д. Парковая линия. – С. 125.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[27] Журандир Д. Парковая линия. – С. 185.
[28] О националистическом дискурсе в контексте бразильской модернизации см.: Lessa C. Nação e nacionalismo a partir da experiencia brasileira / C. Lessa // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 237 – 256.
[29] Журандир Д. Парковая линия. – С. 187.
[30] См. подробнее об этих тенденциях в развитии Бразилии: Fausto B. O pensamento nacionalista autoritário (1920/1940) / B. Fausto. – Rio de Janeiro, 2001.
[31] О феномене авторитаризма в Бразилии см. подробнее: Chacon V. Estado e povo no Brasil: as experiencias do Estado Nôvo e da democracia populista. 1937 – 1964 / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977; Cancelli E. O mundo da violência: a polícia da Era Vargas / E. Camcelli. – São Paulo, 1992; Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241; Carone E. O Estado Novo, 1937 – 1945 / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977; Dutra E. O ardil totalitário imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997; Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982; Repersando o Estado Novo / ed. D. Randolfi. – Rio de Janeiro, 1999; Perrazo P.F. O perigo alemão e a repressão no Estado Novo / P.F. Perrazo. – São Paulo, 1999; Schwartzman S. Estdo Novo um auto-retrato / S. Schwartzman. – Brasilía, 1983.
[32] О развитии коммунистических трендов в контексте модернизации в Бразилии см.: Alexander R. Communism in Latin America / R. Alexander. – New Brunswick, 1957; Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972 / R.H. Chilcote. – NY., 1974; Dulles J.W. Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval / J.W. Dulles. – Austin, 1983.
[33] Журандир Д. Парковая линия. – С. 352.
[34] Там же. – С. 244.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«НАМ ПОВЕЗЛО, ЧТО МЫ ЖИВЕМ В БРАЗИЛИИ»: ЕВРЕИ-КЕНТАВРЫ И ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В БРАЗИЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бразильская литература в XX веке смогла не только разорвать границы португальского языка, что проявилось в переводах произведений бразильских писателей на иностранные языки, но и интегрировать в себя литературные традиции, а так же литературный опыт эмигрантов, в том числе – и европейских. Несколько известных бразильских прозаиков XX столетия имели европейские корни. Например, Клариссе Лиспектор имела восточноевропейские, еврейско-украинские корни. Предки Афонсу Шмидта были немцами. Писательница Вира Вовк писала на двух языках – на украинском и португальском. Список можно продолжить.

Среди бразильских писателей восточноевропейского происхождения выделяется Моасир Скляр, еврейские предки которого прибыли в Бразилию из Центральной и Восточной Европы. Другой особенностью бразильской литературы XX века был ее значительный традиционализм, связанный с тем, что бразильская литература интегрировала в себя традиции предыдущих эпох, некоторые которые имели непосредственное соприкосновение с мифическими и архитическими пластами европейской и в более широком контексте латиноамериканской культуры.

Среди этих интегрированных образов – кентавр – мифическое существо, которое своим появлением обязано античности. На первый взгляд может показаться, что латиноамериканская в целом и бразильская культурная традиция в частности весьма далеки от античного наследия. Это не совсем верно. Образ кентавра, хотя и не является самым популярным в латиноамериканской культурной традиции, тем не менее относится к числу образов глубоко укорененных. Этой укорененности способствовали ранние контакты европейских испано-португальских переселенцев с американскими индейцами. К моменту колонизации Южной Америки носителями романских языков, европейская культура достигла высокого уровня развития, а часть животных вошла в культурный контекст. Среди них была и лошадь.

Индейцы, как известно, не знали культуры использования коня в военных целях и в хозяйстве. В этой ситуации появление европейцев на конях стало для них культурных шоком. Вероятно, в традиционном сознании индейцев европеец и конь представляли собой одно существо, а падение всадника вызывало у индейцев неподдельный страх в виду их уверенности в том, что живое существо раскололось надвое. Индейская культура по причине своей традиционности не могла выдержать конкуренции с европейской: в рамках политического, культурного и интеллектуального про-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

странства Южной Америки начала доминировать европейская, в том числе – и португальская, традиция.

В XX столетии эта видоизмененная в значительной степени трансформировавшаяся традиция вступила во взаимодействие с культурами европейских эмигрантов, один из потомков которых Моасир Скляр стал известным бразильским писателем. Своеобразная «дилемма кентавра», культурной двойственности, выработки единой бразильской идентичности, единого канона остро стояла как перед бразильскими властями, так и национальными сообществами Бразилии в XX веке. Поэтому в центре настоящего раздела – проблемы идентичностной и культурной рефлексии бразильских интеллектуалов[1] в контексте идентичностных поисков и процессов воображения[2] и конструирования концептов самости и идентичности.

«Кентавр в саду»[3] представляет собой роман-ассимиляцию, штрихи к истории небразильского сообщества. Сам роман открывается констатацией того, что любой иммигрант неизбежно перестанет им быть: «Мы уже не несемся вскачь. Теперь у нас все в порядке. Мы теперь такие, как все. Никто больше не обращает на нас внимания. Прошло время, когда мы считались чудаками, потому что не ходим на пляж, потому что Тита, моя жена, круглый год носит длинные брюки. Мы чудаки? Мы? Да что вы!»[4]. В конкуренции между национальным чувством, привнесенным извне, победит местная бразильская традиция. Моасир Скляр словно выносит социальный диагноз иммигрантам, который определяем как ассимиляция.

В текстах М. Скляра история предстает как история ассимиляции и разрушения в значительной степени традиционных небразильских сообществ. Это – история эмигрантских кварталов, которые вынуждены ассимилироваться и приспосабливаться к социальным и культурным реалиям бразильского общества, постепенна осваивая местные нормы и отбрасывая свои национальные традиции. В текстах М. Скляра восточные образы соседствуют с европейскими. В этом контексте бразильское предстает как бесспорно европейское, а арабское – восточное.

С другой стороны, герои М. Скляра вынуждены пребывать в условиях медленного и постепенного размывания и разрушения европейской идентичности Бразилии: если в XIX и XX веке в нее стремились немцы, итальянцы, украинцы, которые были другими, но все же оставались европейцами, то во второй половине XX столетия их сменили арабы[5]. Поэтому официант-араб предстает как некий символ чуждости, привнесенной восточности, «раздражающей пронзительной арабской музыки». Бразильские арабы не воспринимаются бразильцами в качестве настоящих бразильцев.

Процесс национального узнавания отягощен тем, что некоторые герои М. Скляра имеют еврейские корни и связанные с ними национальные стереотипы в отношении арабов. В сознание бразильца еврейского происхождения словно оказывается встроенной «вечная еврейская паранойя», в пре-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

делах которой формируется классический образ араба как чужого: «их легко вывести из себя, они очень мстительны: давно ли верблюды несли их по барханам и длинные бурнусы развевались на ветру? Если среди них оказывался предатель, они давали клятву отомстить и при первой же возможности поражали врага кинжалом». Кроме этого бразильцы, носители латиноамериканской культурной традиции как версии европейской, сами открывают для себя Восток-Ориент, который предстает для них как топос чуждости, дикости, отсталости и традиционализма: «честно говоря, только что, когда взгляд мой упал на араба-официанта, мне стало не по себе. Я вспомнил наше первое плавание в Марокко, тошнотворный запах трюма, и меня передернуло».

Но в эклектичном сознании бразильца Восток предстает как одно из многочисленных внешних впечатлений, как фактор, который стимулирует национальное воображение, способствуя формированию и функционированию новых «чужих» и «других» в рамках бразильской идентичности. На формирование подобных образов в культуре и идентичности европейских эмигрантов влияет опыт страха, опыт пережитого насилия и политического принуждения, связанного со своим неравноправным положением в Европе, в частности – в Российской Империи: «в России 1906 года – в России, потерпевшей поражение от Японии, – бедные евреи, портные, плотники, мелкие торговцы, ютились в жалких лачугах в деревнях, вечно дрожа в ожидании погрома. Погром: пьяные казаки врываются в деревню, мчатся на разъяренных конях прямо на стариков и детей, размахивая саблями направо и налево. Убивают, грабят, поджигают дома. Потом исчезают. И лишь крики и ржание отзываются эхом в грозной ночи».

Подобное существование в ожидании погрома многому научило европейских евреев, став одной из гарантий того, что в Бразилии они смогли относительно быстро и успешно интегрироваться в бразильское общество. Страх способствовал консолидации не только ради сохранения собственной культуры, но был так же неотъемлемым атрибутом еврейского опыта Бразилии, но это был в значительной степени иной страх – не страх погрома, а страх быть непонятым и стать чужим в глазах бразильского общества. Стремление не быть «другим» стимулировалось и тем, что в восточноевропейских традициях именно евреи нередко претендовали на этот статус, что оказывало существенное влияние на развитие сообщества.

С другой стороны, история иммигрантских сообществ представляет собой и историю постепенной интеграции и ассимиляции – языковой, культурной, политической социальной. Нередко ассимиляция была сознательным выбором родителей для собственных детей: «они так стараются, мои родители. Это неблагодарный труд: вырубать кустарник, сажать деревья, лечить загноившиеся раны скота, таскать воду из колодца, готовить еду. Они живут в вечном страхе, все грозит им бедой: то засуха, то наводнение, то град, то заморозки, то саранча… зато детям будет легче, утешает

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

себя отец. Они выучатся, получат степень доктора». Сама иммиграция в Южную Америку была не только актом отчаяния, попыткой побороть страх, но и испытанием: «спустя много лет она еще будет с ужасом вспоминать это путешествие. Сначала холод, потом – изнурительная жара, тошнота, запах рвоты и пота, палубы, на которых теснились сотни евреев. Мужчины в шляпах, женщины в платках, несмолкаемый детский плач».

Чувство страха и неуверенности в том, что они спасены, нередко сопровождало еврейских иммигрантов первого поколения. Вероятно, именно страх был одним из мощнейших факторов, который вынудил часть восточноевропейских евреев иммигрировать в Бразилию[6]. Это чувство с особой силой проявилось в период второй мировой войны и первые послевоенные годы: «нам повезло, что мы живем в Бразилии, – говорил отец после войны. – в Европе погибли миллионы евреев». В этом контексте «Кентавр в саду» – роман умеренно сионистский. В результате массового уничтожения европейских евреев, бразильские евреи постепенно трансформировались в носителей еврейской традиции, истории и идентичности, обретя функцию сохранения еврейского сообществ в мире. На смену испытаниям, страху погрома и убийства в Бразилии евреи столкнулись с необходимостью интегрироваться в новое общество.

Интеграция была осложнена тем, что евреи, которым предстояло стать бразильцами были носителями традиционной культуры (что способствовало на ранних этапах сопротивлению ассимиляции[7]), почти свято веря в сельского врача и достижения медицины («отец знает, что доктор Оливейра – человек сведущий. Вдруг у него получится. Вдруг он вылечит младенца-жеребенка, сделает ему операцию или какие-нибудь уколы в круп, от которых задние ноги засохнут и отвалятся, как сломанные ветки, шкура отслоится и покажутся зародыши нормальных ног. Или выпишет ему капли, пилюли, микстуру, ведь доктор Оливейра знает массу всяких средств, хоть что-то должно подействовать»), будучи не в состоянии понять, что результаты лечения вызваны не чудом, а вмешательством человека.

Интеграция была связана с освоением нового бразильского пространства, попыткой найти свое место в бразильском обществе[8]. Социализация, приобщение к языку, местным традициям не только могли в значительной степени увеличить социальную мобильность, содействуя смене статуса детей иммигрантов – эти процессы вели к отрыву от той идентичности, которую принесли родители, но которая не была передана их детям автоматически, как это могло произойти, если бы восточноевропейские евреи остались европейскими евреями. Вместо этого они предпочли стать бразильцами. Порой этот процесс интеграции мог обретать и радикальные формы: «Бернарду ушел. Он снял квартиру в центре города и порвал все связи с семьей. Но не мог отказать себе в удовольствии прокатиться мимо магазина на собственной машине с сильно накрашенной женщиной – наверняка не еврейкой – на переднем сиденье».

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

С другой стороны, молодые евреи охотно принимали социальные перемены и культурные веяния[9]. В отличие от евреев старшего поколения, которые жили в Бразилии, их почти не интересовали ни евреи, ни еврейская судьба. Они гораздо более охотно принимали новые формы культурной организации, которые порой граничили с массовой культурой и культурной протеста, разрывая старые связи, которые казались им традиционными, но будучи почти не в состоянии составить свою альтернативную систему ценностей: «изменившийся до неузнаваемости. Вылитый хиппи: длинные, давно нечесаные волосы, майка, линялые джинсы, шлепанцы. На шее на цепочке – большие часы, отцовский Патек Филип… Бросил я все это, сказал он, сидя по-турецки на полу в кабинете. Бросил зарабатывать деньги, копить на машину, жену бросил – зануда! – сына, все! Надоело… вот оно где у меня сидит… живу здесь, на трассе Рио – Сан-Паулу, где сплутую, где подработаю, продаю собственные поделки, живу то с одной женщиной, то с другой – словом, живу… живу». Молодые евреи вовсе не желали быть евреями, утруждать себя памятью о Европе и размышлениями о тяжелом политическом и культурном опыте восточноевропейских евреев. В этом контексте опыт еврейского сообщества а Бразилии был не уникален: аналогичные тенденции были характерны и для других восточно-европейских сообществ, вторые поколения в рамках которых постепенно порывали с ними связи, более охотно позиционируя себя не евреями, поляками или украинцами, но бразильцами.

Процесс превращения в бразильцев был длительным, сложным психологически и порой мучительным. Герой романа, еврей Гедали, родившийся в Бразилии, казалось бы, должен был стать бразильцев. Проблема состояла и в том, что он родился кентавром. Поэтому, изучение истории для Гедали становится поиском себе подобных: «встретилось лишь упоминание об одном народе, о хазарах, живших на юге нынешней России и обращенных в иудаизм где-то в конце первого века нашей эры. Мои родители, выходцы из тех мест, были, возможно, потомками хазар; но были ли хазары кентаврами? Об этом история умалчивает».

Процесс социализации Гедали – это попытка выстроить свой тип идентичности – идентичности бразильца-кентавра еврейского происхождения. Эти поиски идентичности постепенно приводят героя к… Марксу: «я прочел Маркса. Осознал, что через всю мировую историю красной нитью проходит непрерывная классовая борьба, но не понял, какую роль в ней могли играть кентавры. Я был на стороне рабов и против их хозяев, на стороне пролетариата и против капиталистов. Ну и что из того? Что я мог поделать? Лягать реакционеров?». Приобщение к литературе явно политического и социального[10] содержания приводит Гедали к своеобразным галлюцинациям, полусну, полубреду, где персонажами становятся, как правило, великие евреи (Шолом Алейхем, Зигмунд Фрейд, Карл Маркс): «Фрейд обменивался идеями с Марксом, барон Гирш мирно беседовал с Шолом

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Алейхемом… по совету барона Гирша Фрейд стал брать с пациентов плату; а до того деньги казались ему всего лишь символом, вроде башен готических соборов. Маркс презирал рассказы Шолом Алейхема, считая их чем-то вроде опиума для народа».

В полубреду у Гедали возникают и более страшные социальные образы чуждого, оставленного в Европе, мира: «горбатый, слепой и немой – язык был отрезан по приказу монарха – еврей целыми днями дремал в своей клетке, едва притрагиваясь к пище, которую ему приносили. Но стоило волнам народного недовольства прокатиться по улицам, как он вскакивал, принюхивался и с тоскливой гримасой на лице принимался трясти решетку и кидаться из стороны в сторону, словно одержимый. Царю сразу становилось ясно, что пора отправлять казаков на погром. Верхом на вороных злодеи врывались в еврейские местечки, убивая, грабя и поджигая дома».

Это, в свою очередь, ведет к возникновению в его надломленном сознании образа несправедливого социального мира, в котором аккумулировался как его собственный опыт, так и опыт его еврейских предков. Идентичность в бразильской литературе, созданной потомками иммигрантов, могла уже не быть национальной, она могла нести некоторые элементы и моменты национальной памяти, трансформируясь в гражданскую, социально детерминированную, идентичность. На фоне истории еврея-кентавра, сделавшего операцию и превратившегося в человека, разворачивается история Бразилии, которая в силу неудачных политических экспериментов, незавершенности модернизации приближалась к военному перевороту 1964 года. Герои романа, в целом принимая необходимость перемен и осознавая, что «эту страну надо всю взрыхлить мотыгой», мучимы предчувствиями надвигающейся катастрофы: «так продолжаться не может… эти забастовки, доллар, холуи везде командуют, будет взрыв. Взрыва не миновать… потому что власть имущие не готовы идти ни на какие уступки, даже куцую аграрную реформу – и ту отвергают».

Образ кентавра, ставшего человеком, в этом контексте играет символическую роль. Бразилия сама сравнима с образом кентавра, добровольно легшего под хирургический нож модернизации, который безжалостно отсек все, что казалось политическим элитам устаревшим и архаичным. Ситуация осложнялась и значительной фрагментацией общества – не только политической, но социальной и гендерной. Политические трудности фрагментировали не только общество в целом, но и малые группы, отдельные национальные сообщества, в том числе – и бразильских евреев: «но кто я такая, в конце-то концов, люди, скажите, кто я? Фанатичка? Террористка? Пророк Иеремия в юбке? Троцкистка?». К середине 1960-х годов от былого единства бразильских евреев не осталось и следа. Исчез из жизни главный фактор, который способствовал консолидации – иудаизм. Евреи в Бразилии стали более светским секулярным сообществом.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать несколько факторов. Тексты Моасира Скляра порождены идентичностным кризисом, который переживает современное бразильское общество в информационную и постинформационную эпоху 1990-х и 2000-х годов. Идентичностный кризис стал результатом того, что предыдущие поколения бразильских писателей, несмотря на все их попытки и усилия, не смогли сформировать единый концепт бразильской политической идентичности, который удовлетворял культурным и социальным запросам не только португалоязычных бразильцев, но и иммигрантов, а так же, в меньшей степени, и их потомков.

В этом отношении тексты М. Скляра, где переплетаются и сталкиваются бразильские, еврейские, ближневосточные и европейские типы идентичностей, организации культурного пространства, являются показательными. Символична сама фигура кентавра, который словно олицетворяет и аккумулирует в себе культурные, интеллектуальные и политические противоречия бразильского общества. Бразильский социум на протяжении XX столетия демонстрировал не только значительные успехи и модернизационные амбиции, но и показал неспособность решения принципиально важных проблем. В культурном смысле фигура кентавра наделена неизбежной двойственностью и, поэтому, противоречивостью.

На этом фоне сама бразильская модернизация уподобляется фигуре кентавра: поразительные экономические успехи на фоне нерешенных социальных проблем, соседство современных мегаполисов и трущоб, политические достижения и политически-идеологическая конфронтация, наличие диаметрально противоположных, в том числе – и экстремистских, политических трендов. «Кентаврианская» природа бразильской модернизации не ограничивается только этими проблемами. Вероятно, большее значение имеет идентичностное измерение политических, социальных и культурных перемен. Не исключено, что в текстах М. Скляра фигура кентавра символизирует именно процесс культурной и идентичностной фрагментации бразильского общества, незавершенность процессов формирования политической нации и гражданской идентичности.

Сочетание, синтез, сосуществование, софункционирование бразильских, негритянских, немецких, итальянских, украинских, еврейских, ближневосточных идентичностных трендов способствует трансформации бразильской культурной традиции на современном этапе в культуру-«кентавр». С другой стороны, сам факт появления столь противоречивого, критичного к породившей его культуре, текста, вероятно, свидетельствует о наличии мощных интеграционных трендов в рамках современной бразильской идентичности.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[1] Об интеллектуалах как историческом, социальном, политическом и культурном феномене, а так же о развитии интеллектуальной истории / истории идей как сферы гуманитарного знания в Бразилии см.: Murilo de Carvalho J. Intellectual History in Brazil: Rhetoric as a Key to Reading / J. Murilo de Carvalho // PRHI. – 1998. – No 2. – P. 149 – 168. См. так же: Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctrinnaires à história social das idéias / M.A. Lopes // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127; Silva Gouvêa M.F. A História política no campo da história cultural / M.F. Silva Gouvêa // RHR. – 1998. – Vol. 3. – No 1; Moscateli R. Um Redescobrimento Historiográfico do Brasil / R. Moscateli // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 1.

[2] О развитии националистического воображения в Бразилии см.: Albuquerque D.M. de, A invenção do Nordeste e outras artes / D.M. de Albuquerque. – Recife, 2001; Bittencourt G. O conto sul-rio-grandense. Tradição e modernidade / C. Bittencourt. – Porto Alegre, 1999; Love J. O regionalismo gaúcho e as origens da Revolução de 1930 / J. Love. – São Paulo, 1975; Seyferth G. O regionalismo da tradição na perspective nacionalista: a identidade regional segundo Gilberto Freyre / G. Seyfert // Anais do Seminario Internacional Novo Mundo nos Tropicos. – Recife, 2000. – P. 180 – 193; Vilhena L.R. Projeto e missão: o Movimento Folclórico Brasileiro (1947-1964) / L.R. Vilhena. – Rio de Janeiro, 1997.

[3] Скляр М. Кентавр в саду / М. Скляр. – СПб., 2002.

[4] http://lib.aldebaran.ru/author/moasir_sklar/kentavr_v_sadu Далее по тексту все цитаты по настоящей электронной версии.

[5] Об арабских сообществах в Бразилии см.: Castro C.M. A Construção de Identidades Muçulmanas no Brasil: Um Estudo das Comunidades Sunitas da Cidade de Campinas e do Bairro Paulistano do Brás. – São Carlos, 2007. Tese de doutorado, UFSCar; Truzzi O. Sociabilidades e Valores: Um Olhar sobre a Família Arabe Muçulmana em São Paulo / O. Truzzi // DADOS – Revista de Ciências Sociais. – 2008. – Vol. 51. – No 1. – P. 37 – 74.

[6] Подробнее см.: Lesser J. Pawns of the Powerful. Jewish Imigration to Brazil, 1904-1945 / J. Lesser. – New York University, Departament of History, 1989 (PhD Dissertation); Cytrynowicz R. Além do Estado e da ideologia: imigração judaica, Estado-Novo e Segunda Guerra Mundial / R. Cytrynowicz // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 4. – P. 393 – 423.

[7] Еврейское сообщество не было исключением. Значительные потенции, направленные на борьбу с ассимиляцией, проявляли и другие национальные сообщества в Бразилии. См.: Magalhães M.B. de, Pangermanismo e nazismo: a trajetória alemã rumo ao Brasil / M.B. de Magalhães. – Campinas, 1998; Meyer D. Identidades traduzidas. Cultura e docência teuto-brasileiro-evangelica no Rio Grande do Sul / D. Meyer. – Porto Alegre: UFRGS. Tese (Doutorado em Educação), 1999; Seyfert G. Nacionalismo e identidade étnica: a ideologia germanista e o grupo étnico teuto-brasileiro numa comunidade do Vale do Itajai / G. Seyfert. – São Paulo: USP, 1976. Tese. (Doutorado em Antropologia).

[8] О еврейском сообществе в Бразилии см. подробнее: Lesser J. O Brasil e a Questão Judaica / J. Lesser. – Rio de Janeiro, 1995.

[9] О направлениях и особенностях процесса ассимиляции национальных сообществ в Бразилии см.: Lesser J.H. Negotiating National Identity: Immigrants and the Struggle for Ethnicity in Brazil / J.H. Lesser. – Durham, 1998.

[10] О левых трендах в развитии бразильского культурного, интеллектуального и политического дискурса см.: Wiazovski T. Bolchevismo e Judaismo: A comunidade judaica sob o olhar do Deops / T. Wiazovski. – São Paulo, 2001. См. так же о развитии антилевого, антикоммунистического тренда: Gonçalves M. O Anticomunismo no Brasil / M. Gonçalves // História: Questões & Debates. – 2003. – No 39. – P. 277 – 281; Rodeghero C.S. Religião e patriotismo: o anticomunismo católico nos Estados Unidos e no Brasil nos anos da Guerra Fria / C.S. Rodeghero // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 44. – P. 463 – 488; Silva C.L. Onda vermelha: imáginarios anticomunistas brasileiros (1931-1934) / C.L. Silva. – Porto Alegre, 2001.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ГОРОД И ГЕНДЕР ВНЕ КОНТЕКСТА: ПРОБЛЕМЫ НЕЗАВЕРШЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ И НЕРАЗРУШЕННОЙ ТРАДИЦИОННОСТИ В ПРОЗЕ КЛАРИСЕ ЛИСПЕКТОР

Исследователь бразильской интеллектуальной истории, истории бразильской науки, бразильской литературы, вероятно, обращает внимание, что в антропонимии бразильских писателей, поэтов и ученых переплетены лузо-португальские, немецкие, британские, украинские, еврейские традиции. Португальские элементы в именах могут соседствовать с немецкими[1], английскими, ирландскими и славянскими, а португальские фамилии – с немецкими, итальянскими, украинскими и британскими… Это связано со сложной исторической и культурной судьбой национальных, не лузо-португальских романских, сообществ в Бразилии. Первые непортугальцы в массовом количестве появились в Бразилии в имперский период.

На протяжении XX века миграционные потоки из Европы в Бразилии возрастали. Представители первых поколений эмигрантов в бразильское общество интегрировались, как правило, со значительными трудностями в то время, как их потомки, наоборот, были склонны считать себя бразильцами, разрывали связи с сообществом родителей, нередко говоря только на португальском языке, не владея языками исторической родины. Социализация эмигрантов в Бразилии протекала различными путями. Значительная часть эмигрантов постепенно влилась в ту социальную категорию, которая может быть определена как средний класс. Среди потомков эмигрантов оказалось немало представителей научного и интеллектуального сообщества. Часть эмигрантов и их потомков в Бразилии занимались литературной деятельностью: предки Афонсу Шмидта прибыли в Бразилию из Германии, Карлоса Друммонда де Андраде – из Великобритании...

Писатели-эмигранты могли писать на родном языке – их потомки в своем творчестве использовали исключительно португальский язык. Использование любого другого языка кроме португальского вело к постепенной маргинализации. Поэтому большинство бразильских писателей немецкого, итальянского, еврейского, украинского происхождения португалоязычны. Более того, творческое наследие писателей, например, восточноевропейского происхождения, соприкасается не с тематикой сообщества происхождения, но в наибольшей степени с бразильскими проблемами, будучи интегрированным в господствующий культурный и интеллектуальный (например – постмодернистский) контекст. Это, в частности, относится и к наследию одной из крупнейших представительниц бразильского постмодернизма Кларисе Лиспектор – писательницы еврейско-украинского происхождения.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Проза Клариссе Лиспектор[2] в значительной степени гендерно детерминирована, а героиня – деперсонифицирована. В повести «Час звезды» внеиндивидуальная героиня предстает как создательница собственного нарратива: «пока у меня есть вопросы, но нет ответов, буду писать дальше… мысль есть действие. Чувство – реальность. Этого нельзя разделить – я пишу то, что пишу». Для почти анонимного, серийного рассказчика в повести «Час звезды» понятие «писать» почти равносильно попытке упорядочить социальные и культурные коммуникации, выстроить свою идентичность: «что значит “писать”? Писать – значит называть вещи своими именами. Каждая вещь – это слово». Комментируя подобный феномен М. Дачев подчеркивает, что (пост)модернисткий текст может представлять собой «своеобразные трансакции… слово и образ, звук и картину»[3]. Автор-рассказчик, почти лишенный атрибутов самости, маргинал («я не принадлежу ни к одному социальному классу, я сам по себе»), предлагает читателям свою идентичность («я пишу и заранее испытываю стыд за то, что навязываю свое повествование, такое незамысловатое и без подтекста»[4]), осознавая, что процесс предложения идентичности является почти лишенным смысла в силу того, что каждый волен выстраивать такую идентичность, которая ему в наибольшей степени предпочтительна[5].

В этой ситуации нарративный продукт, порожденный героиней вне индивидуальности, вне собственного «я», вероятно, свидетельствует о кризисе идентичности – культурной и гендерной – идентичности как истории, как совокупности событий прошлого, как истории «незамысловатой и без подтекста»[6]. Сам процесс создания нарратива в подобном контексте оказывается процессом, как разрушения, так и создания иной идентичности. Социальный мир прозы К. Лиспектор предстает как мир разрушающихся социальных и гендерных ролей[7]. Гендерные и социальные коммуникации хаотичны, нарушены. Обыденные сцены порождают необыденные фантазии: например, героиня повести «Час звезды», если видела солдата в форме воспринимала его не как объект сексуального желания и возможность смены социального статуса, но «когда она видела солдата… дрожала от удовольствия: неужели он может убить меня»[8].

Границы идентичностного пространства оказываются размытыми, что ведет к разрушению системы традиционных социальных, культурных и гендерных коммуникаций. Постепенно разрушаются и территориальные коммуникации – географическая принадлежность становится просто связью с местом. «Девушки с северо-востока» становятся просто «девушками» с просто «северо-востока» Бразилии, единственная отличительная черта которых состоит только в том, что «их здесь толпы»[9]. Круг их занятий весьма органичен. Выброшенные их периферии, принесенные волнами территориальных миграций, они не имеют значительно социального выбора. Идентичность подобных героев К. Лиспектор продолжает оставаться в значительной степени традиционной.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Традиционность определена особенностями их социализации, точнее – тем ограниченным набором благ и преимуществ современной культуры, который гарантирует социализация обитателям периферии. С другой стороны, пространство гендера в Бразилии подвергалось постепенной фрагментации, о которой свидетельствует возникновение феминистских трендов. Наряду с просто «девушками с Северо-Востока» в прозе К. Лиспектор возникает и другой женский тип с более ярко выраженной феминностью – как собственно гендерной, так и социально-политической. Гендерное пространство оказывается фрагментированным: помимо носителей традиционной культуры в текстах К. Лиспектор мы сталкиваемся с образами феминисток, которые «во имя грядущего совершенства»[10] были готовы разрушить традиционный гендерный ландшафт отношений доминирования и подчинения. Возможные варианты социализации выходцев с периферии (как и их облик – «была низенькая девушка, как полагалось быть женщине быть, полноватая, как и полагается быть женщине»[11]) не отличались разнообразием, варьируясь между нищетой, традицией и церковью, которая соединяла и первое и второе: «дитя сертана, она родилась рахитичной… когда ей было два года, родители умерли в штате Алагоас… она переехала в Масейо со своей богомольной теткой»[12].

Более того, до двух лет героиня повести «Час звезды» вообще не имела имени: родители не были уверены выживет она или нет. Убедившись, что девочка не умерла, родители все-таки дали ей имя Макабеа, которое в городе воспринимается как маргинальное, «звучащее как название болезни»[13]. С другой стороны, традиционность, описываемая К. Лиспектор, представляла собой постепенно разрушающуюся традиционность: «предместье Сан-Жералдо в 192… уже мешало с запахом конюшен что-то из новой жизни. Чем больше фабрик строилось окрест, тем быстрее предместье обретало свой рост и силу»[14]. В этом контексте модернизация предстает не просто как механическое разрушение традиции, но как противостояние различных социальных миров, связанных с диаметрально противоположными типами идентичности – аграрной традиционной и урбанистической модерной[15].

Герои К. Лиспектор не являются носителями в полной степени сложившейся традиционной идентичности, являясь в большей степени жертвами незавершенной социализации, что, например, проявляется в отношении к религии: «тетка заставляла ее молиться, но набожность не пристала к ней: тетка умерла, и она никогда больше не была в церкви, потому что ничего не чувствовала и святые были ей непонятны»[16]. Религиозность одного из героев повести «Час звезды», Олимпику, в значительной степени традиционна[17]. Иисуса Христа он, например, воспринимал «прямо как человека, только без золотого зуба»[18]. Незавершенность социализации, неполная включенность в систему социальных связей и коммуникаций, неспособность понять и объяснить перемены («…жители не могли с точностью ска-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

зать, какие перемены их затронули…»[19]) способствует фрагментации идентичности, осложняя не только процесс восприятия ценностей традиционной культуры, но и адаптации маргиналов с периферии в городах, которые предлагали им совершенно иные концепции идентичности.

Универсальным методом социализации было насилие и принуждение, определяемое гендерными и возрастными факторами: «тетка била ее по макушке… била костяшками пальцев… тетка била ее и не только потому, что получала при этом чувственное наслаждение». С другой стороны, насилие, институционализированное в рамках семьи, позиционировалось как один из вариантов избежать маргинализации, не опустившись до статуса «тех девиц, что прогуливаются по улицам Масейо с зажженной сигаретой, поджидая мужчин». В тексте повести «Час звезды» мы находим и иной вариант социализации, в рамках которого героиня определяла себя схематично, но унифицировано – «я машинистка и девственница, и люблю кока-колу»[20].

Наряду с подобными, в некоторой степени модернизированными сообществами, в Бразилии, описанной в прозе К. Лиспектор, существуют и гибридные общества, сочетающие элементы традиционности и начинающейся современности: «повозку тащили медлительные лошади… нетерпеливый автомобиль гудел сзади, пуская дым». Бразилия предстает как страна, где «в эпоху слома и нерешенности» возникало «чистое поле новой эры». На смену Бразилии как Руритании приходит новое общество, «стегаемое моторами заводов, разрываемое скоком лошадей и внезапными гудками фабрик»[21]. Дихотомия модерного и немодерного, современного и контрсовременного оказывало значительное влияние на протекание социальных и политических процессов, способствуя фрагментации культурного пространства Бразилии, что осложняло процесс модернизации, тормозя его. Мир героев К. Лиспектор максимально узок: Макабее, например, «не приходила в голову, что в мире существуют другие языки, она была уверена, что в Бразилии говорят только по-бразильски»[22].

Одним из важнейших атрибутов современной, серийной и унифицированной культуры, смеси «лака для ногтей, туалетного мыла и пластмассы»[23], является образование, обреченное быть серийным и унифицированным. В текстах К. Лиспектор северо-восток Бразилии предстает как топос традиционности и поэтому герои с северо-востока «доучившись до третьего класса средней школы едва умеют читать и писать»[24]. Героини К. Лиспектор «не нуждались в особом интеллекте»[25]. Социальный выбор определяем их статусом, который делает едва ли не единственно возможным занятием для них проституцию: «есть девушки, которые продают свое тело, единственное, чем они владеют»[26]. Проституция трансформируется в феномен почти традиционным и вместе с тем современный, массово потребляемый, укорененный в самой социальной природе бразильского города.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Идентичность, идентичность «одних из миллионов»[27], в этой ситуации стала продуктом «массовой» культуры, культуры масс, порождением серийности. Вероятно, именно поэтому социальные и культурные ориентиры для нее пребывали где-то между кинотеатром (посещение кино предстает как «ежемесячная роскошь», в выбор героини не отличается разнообразием – «Макабеа любила фильмы ужасов… больше всего ей нравились повешенные женщины и выстрелы в сердце») и рекламой – «холодными ночами… она любила читать при свете свечи старые рекламные объявления, которые вырезала в конторе из старых газет». Другие социально-культурные ориентиры города казались для героини повести «Час звезды» недосягаемыми в силу того, что она была склонна приписывать им деструктивный социальный контент. Например, таким антиобъектом в городском культурном пространстве для нее являлся ресторан: «ей всегда почему-то казалось, что каждая женщина, входящая в ресторан – француженка и проститутка»[28].

Завершая настоящий раздел, остановимся на нескольких аспектах, связанных с творческим наследием К. Лиспектор. Не исключено, что именно тексты К. Лиспектор являются своеобразным интеллектуальным пиком не только в развитии бразильского литературного феминизма, но и бразильского постмодернизма – по крайней мере, его феминистского тренда, если выделение такового возможно. Кларисе Лиспектор в своих текстах содействовала разрушению обыденного восприятия действительности, фрагментируя и разрушая целостность социального и культурного пространства своих героев. Герои писательницы не являются традиционными и современными. В ее текстах действует переходный и трансформирующийся тип героя, что связано с наличием особой идентичности, порожденной кризисом, непоследовательностями и противоречиями процессов культурной и политической модернизации.

Герои К. Лиспектор пребывают, таким образом, в состоянии внутреннего идентичностного кризиса, что в наибольшей степени вызвано внешними факторами: бразильский социум в целом оказался не в состоянии выстроить новую систему координат для политического, социального, а также культурно-интеллектуального развития. В этой ситуации герои Клариссе Лиспектор – это герои перехода – перехода от традиционности к современности, от модерности к постмодерности, от пассивного обладания культурными и социальными статусами к самостоятельному выбору социальных и идентичностных ролей.

Анализируя тексты Кларисе Лиспектор, во внимание следует принимать и то, что ее произведения в некоторой степени могут быть определены как тексты-противостояния, в которых доминирует дискурс столкновения и конфронтации различных идентичностных, социальных и культурных типов. Итог подобного противостоянии предсказать несложно. Он связан с биографией *бразильской* писательницы, социализация которой в

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

рамках *бразильского* общества стала постепенным размыванием и разрушением дискурса *восточно-европейского*, *еврейско-украинского*, традиционализма. Протекающие в текстах Кларисе Лиспектор перемены и изменения формируют весьма своеобразный анамнез модернизирующегося бразильского социума, историю болезни и отмирания традиционных социальных практик и коммуникаций, традиционных типов идентичности.

В этой ситуации произведения К. Лиспектор представляли собой и некий своеобразный диагноз умирающему традиционному обществу, перспектива развития которого – гибель в конкуренции и противостоянии с современным обществом. В подобном контексте социальный мир произведения бразильской писательницы предстает как весьма нестабильный, основными факторами существования и функционирования которого являются принуждение и насилие. Гендер трансформируется в то, что подавлено и подавляется. На этом фоне возможна интерпретация текстов К. Лиспектор как феминистских, в рамках которых феминность и мускулииность, брутальность и принуждение, угнетение и освобождения являются координатами в невыстроенном окончательно социальном и культурном пространстве.

Социальный мир Кларисе Лиспектор – это мир незавершенной культурной модернизации, гендерно и традиционно детерминированное пространство, в рамках которого социальные и культурные роли, идентичностные статусы внеисторичны и внесоциальны одновременно, что в целом связано с незавершенностью формирования бразильской идентичности, которая на протяжении второй половины XX столетия развивалась в условиях сосуществования тенденций как для развития национальной идентичности, так и регионализации.

---

[1] Об истории немецкого сообщества в Бразилии см.: Voigt A.F. O teuto-brasileiro: a história de um conceito / A.F. Voigt // Espaço Plural. – 2008. – Vol. IX. – No 19. – P. 75 – 81; Rambo A. Teuto-argentino, teuto-brasileiro, teuto-chileno: identidades em debate / A. Rambo // Estudos Ibero-Americanos. – 2005. – Vol. XXXI. –No 1. – P. 201 – 222.

[2] О творчестве Кларисе Лиспектор см.: Helena L. A vocação para o abismo: errância e labilidade em Clarice Lispector / L. Helena // Revista brasileira de literatura comparada. – 2000. – Vol. 5. – P. 179 – 190; Siqueira J.S. Análise semiótica do conto “Gertrudes pede um conselho” de Clarice Lispector / J.S. Siqueira // Gláuks. – 2007. – Vol. 7. No 1. – P. 199 – 215.

[3] Дачев М. Граници на езика в модернистичното съзнание / М. Дачев // Езиците на европейската модерност. Български и словашки прочити / съст. Ц. Атанасова, Х. Балабанова, Я. Кошка. – София, 2000. – С. 47.

[4] Лиспектор К. Час Звезды / К. Лиспектор / пер. с порт. Е.И. Белякова. – М., 2000. – С. 7, 14 – 15.

[5] В теоретическом плане об этом см.: Hall S. A identidade cultural na pos-modernidade / S. Hall. – Rio de Janeiro, 1998.

[6] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 8.

[7] О гендере в рамках бразильской культурной традиции см.: McCallum C. Restraining Women: Gender, Sexuality and Modernity in Salvador da Bahia / C. McCallum // Bulletin of Latin American Research. – 1999. – Vol. 18. – No 3. – P. 275 – 293.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

[8] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 34.
[9] Там же. – С. 7.
[10] Лиспектор К. Осажденный город / К. Лиспектор / пер. с порт. И. Тыняновой. – М., 2000. – С. 20.
[11] Лиспектор К. Осажденный город. – С. 21.
[12] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 25.
[13] Там же. – С. 43.
[14] Лиспектор К. Осажденный город. – С. 13.
[15] Об урбанистических трендах в развитии бразильского националистического дискурса см.: Pinto M.I. Urbes industrializada: o modernismo e a paulicéia como ícone da brasilidade / M.I. Pinto // Revista Brasileira de História. – 2001. – Vol. 21. – No 42. – P. 435 – 455.
[16] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 27. О феномене женской религиозности в Бразилии см.: Alvarez S. Women's participation in the Brazilian people's church: a critical appraisal / S. Alvarez // Feminist Studies. – 1990. – Vol. 16. – No 2. – P. 381 – 409; Drogus C.A. Women, religion and social change in Brazil's popular church / C.A. Drogus. – Notre Dame, 1997; Lobo E.S. A classe operária tem dois sexos: trabalho, dominação e Resistencia / E.S. Lobo. – São Paulo, 1991.
[17] О феномене религиозности в контексте бразильского модернизма и феминизма см.: Rosado-Nunes M.J. Direitos, cidadania das mulheres e religião / M.J. Rosado-Nunes // Tempo Social, revista de sociologia da USP. – 2008. – Vol. 20. – No 2. – P. 67 – 81.
[18] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 46.
[19] Лиспектор К. Осажденный город. – С. 13.
[20] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 26 – 27, 34.
[21] Лиспектор К. Осажденный город. – С. 15, 19.
[22] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 52.
[23] Там же. – С. 20.
[24] Там же. – С. 11.
[25] Лиспектор К. Осажденный город. – С. 27.
[26] Лиспектор К. Час Звезды. – С. 10.
[27] Там же. – С. 9.
[28] Там же. – С.34, 37, 39, 59.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

«ГРЯЗНЫЕ ИТАЛЬЯНЦЫ» И «ПРОКЛЯТЫЕ ИТАЛЬЯШКИ»: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ИТАЛЬЯНСКОГО СООБЩЕСТВА В БРАЗИЛИИ В ДИСКУРСЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ МАРИИ ЛЕОНОРЫ СОАРЕШ)

Бразилия, которая в своей истории знала и колониальный период, на протяжении длительного времени развивалась как постколониальная страна, что связано, в том числе, и с особенностями в процессе формирования демографического состава населения. Расположенная в Южной Америке, Бразилия в течение длительного времени была привлекательной для европейцев, которые решались на переселение, вызванное различными причинами, среди которых наибольшую роль играли причины экономические и социальные. Социальные и экономические проблемы и противоречия в Европе толкали немцев, украинцев, итальянцев на иммиграцию. По степени привлекательности Бразилия конкурировала с США и Канадой, а так же со своими южноамериканскими соседями – Аргентиной и Чили. Подобно Соединенным Штатам Бразилия привлекала иммигрантов теми возможностями, которые она для них создавала.

Анализируя проблему европейской иммиграции в Бразилию, во внимание следует принимать социальный состав иммигрантов, которые пополняли ряды жителей Бразилии, становясь позднее и бразильскими гражданами.

Во-первых, к иммиграции морально были готовы те группы, которые в Европе подвергались преследованиям по религиозным (восточноевропейские евреи), национальным (поляки и украинцы из Российской и Германской Империй) или политическим (левые, анархисты и прочие радикально настроенные маргиналы) мотивам. Во-вторых, иммиграция была привлекательной как средство социальной мобильности: переезд в Бразилию мог восприниматься как путь если не наверх социальной лестницы, то как попытка улучшить свое положение в первую очередь через получение земли – это было вызвано тем, что большинство мигрантов были носителями традиционной крестьянской идентичности.

В-третьих, история европейских сообществ в Бразилии – это история их постепенной ассимиляции[1], интеграции в бразильское общество, что сопровождалось не только культурным и интеллектуальным вкладом иммигрантов и их потомков, но и постепенной политизацией и радикализацией иммигрантов, особенно – на ранних этапах адаптации, когда условия их существования отличались сложностью и были немногим лучше тех, в которых они жили в Европе. В XX столетии история европейских иммигрантов в Бразилии стала именно историей, историей приспособления, историей коллективного исторического, политического, культурного и интеллектуального опыта итальянских, немецких, украинских иммигрантов.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Значительная часть потомком иммигрантов ассимилировалась, а сама тема иммиграции заняла свое место в бразильской литературе.

Спектр произведений, посвященных иммигрантам, отличается значительным разнообразием, варьируясь от качественных с литературной точки зрения текстов, оставивших след в истории бразильской литературы и интеллектуальной традиции до текстов, порожденных массовой культурой, культурой серийности и потребления, а так же ее латиноамериканским вариантом – сериалом. Бразильский сериал связан с массовой бразильской литературой. Некоторые тексты могли стать основой сериала. С другой стороны, сериалы могли породить серию книжной продукции, что было связано с кризисом традиционной коммуникации, основными участниками которой были автор как создатель и читатель как потребитель. Визуализация культуры привела если не к «смерти автора», то к отмиранию «автора» и «читателя» как интеллектуальных сообществ[2]. Среди текстов, которые четко соотносятся с сериалами, следует упомянуть произведение бразильской писательницы Марии Леоноры Соареш, ставшее основой сериала «Terra Nostra», который в русской версии известен как «Земля любви, земля надежды». В центре настоящего раздела будут проблемы, связанные с восприятием опыта итальянских иммигрантов в бразильской серийной массовой культуре не примере текстов М.Л. Соареш.

Одна из центральных проблем в текстах М.Л. Соареш – проблема самосознания итальянских иммигрантов[3], но в отличие от более ранних произведений бразильской литературы, тяготеющих к классической традиции, проблемы идентичности у М.Л. Соареш в значительной степени упрощены, приземлены и описаны схематично, сводясь к добровольному, почти случайному определению героями-иммигрантами собственной идентичности. В частности, один из героев романа «Земля любви, земля надежды» мог быть «настолько лояльным к итальянцам, что не раздражался». С другой стороны, периоды индифферентного отношения к итальянцам могли сменяться приступами италофобии «к грязным итальянцам» и «проклятым итальяшкам»[4], несмотря на то, что «он был итальянцем по отцу».

В этой ситуации уверенность иммигрантов старшего поколения, что в молодых, выросших в Бразилии и говорящих преимущественно на португальском языке, итальянцев «может вселиться дух итальянца»[5] была не более чем иллюзией и своеобразной защитной реакцией итальянского сообщества, которое сталкивалось с вызовами ассимиляции. По мере интеграции в бразильское общество, по мере развития смешанных браков в Бразилии выросло поколение итальянцев, которые не были способны принять итальянский язык и традиции, отторгая их как чуждые. Пример подобной ассимиляции – Маурисиу – для которого характерно резкое неприятие итальянской культуры и языка, несмотря на то, что они были родными для его отца.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

На этом фоне происходит показательный спор Маурисиу и его матери: «я всегда подозревал, что ты помешанная… ты помешалась на итальянцах… хочешь стать счастливой с итальянцем… я этого не позволю… итальянца в своем доме не допущу». С другой стороны, во время ссоры с женой и ее родственниками Маурисиу «сыпал во всеуслышание» именно «отборными итальянскими ругательствами». Размышления героев-итальянцев о «духе», вера в существование приведений («уязвленный дух покойного итальянца Луиджи Арелли вырвался наружу и теперь витает над фазендой»), разговоры о переселении душ («мертвый итальянец овладел душой Маурисиу»[6]) вероятно, в наибольшей степени свидетельствует о том, что итальянское сообщество существовало в условиях доминирования традиционной идентичности. Итальянцы отторгались бразильцами не просто как носители традиционной культуры.

Неприятие могло иметь и политические мотивы в силу того, что итальянцы воспринимались как «смутьяны, съехавшиеся в нашу благословенную страну». Другие герои романа, обитатели аграрной периферии, не менее традиционны, чем итальянские иммигранты: их объединяла не только истовая веря в сверхъестественное (в частности, гаушу Зангон «опасался гнева старой колдуньи Риты, вездесущее и недремлющее око которой, чудилось ему повсюду»[7]), но и неспособность преодолеть существовавшие культурные и социальные границы и барьеры между недавними иммигрантами, лузо-бразильцами и мулатами.

В подобной ситуации происходила виктимизация итальянцев, которые сознательно конструировали образ своего сообщества как жертвы («…никто не знает, кого он захочет убить в следующий раз… сегодня хотел убить Марселло… завтра меня… ведь мы все итальянцы…») со стороны агрессии со стороны лузо-бразильцев, что было своеобразной защитной реакцией, связанной как со стремлением сохранить свою идентичность, так и отделить свое сообщество от бразильцев и других сообществ европейских иммигрантов. В этой ситуации драка между итальянцами и бразильцами превращается не просто в мелкий конфликт, но в социальное столкновение: носители традиционной культуры, иммигранты старшего поколения, выросшие в традиционной системе социальных и культурных связей, не могут понять как молодые итальянцы, которые в большей степени осознают себя как бразильцев, «могут поднять руку на хозяина»[8].

Традиционная идентичность проявлялась у героев М.Л. Соареш после того как они попадали в город, который «потрясал их своим диковинным видом. Сколько тут домов! И все они стоят, как будто один на другом, стоят и не падают». В сознании выходцев с периферии, носителей традиционной идентичности город нередко отторгался как органически чуждое явление: «в городе люди злые как собаки». Для итальянских героев М.Л. Соареш характерна развитая именно итальянская идентичность. В этом отношении особенно показательны итальянцы старшего поколения, социали-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

зация которых проходила не в Бразилии, а в Италии. Именно последняя воспринималась ими как Родина, а сама иммиграция могла казаться лишь временным явлением: «…сеньор Дженаро, а вы не могли бы съездить в Италию… если честно, я очень соскучился по нашей Чивите… я бы посмотрел, что сталось с нашим домом… я просто запер его на ключ и уехал…»[9].

Иммигранты младшего поколения уде столь трепетным отношением к родине родителей не отличались. Но и временно возвращавшиеся в Италию итальянцы уже не воспринимали Италию как свою Родину в силу того, что отторгались самими итальянцами: «по Чивите Дженаро ходил как чужой. Все как будто его сторонились… он стал чужаком… ничего кроме хвастливых речей фашистов, готовых завоевать весь мир, он не услышал»[10]. Часть итальянцев в Бразилии, наоборот, позитивно восприняла фашистские идеи[11], что проявилось, например, в связях с бразильскими правыми радикалами – интегралистами[12]. В частности один из героев романа Фарина пользовался уважением и за то, что имел «хорошие связи с итальянскими фашистами», что было важно на фоне роста правых идей в Бразилии («многие из нас убежденные сторонники фашизма»[13]).

В истории итальянского сообщества, описанного М.Л. Соареш, были и другие стратегии поведения итальянцев в отношении фашизма, в большей степени вынужденные, нежели сознательные. В частности, итальянец Тони был вынужден в Италии присоединиться к партизанам-антифашистам[14], но и то в большей степени случайно – его поездка на родину родителей совпала с попыткой вернуть сбежавшую в Италию жену. Подобная ситуация, вероятно, свидетельствует о том, что иммиграция вела к разрыву социальных связей, разрушению культурной идентичности и фрагментации некогда единого итальянского культурного пространства. Итальянские сообщества подвергались поколенческой фрагментации, утрачивали свою закрытость и гомогенность, что способствовало ассимиляции итальянцев в Бразилии.

Другим важным фактором было и то, что итальянская иммиграция в Бразилию нередко имела экономические основания. Итальянские иммигранты пополняли ряды нового социального класса – бразильского пролетариата. Нередко первыми в этот новый класс вливались итальянки, оседавшие в городах и вынужденные искать работу. Переселение в город нередко вело для итальянцев к смене социального статуса – они были вынуждены заново выстраивать систему социальных связей и коммуникаций. С другой стороны, это оказывало существенное влияние и на политизацию бразильских итальянцев, способствуя росту популярности левых идей. В этой ситуации социально ориентированная пропаганда легко воспринималась женщинами, которые с интересом могли читать статьи о тяжелой жизни иммигрантов: «…они входят в ворота фабрики словно стадо, не сознавая собственной силы и не понимая, что могут и должны бороться за

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

свои права… подневольные ткачихи приводят в движение машины и станки… день ото дня они сгибаются над станками, старея от тяжелого труда гораздо быстрее, чем эти станки…». И по прочтении статьи итальянки, выросшие в Бразилии, для которых родным языком стал португальский, начинают размышлять о «безнравственной политике Жетулиу Варгаса»[15].

Анализируя феномен политизации итальянского сообщества, во внимание следует принимать и то, что включение в политическую жизнь вело к разрушению привезенной из Италии социальной и культурной замкнутости, кризису традиционных форм идентичности, возникновению новых альтернативных форм политического участия, что оказывало влияние и на ассимиляцию итальянцев, их интеграцию в бразильское общество. В текстах М.Л. Соареш значительную роль играют гендерные образы. Развитие феминности в ее произведениях в большей степени свидетельствует о шаге назад в сторону почти романтической литературной традиции с характерными для нее идиллическими и схематическими женскими типами: «Жулия не похожа ни на одну из женщин, ее нельзя сравнивать с другими»[16].

Женские образы в текстах М.Л. Соареш почти лишен того протестного содержания, которое было характерно для других бразильских писателей: женщины словно предназначены для подчинения и подавления мужчиной. Женщины в текстах М.Л. Соареш сами выстраивают систему своего подчинения – в частности, Жулия сама признается Зангону, что «ты тот мужчина, которого я видела во сне… это знак судьбы, ты послан мне судьбой»[17]. Подчиненность женщины институционализирована социально и культурно, передаваясь от поколения к поколению. Поэтому попытки итальянских иммигрантов молодого поколения пересмотреть традиционные отношения вызываю раздражение со стороны иммигрантов старшего поколения.

В то время, когда молодые, выросшие в Бразилии, итальянки стремились к самостоятельности, их родители руководствовались принципом «ешь хлеб вдоволь, заботься о муже и рожай ему детей». Герои-мужчины, наоборот, склонны доминировать. Это маскулинное доминирование осложнено и ролями, связанными с национальным происхождением: полубразилец-полуитальянец склонен приписывать себе более высокий социальный статус, чем жене-итальянке. Именно поэтому, после семейного конфликта в отношениях между ними для него возможна лишь одна стратегия: «Катэрину, если понадобиться, я на аркане приволоку… с ней нечего церемониться, она из проклятых итальяшек»[18].

Подобное развитие гендерных нарративов, вероятно, следует рассматривать не только как одно из проявлений литературной регрессии, но в большей степени как свидетельство принадлежности текстов М.Л. Соареш к массовой культуре, круг потребителей которой способен воспринимать «литературный» текст в готовом, «расшифрованном» виде. Тексты М.Л. Соареш наполнены схематическими образами, отсылающими к магист-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ральным проблемам бразильской культурной и политической истории XX века. В частности, один из героев романа Зекинью в споре с Зангоном восклицает «посадишь Жулию на круп своего скакуна, и помчимся все вместе искать новые земли»[19].

В этом контексте, вероятно, становится очевидным, что проблемы миграции и территориальной мобильности, которые имели принципиально важное значение для формирования демографической и территориальной структуры бразильской территории в XX столетии, сведены к стихийному, почти романтическому, порыву. С другой стороны, текст романа схематичен: действие порождает ответную реакцию («вдохновленный напутствием… Зангон отважился на объяснение с Жулией и услышал от нее ответное признание в любви»[20]), причем, как правило, такую, которая желаема читателям и ожидаема потребителем подобного рода литературы, что, вероятно, указывает на маргинальный характер текста в контексте бразильской литературной традиции и, вместе с тем, на его полную нормальность в массовой литературе.

Подводя итоги настоящего раздела, во внимание следует принимать несколько факторов. Тексты М.Л. Соареш являются частью литературной и интеллектуальной традиции, связанной с (пере)осмыслением итальянского опыта в Бразилии. Вероятно, следует их сравнить с произведениями Далсидиу Журандира и М.А. Баррозу. Текст Д. Журандира из всех трех имеет наибольшее отношение к бразильской литературной классике, сочетая политический проблемы с приверженностью литературным канонам. Роман М.А. Баррозу тоже в большей степени тяготеет к литературе качественной, но несколько политизированной и популяризированной, рассчитанной на определенный круг читателей, в том числе – и женщин.

Тексты М.Л. Соареш на этом фоне явно проигрывают. С классической литературной традицией их соотнести практически невозможно. В отличие от качественных текстов предшественников, произведения М.Л. Соареш демонстрируют то, как литература может интегрироваться в дискурс массовой культуры, культуры серийности. На смену читателям Д. Журандира и М.А. Баррозу пришли потребители текстов М.Л. Соареш. Тексты Соареш предназначены в большей степени для потребления. Они несут в себе набор типичных персонажей, клишированных линий развития сюжета. В подобный набор входят «мотивы» феминизма и политического протеста, которые несут меньшую смысловую и политическую нагрузку по сравнению с текстами Д. Журандира и М.А. Баррозу.

С другой стороны, создатели текстов-сериалов и сериалов-текстов озабочены донесением своего продукта для потребителя: литературный текст в этой ситуации имеет и визуальное продолжение в виде сериала. Текст из собственно литературного текста трансформировался в набор необходимых элементов, порядок которых может быть и случайным. На смену тексту как художественному произведению пришел текст-трансформер,

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

что с особой очевидностью заметно на фоне связи подобной литературы с массовой культурой, в частности – с культурой сериалов. Мы можем начать смотреть сериал не с начала, а с середины. Подобная ситуация складывается с текстами, где почти каждый фрагмент самодостаточен, будучи вырванным из общего литературного контекста. Стратегия написания текста и создания культурного продукта ведет к фрагментации культурного и интеллектуального пространства.

---

[1] О процессах ассимиляции национальных сообществ в Бразилии см.: Oberacker C.H. Contribuição Teuta a Formação da Nação Brasileira / C.H. Oberacker. – São Paulo, 1968; Willems E. Assimilação e Populações Marginais no Brasil / E. Willems. – São Paulo, 1940; Willems E. A Aculturação dos Alemães no Brasil: estudo antropológico dos imigrantes alemães e seus descendentes no Brasil / E. Willems. – São Paulo, 1980; Neiva A.H. A imigração e a colonização no governo Vargas / A.H. Neiva // Cultura Política. – 1942. – No 21. – P. 217 – 240; Neiva A.H. O Problema Imigratório Brasileiro / A.H. Neiva // Revista de Imigração e Colonização. – 1944. – Vol. V. – No 3. – P. 468 – 584.

[2] Об этом процессе в теоретическом плане см.: Вачева А. Литературоведът – между текста и метатекста // http://liternet.bg/publish4/avacheva/literaturovedyt.htm

[3] Об итальянцах в бразильском культурном дискурсе см. подробнее статью А. Сантурбану: Santurbano A. Italia e oltre: sentieri narrative (1881 – 2002) / A. Santurbano // TriceVersa. Revista do Centro Italo-Luso-Brasileiro de Estudos Lingüisticos e Culturais. – 2007 – 2008. – Vol. 1. – No 2 // http://www.assis.unesp.br/cilbelc

[4] Соареш М.Л. Земля любви, земля надежды. По праву любви / М.Л. Соареш / пер. с порт. – Мн., 2004. – С. 16.

[5] Соареш М.Л. Земля любви, земля надежды. – С. 4, 10.

[6] Там же. – С. 5, 18, 31.

[7] Там же. – С. 6 – 7, 245.

[8] Там же. – С. 12 – 13.

[9] Там же. – С. 20, 166 – 167.

[10] Там же. – С. 49.

[11] О восприятии фашизма в интеллектуальном и политическом дискурсе Бразилии см.: Bertonha J.F. O Brasil, os imigrantes italianos e a politica externa fascista, 1922-1943 / J.F. Bertonha // Revista Brasileira de Política Internacional. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130; Bertonha J.F. Sob o Signo do Fascio – O fascismo, os imigrantes italianos e o Brasil, 1919-1945 / J.F. Bertonha. – Campinas, 1998. Universidade de Campinas. Tese (Doutorado em Historia Social); Bertonha J.F. Divulgando o duce o fascismo em terra Brasileira: a propaganda italiana no Brasil, 1922 – 1943 / J.F. Bertonha // Revista de História Regional. – 2000. – Vol. 5. – No 2. – P. 83 – 112.

[12] Lima Motta P., Mello Barboza J. El nazismo eb el Brasil / P. Lima Motta, J. Mello Barboza. – Buenos Aires, 1938; Sombra L.H., Guerra L.F. Imagens do Sigma / L.H. Sombra, L.F. Guerra. – Rio de Janeiro, 1998; Trindade H. Integralismo: O fascismo brasileiro na década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979.

[13] Соареш М.Л. Земля любви, земля надежды. – С. 232.

[14] Там же. – С. 350.

[15] Там же. – С. 98, 99.

[16] Там же. – С. 7.

[17] Там же. – С. 8.

[18] Там же. – С. 29, 69.

[19] Там же. – С. 7.

[20] Там же. – С. 8.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XX век в историю Бразилии вошел как столетие национализма. Политический и гражданский национализм был большим интеллектуальным, культурным и социальным бэк-граундом, на фоне которого протекали модернизационные процессы с политической и экономической сфере. Гражданский национализм проявлялся не только в политической сфере. Политический процесс не был единственной плоскостью, в рамках которой развивался национализм. Национализм проявлялся в литературных текстах. В этой ситуации литературное, культурное и интеллектуальное пространство были важными сферами функционирования националистического дискурса, развертывания и развития националистического нарратива, сферой возникновения, культивирования и развития новых идентичностей, различных идентичностных проектов, как магистральных, так и маргинальных.

Важным фактором в развитии бразильского культурного и политического национализма в XX веке было имперское наследие. Именно в период Империи были заложены некоторые важные основания функционирования бразильской политической нации: возникла сама идея Бразилии как политической нации, основанная на идеях идентичности и лояльности императорской власти. Из этих ценностей в республиканский период оказались в большей степени востребованы именно национальные и националистические идеи в силу того, что лояльность Империи, как типу политической и культурной организации, для Республики оказалась неактуальной.

Гражданская нация в Бразилии развивалась крайне медленно и неравномерно. Процесс развития политического национализма и гражданской идентичности осложнялся многочисленными факторами, среди которых политическое наследие имперского периода. Наиболее важной проблемой, которую Республика унаследовала от Империи, состояла именно в гражданской и социальной консолидации бразильцев в политическую нацию. Предпосылки для подобной консолидации существовали. Важную роль играл опыт независимого политического и социального развития, культурного и интеллектуального функционирования, обретенный в имперский период. Перед правящими элитами Бразилии стояла задача трансформировать население страны в бразильцев как нацию.

Бразилия, подобно европейским национализирующимся странам и обществам, была национализирующимся государством и обществом. Но каким образом протекала национализация в Европе? Национализм как патриотическое чувство и политическая идея был, вероятно, уделом относительно небольшого количества людей, местных интеллектуалов. Сфера влияния национализма нередко совпадала с границами существования и пределами доминирования «высокой культуры». Первыми националистами в континентальной Европе, действительно, были люди образованные -

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

писатели, поэты, политики, которые нередко принадлежали к высшим классам общества. Именно они, изучая язык крестьян, записывая народные песни, сделали много, чтобы позднее на политической и исторической арене появились нации, о которых они мечтали и которые существовали исключительно в их воображении.

На пути постимперской трансформации в качестве одного из наиболее сложных препятствий стоял традиционализм. Несмотря на то, что процесс модернизации и социальные трансформации бразильского общества имели место и в имперский период, Империя в значительной степени функционировала как традиционное династическое государство, что органически вытекало из самого типа имперской государственности. Бразильский традиционализм коренился в самой системе социо-культурных связей и коммуникаций, построенных на принципах неформального или не в значительной степени формализованного принуждения, подавления и насилие. Факторы принуждения, подавления и насилия нередко имели не только социальные, но и расовые основания. Именно поэтому ранняя Республика в 1890-е годы столкнулась с проблемами не только национальной консолидации, но и расовой интеграции в бразильское общество бывших рабов.

Важным фактором политической консолидации в Бразилии стало национальное / националистическое воображение, связанное с деятельностью интеллектуального сообщества. Националистическое воображение проявлялось не только в политической сфере, но и в литературе. Литературные тексты формировали основу националистического дискурса. Бразильская литература XX столетия стала важной сферой культивирования и развертывания националистического нарратива, основанного на идее гражданской и национальной консолидации и расовой солидарности, что активно использовалось интеллектуалами если не для формирования бразильской политической нации, то для популяризации идеи политической гражданской нации.

Литературные тексты были важны и в контексте авторитарного опыта, когда национальное вытеснялось за пределы политического дискурса. Анализируя феномен бразильского авторитаризма, следует принимать во внимание, что степень его авторитарности уступала восточноевропейским аналогам. В этой ситуации политическая и культурная интеллектуальная сфера, вероятно, внесли одинаковый вклад в развитие бразильского национализма и идентичности. Концепты нации, лояльности и идентичности, выработанные в рамках политического и интеллектуального сообщества, являясь, в некоторой степени, альтернативными, дополняли друг друга, сосуществовали и софункционировали, способствуя актуализации национальной идентичности.

Модернизация политической сферы была маловероятна без утверждения модернистских трендов в культурной и интеллектуальной жизни. Литературный триумф модернизма в Бразилии тесно связан с началом модер-

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

низационных процессов и в политической сфере. История Бразилии XX столетия – это история модернизации, история экономического роста, политического и культурного успеха и прогресса. Вероятно, все эти позитивные перемены, которые произошли в жизни бразильского общества на протяжении XX века, были бы маловероятны без двух событий, состоявшихся в XIX столетии. Речь идет об отмене рабства и провозглашении республики. Хотя, вероятно, второе событие имело гораздо меньшее значение для модернизации в силу того, что определенные модернизационные процессы в Бразилии, связанные с развитием «высокой культуры» и распространением идеи политической нации вполне успешно протекали и в рамках монархического режима.

Культурное, интеллектуальное, политическое и социальное пространства на протяжении XX столетия оставались в значительной степени фрагментированными. Фрагментированность политического и интеллектуального поля проявлялась в сфере как национальной принадлежности, региональной детерминированности и политических предпочтений. Вероятно, не будет упрощением выделить в рамках бразильского политического пространства XX века левый и правый тренд. Левые течения были представлены различными группами и политиками, спектр идеологических предпочтений которых варьировался от умеренного левого демократизма до радикального коммунизма. В качестве их оппонентов выступали правые, среди которых выделялись интегралисты – сторонники бразильской версии европейского континентального (романского) фашизма, активно использовавшие антикоммунистическую риторику.

Эта фрагментированность бразильского пространства в наибольшей степени проявлялась в отношении к новым бразильцам – многочисленным выходцам из Европы, которые были вынуждены интегрироваться в бразильское общество, постепенно не только интегрируясь, но и ассимилируясь. Процесс интеграции / ассимиляции новых бразильцев связан и с развитием бразильского регионализма, который имел мощные культурные и национальные основания. Политическая динамика XX века почти не соотносилась с интересами национальных и региональных сообществ в Бразилии. Первые были обречены в 1930-е годы на почти принудительную ассимиляцию, вторые – на интеграцию в бразильский политический контекст. В этой ситуации регионализм бразильской литературы трансформировался из политического тренда в преимущественно интеллектуальную рефлексию относительно не просто локальной / региональной специфики, но региональной версии большой бразильской идентичности. В этом контексте литературный регионализм, развивавшийся в рамках модернистской литературной традиции, предстает как форма националистического воображения, как неотъемлемый элемент воображаемой политической бразильской географии.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Бразильский модернизм стал важным фактором в пересмотре и перераспределении социальных и политических ролей, что привело к изменениям в статусе гендера. Благодаря доминированию модернизма гендерные и социальные роли и статусы перестали совпадать. Модернизм и постмодернизм привели к уничтожению маскулинной монополии политического и интеллектуального участия. Модернистская традиция породила поколение бразильских писательниц, а дальнейшее развитие модернистских трендов привело к политизации гендера. Примечательно и то, что политизация могла протекать в рамках как правой, так и левой политической парадигмы, что способствовало не только фрагментации политического пространства, но и оказывало существенное влияние на протекание в Бразилии процессов политической модернизации.

Воздействие городской культуры нередко могло заканчиваться там, где вступали в силу традиционные отношения, связанные с рабством. В свою очередь, рабство было такой темой, о которой редкий бразильский интеллектуал, носитель «высокой культуры» упускал возможность порефлексировать. Само рабство было крайне благоприятной почвой (как не цинично это звучит) для культурных дебатов и интеллектуальных дискуссий. Само существование в Бразилии до второй половины 1880-х годов рабства, вероятно, свидетельствует о том, что страна пребывала на начальном этапе процессов модернизации. Политическая сфера так же продолжала оставаться узкой и монополизированной представителями «высокой культуры». Политические партии, как институты представительства интересов различных социальных слоев и носителей разных идентичностей, пребывали в зачаточном состоянии. Поэтому, дискурс политического доминировал в культурной сфере, что вело к тому, что литературные тексты писались как тексты политические. В условиях отсутствия гражданских и политических свобод литература превращается в важный канал развития национальной идентичности: не только в этнической, но и в политической сфере.

Развитие модернизма связано с утверждением урбанистической парадигмы в функционировании бразильского интеллектуального сообщества, которое внесло значительный вклад в ментальную урбанизацию бразильской идентичности, в рамках которой город стал воображаться как сфера насилия – политического, социального, сексуального. Возвращаясь к концепции Э. Геллнера, о которой речь шла в одном из первых разделов настоящего исследования, социо-культурная история Бразилии XX века предстает как история противостояния традиционной аграрной периферийной Руритании и связанной с центром, урбанизированной и более развитой Мегаломании. И Руритания, и Мегаломания в данном контексте – это несомненно Бразилия – Бразилия периферии и Бразилия центра.

В этой конфронтации победить смогла только… Мегаломания. Именно город разрушал не только старые политические роли, но и стереотипы

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

политического, социального и культурного поведения, связанные с гендером. Вероятно, не следует преувеличивать мощь и потенциал города в деле разрушения традиционности. Город имел принципиально важное значение в деле ослабления традиционности, ее маргинализации, вытеснению на социальную и культурную периферию. Город сформировал новый тип идентичности, основанный не только на общих социальных, политических и культурных нарративах.

Литературный триумф модернизма совпал с кризисом «высокой культуры»: в такой ситуации, если романтизм предлагал в значительной степени унифицированные схемы поведения героев (и, как результат, унифицированные идентичности), то модернизм предложил несколько вариантов поведения в условиях определенного идентичностного кризиса. На смену сингулярной идентичности приходит идентичность серийная. «Гибель» культуры элиты была ознаменована значительной политизацией масс и появлением новых политических движений, которые предлагали новые идентичностные проекты и культурные идентичности. Рождение новых идентичностей новых модерных (современных) наций протекало чрезвычайно тяжело, сопровождаясь острыми интеллектуальными дебатами.

В рамках развития бразильского модернизма возникали новые политические, культурные и гендерные идентичности. Идентичностная фрагментация политического поля сочеталась и с политической. Процесс активизации и рождения новой женщины в Бразилии совпал с появлением левого движения. В такой ситуации сложились предпосылки для постепенного сближения новой гендерной и новой левой идентичности. Это было результатом не просто политических изменений в Бразилии, не успехами модернизационной политики авторитарных, гражданских и военно-гражданских режимов. Подобные тенденции в развитии интеллектуального поля в Бразилии были связаны с утверждением мощного модернистского течения в бразильской литературе, что стало важным стимулом для национальной консолидации и развития «большой» идентичности, сочетающей не только национальные и интеллектуальные тренды, но и способной интегрировать региональные и гендерные дискурсы.

25.IV.2009 – 10. VI.2009
03.VII.2009 – 05.VII.2009
г. Воронеж

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

БИБЛИОГРАФИЯ

Нарративные источники

1. Баррету Б. Капела дос Оменс. Кафайя. Романы / Б. Баррету / пер. с порт. Н. Малыхиной, А. Богдановского. – М., 1980.
2. Баррозо М.А. В долине Серра-Алта / М.А. Баррозо / пер. с порт. В. Житков, Н. Тульчинская. – М., 1960.
3. Журандир Д. Парковая линия / Д. Журандир. – М., 1963.
4. Лиспектор К. Час Звезды / К. Лиспектор / пер. с порт. Е.И. Белякова. – М., 2000.
5. Пиньон Н. Сладкая песнь Каэтаны / Н. Пиньон. – М., 1993.
6. Под небом Южного Креста. Бразильская новелла XIX – XX веков / сост. А. Гах, Е. Голубева, предисл. И. Тертерян, ред. И. Тынянова. – М., 1968.
7. Рамос Г. Сан-Бернардо. Роман. Рассказы / Г. Рамос. – Л., 1977.
8. Сарней Ж. Легенда о вороном коне. Сборник / предисл. Н. Чершышевой, пер. с порт. А. Богдановский, Е. Ряузова, Л. Новикова / Ж. Сарней. – М., 1988.
9. Скляр М. Кентавр в саду / М. Скляр. – СПб., 2002.
10. Теллес Л.Ф. Рука на плече. Рассказы / Л.Ф. Теллес / пер. с порт. М. Волковой, Н. Малыхиной. сост. М. Волковой, предисл. Е. Огневой. – М., 1986.
11. Шмидт А. Поход. Тайны Сан-Пауло / А. Шмидт / пер. с порт. Г. Калугина. – М., 1958.
12. Шмидт А. Ненаказуемые. Повести и рассказы / А. Шмидт / пер. с порт., сост. А. Сиповича. – М., 1965.

Диссертации

1. Barros J.E. O modernismo integralista nos romances o esperado e o estrangeiro de Plínio Salgadu / J.E. Barros. – Rio de Laneiro, 2006. Tese de Doutorado… à obtenção do título de doutor em Literatura Comparada (Ciência da Literatura).
2. Bertonha J.F. Sob o Signo do Fascio – O fascismo, os imigrantes italianos e o Brasil, 1919-1945 / J.F. Bertonha. – Campinas, 1998. Universidade de Campinas. Tese (Doutorado em Historia Social).
3. Bessa V. Território e desenvolvimentismo: as ideologias geográficas no governo JK (1956-1960) / V. Bessa. – São Paulo, 1994. Dissertação de mestrado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH –USP.
4. Castro C.M. A Construção de Identidades Muçulmanas no Brasil: Um Estudo das Comunidades Sunitas da Cidade de Campinas e do Bairro Paulistano do Brás. – São Carlos, 2007. Tese de doutorado, UFSCar.
5. Diniz Filho L.L. Território e destino nacional: ideologias geográficas e políticas territoriais no Estado Novo (1937-1945). – São Paulo, 1994. Dissertacao de mestrado apresentada ao Departamento de Geografia da FFLCH-USP
6. Figueiredo A.M. de, Eternos modernos: uma historia social da arte e da literatura na Amazonia (1908-1929) / A.M. de Figueiredo. – Campinas, 2001. – 315 p. Tese

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

de doutorado. Instituto de Filosofia e Ciencias Humanas da Universidade de Campinas.
7. Fiorucci F. Neither Warriors Nor Prophets: Peronist and Anti-Peronist Intellectuals, 1945-1956. PhD Thesis / F. Fiorucci. – London, Institute of Latin American Studies, 2002.
8. Freire C.A. Indigenismo e Antropologia – O Conselho Nacional de Proteção aos Índios na Gestão Rondon (1939-55) / C.A. Freire. – UFRJ-Museu Nacional, 1990 (Dissertacao de Mestrado).
9. Lesser J. Pawns of the Powerful. Jewish Imigration to Brazil, 1904-1945 / J. Lesser. – New York University, Departament of History, 1989 (PhD Dissertation)
10. Meyer D. Identidades traduzidas. Cultura e docência teuto-brasileiro-evangelica no Rio Grande do Sul / D. Meyer. – Porto Alegre: UFRGS. Tese (Doutorado em Educação), 1999.
11. Ramos E. O teatro da sociabilidade: um estudo dos clubes sociais como espacos de representacoes das elites urbanas alemas e teuto-brasileiras em São Leopoldo 1850/1930 / E. Ramos. – Porto Alegre, 2000. Tese de Doutorado, PPGH/UFRGS. Tesche L. A pratica do turnen entre os imigrantes alemaes e seus descendentes no RS: 1867-1942 / L. Tesche. – Ijui, 1996.
12. Rodrigues L.G. Uma leitura do modernismo: cartas de Mário de Andrade e Manuel Bandeira. Dissertação (mestrado) / L.G. Rodrigues. – Rio de Janeiro: PUC, Departamento de Letras, 2003.
13. Seyfert G. Nacionalismo e identidade étnica: a ideologia germanista e o grupo étnico teuto-brasileiro numa comunidade do Vale do Itajai / G. Seyfert. – São Paulo: USP, 1976. Tese. (Doutorado em Antropologia).
14. Stern Cohen I. “Para onde vamos?” Alternativas políticas no Brasil (1930-1937) / I. Stern Cohen. – USP. Tese de Doutorado, 1997.
15. Vianna da Cruz J.L. Projetos nacionais, elites locais e regionalismo desenvolvimento e dinâmica territorial no Norte Fluminense. Tese apresentada ao Curso de Doutorado do Programa de Pós-Graduação em Planeja – Mento Urbano e Regional, IPPUR, da Universidade Federal do Rio de Janeiro-UFRJ, como parte dos requisitos necessários à obtenção do grau de Doutor em Planejamento Urbano e Regional. – Rio de Janeiro, 2003.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Исследования

На русском языке

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
2. Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973. Бразилия: перемены и постоянство / ред. Б.Ф. Мартынов. – М., 2004.
3. Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории / Ю.Л. Бессмертный // Одиссей. Человек в истории 1995. Представления о власти / ред. Ю.Л. Бессмертный. – М., 1995.
4. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.
5. Геллнер Э. Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма / Э. Геллнер. – М., 2002.
6. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Э. Геллнер // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 146 – 200.
7. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М., 2004.
8. Гендерные истории Восточной Европы / ред. Е. Гапова, А. Усманова, А. Пето. – Мн., 2002.
9. Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959 / А.Н. Глинкин. – М., 1961.
10. Забелина Т.Ю., Сосновский А.А. Бразилия до и после «чуда» / Т.Ю. Забелина, А.А. Сосновский. – М., 1986.
11. Ивановский Зб. Бразильский демократический транзит: теоретические подходы и политическая трактовка / Зб. Ивановский // Латинская Америка. – 2009. – № 2. – С. 99 – 105.
12. Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс / Н.П. Калмыков. – М., 1981.
13. Кирчанов М.В. «Немец» и «немцы», «латыш» и «латыши» в Латвии во второй половине XIX - начале XX века: между реальностью и идеологией латышского и немецкого национализма / М.В. Кирчанов // Балтийские исследования. – Калининград, 2004. – Вып. 2 (Национальные и религиозные меньшинства в Балтийском регионе). – С. 11 – 18.
14. Кирчанов М.В. Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 годах / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященных памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж, 2006. – С. 11 – 19.
15. Кирчанов М.В. «Новая» и «старая» украинская культура в творчестве Мыхайла Яцкива / М.В. Кирчанов // Украинская модернистская повесть (Михайло Яцків. Блискавиці) / сост., вступительная статья, подготовка текста М.В. Кирчанова. – Воронеж, 2007. – С. 3 – 12.
16. Кирчанов М.В. Дискурсы бразильской регионализации в контексте политической модернизации / М.В. Кирчанов // Геополитика глобализирующегося

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

мира. Материалы международной научной конференции / ред. А.А. Слинько, С.И. Дмитриева. – Воронеж, 2007. – С. 60 – 75.
17. Кирчанов М.В. Проблемы консервативной революции в контексте интеллектуальной истории бразильской модернизации 1920 – 1940-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, М.В. Кирчанов. – М. – Воронеж, 2007. – С. 25 – 37.
18. Кирчанов М.В. Литовский роман-путешествие начала 1980-х годов («Поездка в горы и обратно» – колониальный роман?) / М.В. Кирчанов // «Курорт» в дискурсивных практиках социогуманитарного знания. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 27 – 29 апреля 2007 г.). – Ставрополь – Пятигорск – М., 2007. – С. 122 – 128.
19. Кирчанов М.В. Проблемы маргинализации левых радикалов в контексте модернизационных процессов в Бразилии (1930 – первая половина 1960-х годов) / М.В. Кирчанов // Проблемы политического экстремизма и терроризма: история и современность. Материалы научного семинара / ред. А.А. Слинько, В.Н. Морозова. - Воронеж, 2007. – С. 19 – 30.
20. Кирчанов М.В. Российская латиноамериканистика: между традициями норматива и вызовами дискурса / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 11 – 21.
21. Кирчанов М.В. Бразильская модернизация и ее контексты: дискурсы национализма, идентичности, гендера, протеста и лояльности / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 39 – 53.
22. Кирчанов М.В. Раса, феминность, маскулинность и брутальность: дискурсы политизации гендера в Бразилии середины 1950-х годов / М.В. Кирчанов // Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей памяти С.И. Семенова / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2008. – Вып. 3 – 4. – С. 59 – 67.
23. Кирчанов М.В. Imagining England. Национализм, идентичность, память / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 204 с.
24. Кирчанов М.В. Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с.
25. Кирчанов М.В. Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с.
26. Кирчанов М.В. Авторитаризм, национализм и политический протест (проблемы модернизации в Бразилии 1930 – 1980-х годов) / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2009.
27. Кирчанов М.В. Проблемы наций, национализма и идентичностей в работах Эрнеста Геллнера / М.В. Кирчанов // Проблемы наций и национализма в работах Э. Геллнера / сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2009. – С. 114 – 147. // http://ejournals.pp.net.ua/_ld/1/130_gellner_reader.pdf.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

28. Кирчанов М.В. Проблемы национализма в работах Бенедикта Андерсона / М.В. Кирчанов // Проблемы национализма в работах Бенедикта Андерсона / сост. и послесловие М.В. Кирчанов. – Воронеж, 2009. – С. 97 – 123. // http://ejournals.pp.net.ua/_ld/1/131_anderson_reader.pdf.
29. Коваль Б.И. История бразильского пролетариата / Б.И. Коваль. – М., 1968.
30. Коваль Б.И. Трагическая героика XX века. Судьба Луиса Карлоса Престеса / Б.И. Коваль. – М., 2005.
31. Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. Коротеева. – М., 1999.
32. Крупник И.И. Об авторе этой книги, нациях и национализме (вместо послесловия) / И.И. Крупник // Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991.
33. Малахов В. Национализм как политическая идеология / В. Малахов. – М., 2005.
34. Маловичко С.Н., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории / С.Н. Маловичко, Т.А. Булыгина // Новая локальная история. – Ставрополь, 2003. – Вып. 1.
35. Маловичко С.И. Тип исторического знания в провинциальном историописании и историческом краеведении / С.И. Маловичко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. - Ставрополь, 2005. – Вып. 7.
36. Окунева Л.С. На путях модернизации: опыт Бразилии для России / Л.С. Окунева. – М., 1992.
37. Окунева Л.С. Политическая мысль современной Бразилии: теории развития, модернизации, демократии / Л.С. Окунева. – М., 1994. – Т. 1 – 2.
38. Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е годы – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М., 2008.
39. Репина Л.П. Историческая наука и современное общество / Л.П. Репина // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005.
40. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Там за поворотом…». О модусе сосуществования истории с другими социальными и гуманитарными науками // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / ред. Л.П. Репина. – М., 2005.
41. Семенов А. Дилеммы написания истории империи и нации / А. Семенов // Ab Imperio. – 2003. – № 2.
42. Сидорина Т., Полянников Т. Национализм: теория и политическая история / Т. Сидорина, Т. Полянников. – М., 2006.
43. Уолби С. Женщина и нация / С. Уолби // Нации и национализм. – М., 2002. – С. 308 – 331.
44. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М., 2004.
45. Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин. – М., 1985.
46. Хобсбаум Э. Век революции. 1789 – 1848 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

47. Хобсбаум Э. Век капитала. 1848 – 1875 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999.
48. Хобсбаум Э. Век империи. 1875 – 1914 / Э. Хобсбаум. – РнД., 1999.
49. Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития / В. Цапф // Социс. – 1998. – № 8.
50. Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979.

На португальском языке

1. Abreu A. de, O nacionalismo de Vargas ontem e hoje / A. de Abreu // As instituções brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araúgo. – Rio de Janeiro, 1999.
2. Albuquerque D.M. de, A invenção do Nordeste e outras artes / D.M. de Albuquerque. – Recife – São Paulo, 2001.
3. Allain Teixeira J.P. Idealismo e realismo constitucional em Oliveira Viana: análise e perspectives / J.P. Allain Teixeira // BRIL. – 1997. – No 135. – P. 99 – 118.
4. Almeida A. A Republica das elites: ensaios sobre a ideologia das elites e do intelectualismo / A, Almeida. – Rio de Janeiro, 2004.
5. Almeida J.M.G. de, A tradição regionalista no romance brasileiro (1857-1945) / J.M.G. de Almeida. – Rio de Janeiro, 1999.
6. Alves B.M. Ideologia e feminismo: a luta da mulher pelo voto no Brasil / B.M. Alves. – Petrópolis, 1980.
7. Alves B.M., Pitangay J. A que é meminismo / B.M. Alves, J. Pitangay. – São Paulo, 1982.
8. Alves de Cunha M. O novo Rio de Janeiro: Geografia e realidade sócio-económica / M. Alves de Cunha. – Rio de Janeiro, 1975.
9. Alves Filho A. Fundamentos metodológicos e ideológicos do pensamento político de Oliveira Viana. Tese de mestrado / A. Alves Filho. – Rio de Janeiro, 1977.
10. Amaral A. O Estado Autoritário e a Realidade Nacional / A. Amaral. – Brasília, 1981
11. Amaral A. Tradições populares / A. Amaral. – São Paulo, 1948.
12. Amaral W.V., Sousa Ribeiro E. Romanização e modernidade: as filhas de Maria e a normatização da sociedade e recifense (1890-1922) / W.V. Amaral, E. Sousa Ribeiro // Revista Brasileira de História das Religiões. – 2009. – Vol. 1. – No 3. – P. 327 – 347.
13. Anderson B. Nação e consciência nacional / B. Anderson. – São Paulo, 1989.
14. Araújo R.B. de, Totalitarismo e Revolução: O Integralismo de Plínio Salgado / R.B. de Araújo. – Rio de Janeiro, 1987.
15. Aaújo R.B. Totalitarismo e Revolução. O integralismo de Plinio Salgado / R.B. Arújo. – Rio de Janeiro, 1987.
16. Arroyo L. A cultura popular em Grande sertão: veredas: filiações e sobrevivências tradicionais, algumas vezes eruditas / L. Arroyo. – Rio de Janeiro, 1984.
17. As instituções brasileiras de era Vargas / ed. M.C. de Araúgo. – Rio de Janeiro, 1999.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

18. Ayala M., Ayala M. Cultura popular no Brasil / M. Ayala, M.I. Ayala. – São Paulo, 1987.
19. Badinter E. Sobre a identidade masculina / E. Badinter. – Rio de Janeiro, 1993.
20. Baêta Neves L.F. História intelectual e história da educação / L.F. Baêta Neves // RBE. – 2006. – Vol. 11. – No 32. – P. 340 – 376.
21. Barbosa J.R. A ascensâo da ação integralista brasileira, 1932 – 1937 / J.R. Barbosa // RICFFC. – 2006. – Vol. 6. – No 1 – 3. – P. 67 – 81.
22. Bastos A. Prestes e a revolução social / A. Bastos. – Rio de Janeiro, 1946.
23. Bastos E. Gilberto Freyre e as Ciências Sociais no Brasil / E. Bastos // ES. – 1995. – Vol. 1. – No 1. – P. 63 – 72.
24. Bastos E.D., Ridenti M., Rolland D. Intelectuais: sociedade e política / E.D. Bastos, M. Ridenti, D. Rolland. – São Paulo, 2003.
25. Bertonha F. A móquina simbólica do integralosmo / F. Bertonha // HP. – 1992. – No 7.
26. Bertonha J.F. A migração internacional como fator de política externa. Os emigrantes italianos, a expansão imperialista e a política externa da Itália, 1870-1943 / J.F. Bertonha // CI. – 1999. – Vol. 21. – No 1. – P. 143 – 164.
27. Bertonha J.F. Divulgando o duce o fascismo em terra Brasileira: a propaganda italiana no Brasil, 1922 – 1943 / J.F. Bertonha // Revista de História Regional. – 2000. – Vol. 5. – No 2. – P. 83 – 112.
28. Bertonha J.F. Entre Mussolini e Plinio Solgado: o Fascismo italiano. O integralismo e o problemas descendentos / J.F. Bertonha // RBH. – 2001. – Vol. 21. – No 40. – P. 85 – 105.
29. Bertonha J.F. O Brasil, os imigrantes italianos e a política externa fascista, 1922-1943 / J.F. Bertonha // RBPI. – 1997. – Vol. 40. – No 2. – P. 106 – 130.
30. Berwanger da Silva M.L. Presença italiana na literatura brasileira / M.L. Berwanger da Silva // TriceVersa. – 2007. – Vol. 1. – No 1.
31. Bittencourt F. Matriz religiosa brasileira: religiosidade e mudança social / F. Bittencourt. – Petrópolis – Rio de Janeiro, 2003.
32. Bittencourt G. O conto sul-rio-grandense. Tradição e modernidade / C. Bittencourt. – Porto Alegre, 1999.
33. Boechat M.C. Paraísos artificiais: o romantismo de José de Alencar e sua recepção crítica / M.C. Boechat. – Belo Horizonte, 1997.
34. Bonavides P. Reflexões sobre nação, Estado social e soberania / P. Bonavides // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 195 – 206.
35. Borges V.P. Getulio Vargas e a oligarquia paulista / V.P. Borges. – São Paulo, 1979.
36. Borges V.R. Cultura, naturezae história na invenção alencariana de uma identidade da nação brasileira / V.R. Borges // RBH. – 2006. – Vol. 26. – No 51. – P. 89 – 114.
37. Bosi A. Ex-escravos, imigrantes e Estado na constituição da classe trabalhadora de Uberabinha, MG (1888-1915) / A. Bosi // Revista de História Regional. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 105 – 135.
38. Brandão G.M. A esquerda positiva: as duas almas do Partido Comunista, 1920-1964 / G.M. Brandão. – São Paulo, 1997.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

39. Bresser-Pereira L.C. Nacionalismo no centro e na periferia do capitalismo / L.C. Bresser-Pereira // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 171 – 193.
40. Brites O. Infância, higiene e saúde na propaganda (usos e abusos nos anos 30 a 50) / O. Brites // Revista Brasileira de História. – 2000. – Vol. 20. – No 39. – P. 249 – 278.
41. Brito M.S. História do Modernismo Brasileiro / M.S. Brito. – Rio de Janeiro, l978.
42. Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241.
43. Brito Silva G. No entre guerra a situação dos integralistas na implantação de Getúlio Vargas do Estado Novo / G. Brito Silva // História. – 2005. – No 30. – 225 – 241.
44. Brito Silva G. Uma proposta de análise interdisciplinar para os estudos do integralismo / G. Brito Silva // RHR. – 2002. – Vol. 7. – No 2. – P. 75 – 98.
45. Burity J.A. Religião, política e cultura / J.A. Burity // Tempo Social, revista de sociologia da USP. – 2008. – Vol. 20. – No 2. – P. 83 – 113.
46. Cachapuz P.B. A trajerória política de Getúlio Vargas / P.B. Cachapuz // Getúlio Vargas e seu tempo / ed. R.M. Silva. – Rio de Janeiro, [n.d.]. – P. 45 – 74.
47. Caldeira J. Integralismo e Politica Regional / J. Caldeira. – São Paulo, 1999. Calil G.G. O integralismo no pós-guerra: a formação do PRP 1945 – 1950 / G.G. Calil. – Porto Alegre, 2001.
48. Cancelli E. O mundo da violência: a polícia da Era Vargas / E. Camcelli. – São Paulo, 1992.
49. Cancilini N. Culturas hibridas / N. Cancilini. – São Paulo, 1989.
50. Cândido A. A Revolução de 1930 e a cultura / A. Cândido // NE. – 1984. – Vol. 2. – No 4. – P. 27 – 36.
51. Candido A. A sociologia no Brasil / A. Candido // Tempo Social, revista de sociologia da USP. – 2006. – Vol. 18. – No 1. – P. 271 – 301.
52. Candido A. Ficção e confissão – ensaios sobre Graciliano Ramos / A. Candido. – Rio de Janeiro, 1992.
53. Candido A. Radicalismos / A. Candino // EA. – 1989. – Vol. 4. – No 8. – P. 4 – 18.
54. Cano W. Desequilíbrio regionais e concentração industrial no Brasil: 1930-1970 / W. Cano. – São Paulo, 1985.
55. Capanema: o ministro e seu ministério / ed. A. de Castro Gomes. – Rio de Janeiro, 2000.
56. Capelato M.H. Os Arautos do Liberalismo: Imprensa Paulista, 1920-1945 / M.H. Capelato. – São Paulo, 1988.
57. Capelato M.H. Os intelectuais e o Poder No Varguismo e Peronismo / M.H. Capelato // HQD. – 1999. – No 13. – 5 – 39.
58. Capelato M.H. Propaganda política e construção da identidade nacional coletiva / M.H. Capelato // RBH. – 1996. – Vol. 16. – No 31 – 32.
59. Cardoso F.H., Ianni O. Cor e Mobilidade Social em Florianópolis, aspectos das relações entre negros e brancos numa comunidade do Brasil Meridional / F.H. Cardoso, O. Ianni. – São Paulo, 1960.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

60. Carlos Drummond de Andrade and his generation / eds. F.C. Williams, S. Pacha. – Santa Barbara, 1986.
61. Carone E. O Estado Novo, 1937 – 1945 / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977.
62. Carrara S., Simões J.A. Sexualidade, cultura e política: a trajetória da identidade homossexual masculine na antropologia brasileira / S. Carrara, J.A. Simões // Cadernos pagu. – 2007. – No 28. – P. 65 – 99.
63. Carvalho J.M. de, A formação das almas: o imaginário da República no Brasil / J.M. de Carvalho. – São Paulo, 1990
64. Castro Gomes A. de, Os intelectuais cariocas, o modernismo e o nacionalismo: O caso de Festa / A. de Castro Gomes // Luso-Brazilian Review. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 80 – 106.
65. Castro H.M. A cor inexistente: relações raciais e trabalho rural no Rio de Janeiro pós-escravidão / H.M. Castro // Estudos Afro-Asiaticos. – 1995. – No 28. – P. 101 – 128.
66. Castro S. Teoria e política do modernismo brasileiro / S. Castro. – Petrópolis, 1979.
67. Catenacci V. Cultura popular: entre a tradição e a transformação / V. Catenacci // São Paulo em perspectiva. – 2001. – Vol. 15. – No 2. – P. 28 – 35.
68. Cavalari R.M. Integralismo: ideologia e organização de um movimento de massa no Brasil 1932 – 1937 / R.M. Cavalari. – Bauru, 1999.
69. Cavalcanti B. Certezas e ilusões: os comunistas e a redemocratização de sociedade brasileira / B. Cavalcanti. – Rio de Janeoiro, 1986.
70. Chacon V. Estado e povo no Brasil: as experiencias do Estado Nôvo e da democracia populista. 1937 – 1964 / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977.
71. Chasin J. O integralismo de Plinio Salgado / J. Chasin. – São Paulo, 1978.
72. Chaui M. Brasil – Mito fundador e sociedade autoritária / M. Chaui. – São Paulo, 2000.
73. Chauí M. Cultura e democracia / M. Chauí. – São Paulo, 1980.
74. Chaves C.L. O ensaio literário no Rio Grande do Sul (1868 – 1960) / C.L. Chaves. – Brasília, 1979.
75. Chor M. O anti-semitismo na Era Vargas: fantasmas de uma geração, 1930 – 1945 / M. Chor // EH. – 1988. – Vol. 1. – No 2. – P. 304 – 310.
76. Coelho de Paiva M.A. Um outro heroi modernista / M.A. Coelho de Paiva // Tempo Social. Revista de sociologia da USP. – 2008. – Vol. 20. – No 2. – P. 175 – 196.
77. Coracini M.J. Identidade e Discurso: (des)construindo subjetividades / M.J. Coracini. – São Paulo, 2003.
78. Corvalho J.M. A Formação das Almas. O Imaginário da República no Brasil / J.M. Corvalho. – São Paulo, 1990.
79. Costa Pinto L. O Negro no Rio de Janeiro: Relações de Raças numa sociedade em mudança / L. Costa Pinto. – São Paulo, 1953.
80. Costa W.M. da, Estado e politicas territoriais no Brasil / W.M. da Costa. – São Paulo, 1988.
81. Coutinho C.N. A democracia como valor universal / C.N. Coutinho. – São Paulo, 1980.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

82. Coutinho E.F. Literatura comparada. literaturas nacionais e o questionamento do cânone / E.F. Coutinho // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 67 – 74.
83. Cruz Alves C. O Integralismo e sua influência no anticomunismo baiano / C. Cruz Alves // Antíteses. – 2008. – Vol. 1. – No 2.
84. Culturas, contextos e discursos: limiares criticos no comparatismo / T.F. Carvalhal. – Porto Alegre, 1999.
85. Cunha O.M.G. da, Intenção e Gesto: Pessoa, cor e a produção cotidiana de (in)diferença no Rio de Janeiro, 1927-1942 / O.M.G. da Cunha. – Rio de Janeiro, 2002.
86. Cunha R. de, Deslocamentos: o entre-lugar do indígena na literatura Brasileira / R. de Cunha // PCS. – 2007. – No 1. – P. 51 – 62.
87. Cupertino F. Classes e camadas sociais no Brasil / F. Cupertino. – Rio de Janeiro, 1978.
88. Cytrynowicz R. Além do Estado e da ideologia: imigração judaica, Estado-Novo e Segunda Guerra Mundial / R. Cytrynowicz // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 4. – P. 393 – 423.
89. D'Araujo M.C. Estado, classe trabalhadora e politica sociais / M.C. D'Araujo // O tempo do nacional-estatismo: do indício da década de 1930 ao apogeu do Estado Novo / eds. J. Ferreira, L. de Almeida Neves Delgado. – Rio de Janeiro, 2003.
90. Da Costa E.V. Da monarquia a republica: momentos decisivos / E.V. Da Costa. – São Paulo, 1977.
91. Da Matta R. Carnavais, Malandros e Heróis. Para uma Sociologia do Dilema Brasileiro / R. Da Matta. – Rio de Janeiro, 1979.
92. Dalcastagne R. Da senzala ao cortiço – história e literatura em Aluisio Azevedo e João Ubaldo Ribeiro / R. Dalcastagne // Revista Brasileira de História. – 2001. – Vol. 21. – No 42. – P. 483 – 494.
93. Diogo A., Monteiro R.S. Modernismos, Pós-Modernismos, Anacronismas. – Lisboa, 1993.
94. Domingues J.M. A Sociologia de Talcott Parsons / J.M. Domingues. – Niterói, 2001.
95. Domingues J.M. Criatividade Social, Subjetividade Coletiva e a Modernidade Brasileira Contemporânea / J.M. Domingues. – Rio de Janeiro, 1999.
96. Domingues J.M. Interpretando a Modernidade. Imaginário e Instituições / J.M. Domingues. – Rio de Janeiro, 2002.
97. Domingues J.M., Maneiro M. Revisitando Germani: A Interpretação da Modernidade e a Teoria da Ação / J.M. Domingues, M. Maneiro // DADOS – Revista de Ciências Sociais. – 2004. – Vol. 47. – No 4. – P. 643 – 668.
98. Dorea A.G. O romance de Plínio Salgado / A.C. Dorea. – Rio de Janeiro, 1956
99. Duarte E. Literatura, política, identidades / E. Duarte. – Belo Horizonte, 2005.
100. Duas modernistas esquecidas: Adalzira Bittencourt e Ercília Nogueira Cobra: visões do passado, previsões do futuro / eds. S. Quinlan, R. Sharpe. – Rio de Janeiro, 1996.
101. Dulles J.F. A Facultade de Direito de São Paulo e a resistência anti-Vargas / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1984.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

102. Dulles J.F. Anarquistas e comunistas no Brasil / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1977.
103. Dulles J.F. O comunismo no Brasil 1935 – 1945: represão em meio ao cataclismo mundial / J.F. Dulles. – Rio de Janeiro, 1985.
104. Dutra E. O ardil totalitário imaginário político no Brasil dos anos 30 / E. Dutra. – Rio de Janeiro, 1997.
105. Eleutério M. de L. Oswald de Andrade – Itinerário de homem sem profissão / M. de L. Eleutério. – Campinas, 1989.
106. Escosteguy A.C.D. Cartografias dos Estudos Culturais / A.C.D. Escosteguy. – Belo Horizonte, 2001.
107. Estado Novo, um Auto-Retrato / ed. S. Schwartzman. – Brasília, 1982.
108. Estado Novo: ideologia e poder / ed. L. Oliveira. – São Paulo, 1982.
109. Estudos do integralismo no Brasil / ed. G. Silva. – Recife, 2007.
110. Fabris A. Futurismo: uma poética da modernidade / A. Fabris. – São Paulo, 1987.
111. Fabris A. O Futurismo paulista: hipoteses para o estudo da chegada da vanguarda ao Brasil / A. Fabris. – São Paulo, 1994.
112. Fabris M. Notas sobre o futurismo literário / M. Fabris // TriceVersa. Revista do Centro Italo-Luso-Brasileiro de Estudos Lingüisticos e Culturais. – 2007. – Vol. 1. – No 1. – P. 61 – 84.
113. Fausto B. A Revolução de 1930: historiografia e história / B. Fausto. – São Paulo, 1997.
114. Fausto B. O pensamento nacionalista autoritário (1920/1940) / B. Fausto. – Rio de Janeiro, 2001.
115. Fausto B. Trabalho Urbano e Conflito Social / B. Fausto. – São Paulo, 1986.
116. Fensterseifer-Woortmann E. Lembranças e esquecimentos: memórias de teuto-brasileiros / E. Fensterseifer-Woortmann // Devorando o tempo: Brasil, o pais sem memória / eds. A. Leibing, S. Benninghoff-Luhl. – São Paulo, 2001. – P. 205 – 235.
117. Fernandes F. A Integração do Negro na Sociedade de Classes / F. Fernandes. – São Paulo, 1965.
118. Ferreiara-Pinto Bailey A.C. O “Bildungsroman” Feminino: Quatro Exemplos Brasileiros / A.C. Ferreiara-Pinto Bailey. – São Paulo, 1990.
119. Ferreira Cury M.Z. Os Sertões, de Euclides da Cunha: Espaços / M.Z. Ferreira Cury // Luso-Brazilian Review. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 71 – 79.
120. Ferreira de Castro Fr. Modernização e democracia (O desafio brasileiro) / Fr. Ferreira de Castro. – Rio de Janeiro, 1969.
121. Figueiredo A. Democracia ou reformas? Alternativas democráticas à crise política: 1961-1964 / A. Figueiredo. – Rio de Janeiro, 1993.
122. Figueiredo Santos J.A. Classe Social e Desigualdade de Gênero no Brasil / J.A. Figueiredo Santos // DADOS – Revista de Ciências Sociais. – 2008. – Vol. 51. – No 2. – P. 353 – 402.
123. Figueiredo Santos J.A. Estrutura de Posicoes de Classe no Brasil / J.A. Figueiredo Santos. – Belo Horizonte – Rio de Janeiro, 2002.
124. Figueiredo Santos J.A. Uma Classificacao Socioeconomica para o Brasil / J.A. Figueiredo Santos // Revista Brasileira de Ciências Sociais. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 27 – 45.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

125. Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // Estudos Avançados. – 2004. – No 18 (50). – P. 161 – 193.
126. Finazzi-Agrò E. O duplo e a falta: construção do Outro e identidade nacional na Literatura Brasileira / E. Finazzi-Agrò // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 52 – 61.
127. Flores M. A política da beleza: nacionalismo, corpo e sexualidade no projeto de pardonização brasilíca / M. Flores // DL. – 2000. – No 1. – P. 88 – 109.
128. Fokkema D. Modernismo e Pós-Modernismo. História. Literária / D. Fokkema. – Lisboa, 1983.
129. Fonseca A. A Poesia Modernista no Brasil: Mário de Andrade / A. Fonseca // Latitudes. – 2001. – No 13. – P. 83 – 85.
130. Fonseca M.A. Oswald de Andrade: biografia (1890-1954) / M.A. Fonseca. – São Paulo, 1990.
131. Freyre G. Casa grande e senzala. Formação da família brasileira sob o rejime de economica patriarchal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1936.
132. Fronteiras imaginadas / ed. E. De Coutinho. – Rio de Janeiro, 2001.
133. Gabriel de Resende P. Nacionalismo / P. Gabriel de Resende. – São Paulo, 1959.
134. Garfield S. As raízes de uma planta que hojé e o Brasil: os índios e o Estado-Nação na era Vargas / S. Garfield // Revista Brasileira de História. – 2000. – Vol. 20. – No 39. – P. 15 – 42.
135. Gaspari S. de, A Madalena de Graciliano Ramos / S. de Gaspari // http://www.assis.unesp.br/cilbelc/jornal/maio08/content17.html.
136. Gellner E. Condições da liberdade: a sociedade civil e seus críticos / E. Gellner. – Rio de Janeiro, 1996.
137. Gertz R.E. Alemanha e alemães no Brasil: a ambivalência brasileira na década de 30 / R.E. Gertz // Relapões internacionais dos países americanos / eds. A.L. Cervo, W. Doepcke. – Brasília, 1994.
138. Girardet R. Mitos e Mitologias Políticas / R. Girardet. – São Paulo, 1987.
139. Gomes A. de C. História e Historiadores. A Política Cultural do Estado Novo / A. de C. Gomes. – Rio de Janeiro, 1996.
140. Gonçalves L.Z. O lugar do modernismo em textos críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / Z.L. Gonçalves // Revista de Pesquisa e Pós-Graduação. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164.
141. Gonçalves M. O Anticomunismo no Brasil / M. Gonçalves // História: Questões & Debates. – 2003. – No 39. – P. 277 – 281.
142. Gonçalves R.B. O sincretismo de culturas sob a ótica da arquitetura vernácula do imigrante japonês na cidade de Registro, São Paulo / R.B. Gonçalves // Anais do Museu Paulista. – 2008. – Vol. 16. – No 1. – P. 11 – 46.
143. Goulart S. Sob a verdade oficial: ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S. Goulart. – São Paulo, 1990.
144. Guimarães S.G. Ideologia, propaganda e censura no Estado Novo / S.G. Guimarães. –São Paulo, 1984.
145. Guimarães S.P. Nação, nacionalismo, Estado / S.P. Guimarães // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 145 – 159.
146. Hall S. A identidade cultural na pos-modernidade / S. Hall. – Rio de Janeiro, 1998.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

147. Helena L. A solião tropicale os pares à deriva: Reflexões em torno de Alencar / L. Helena // LBR. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 1 – 18.
148. Helena L. A vocação para o abismo: errância e labilidade em Clarice Lispector / L. Helena // Revista brasileira de literatura comparada. – 2000. – Vol. 5. – P. 179 – 190.
149. Helena L. Totens e tabus na modernidade brasileira: simbolo e alegoria na obra de Oswald de Andrade / L. Helena. – Rio de Janeiro, 1985.
150. Hroch M. Do movimento nacional à nação plenamente formada: o processo de construção nacional na Europa / M. Hroch // Um mapa da questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000. – P. 85 – 106.
151. Ideologia e Mobilização Popular / orgs. M. Chauí, C, Franco. – Rio de Janeiro, 1978.
152. Inojosa J. Visão geral do modernismo brasileiro / J. Inojosa // Os Andrades e outros aspectos do modernismo / ed. J. Inojosa. – Rio de Janeiro, 1975. – P. 240 – 284.
153. Integralismo: novos estudos e reinterpretações / eds. R. Dotta, L. Passas, R. Cavalari. – Rio Aaro, 2004.
154. Jacks N. Mídia Nativa. Indústria cultural e cultura regional / N. Jacks. – Porto Alegre, 1998.
155. Jaguaribe H. O nacionalismo na atualidade brasileira / H. Jaguaribe. – Rio de Janeiro, 1958.
156. Kolleritz F. A apostasia comunista: a subjetividade como política / F. Kolleritz // Revista Brasileira de História. – 1999. – Vol. 19. – No 37. – P. 199 – 226.
157. Lanni O. O colapso do populismo no Brasil / O. Lanni. – Rio de Janeiro, 1968.
158. Leite L.C.M. Velha praga? Regionalismo literario brasileiro / L.C.M. Leite // America Latina, palavra, literatura e cultura / ed. A. Pizarro. – São Paulo, 1994. – Vol. 2. – P. 665 – 702.
159. Lenharo A. Sacralização da Política / A. Lenharo. – Campinas, 1986.
160. Lenharo V. Colonização e trabalho no Brasil: Amazônia, Nordeste e Centro-Oeste – os anos 30 / V. Lenharo. – Campinas, 1986
161. Lessa C. Nação e nacionalismo a partir da experiencia brasileira / C. Lessa // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 237 – 256.
162. Lessa D.P. A Carne está na mesa: esquartejada, temperada e bem servida: Júlio Ribeiro e a crítica literária / D.P. Lessa // Glaúks. – 2007. – Vol. 7. – No 2. – P. 157 – 175.
163. Lesser J. O Brasil e a Questão Judaica / J. Lesser. – Rio de Janeiro, 1995.
164. Levine R. O regime de Vargas: os anos criticos / R. Levine. – Rio de Janeiro, 1980.
165. Levine R.M. O sertão prometido: o massacre de Canudos no nordeste brasileiro / R.M. Levine. – São Paulo, 1995.
166. Lima de Souza A.C. A identificação como categoria histórica / A.C. Lima de Souza // Os poderes e as terras dos Índios / ed. L. Oliveira. – Rio de Janeiro, 1989. P. 139 – 197.
167. Lima de Souza A.C. Um grande cerco de paz: poder tutelar, indianidade e formação do Estado no Brasil / A.C. Lima de Souza. – Petrópolis, 1995.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

168. Lima L.C. Antropofagia e controle do imaginário / L.C. Lima // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 62 – 74.
169. Lima L.C. Literatura e nação: esboco de uma releitura / L.C. Lima // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 33 – 40.
170. Lima M.R., Cerqueira E.D. O modelo político de Oliveira Viana / M.R. Lima, E.D. Cerqueira // RBEP. – 1971. – No 30. – P. 85 – 109.
171. Lima N.T. de, Um Sertão chamado Brasil: Intelectuais e a Representação Geográfica da Identidade Nacional / N.T. de Lima. – Rio de Janeiro, 1999.
172. Lisboa de Mello A.M. A posição de Raul de Leoni na história da lírica moderna brasileira / A.M. Lisboa de Mello // Letras de Hoje. – 2006. – Vol. 41. – No 4. – P. 58 – 71.
173. Lobo E.S. A classe operária tem dois sexos: trabalho, dominação e Resistencia / E.S. Lobo. – São Paulo, 1991.
174. Lopes D.H. Integralismo: uma das oportunidades de partipação feminina no espaço público / D.H. Lopes // RICFFC. – 2004. – Vol. 4. – No 2.
175. Lopes M.A. A história do pensamento político dos Grands Doctrinnaires à história social das idéias / M.A. Lopes // TS. – 2002. – Vol. 14. – No 2. – P. 113 – 127.
176. Love J. O regionalismo gaúcho e as origens da Revolução de 1930 / J. Love. – São Paulo, 1975.
177. Macieira A. Mundo e construções de Oliveira Viana / A. Macieira. – Rio de Janeiro, 1990.
178. Madeiros J. Introdução ao estado do pensamento politico autoritàrio brasileiro, 1914 – 1945. Olveira Viana / J. Madeiros // RCP. – 1974. – Vol. 17. – No 2. – P. 31 – 87.
179. Magalhães Cidrini L. de O. Sentido de nação na trajetória da literatura brasileira / L. de O. Magalhães Cidrini // Revista Eletonica Cadernos de Historia. – 2008. – Vol. V. – No 1. – P. 74 – 81.
180. Magalhães H.G. Tradição e modernismo em Prefácio Interessantissimo de Mário de Andrade / H.G. Magalhães // Polifonia. – 1997. – N0 3. – P. 60 – 71.
181. Magalhães M.B. de, Pangermanismo e nazismo: a trajetória alemã rumo ao Brasil / M.B. de Magalhães. – Campinas, 1998.
182. Maggie Y. Mário de Andrade ainda vive? O ideário modernista em questão / Y. Maggie // RBCS. – 2005. – Vol. 20. – No 58. – P. 5 – 21.
183. Marquese R.B. Revisitando casas-grandes e senzalas: a arquitetura das plantations escravistas americanas no século XIX / R.B. Marquese // Anais do Museu Paulista. – 2006. – Vol. 14. – No 1. – P. 11 – 57.
184. Martins de Oliveira F.A. Padrões alimentares em mudança: a cozinha italiana no interior paulista / F.A. Martins de Oliveira // Revista Brasileira de História. – 2006. – Vol. 26. – No 51. – P. 47 – 62.
185. Martins H. Oswald de Andrade e outros / H. Martins. – São Paulo, 1973.
186. Martins W. História da inteligencia brasileira (1915-1933) / W. Martins. – São Paulo, 1978.
187. Mascaro L.P. Similaridades entre Regionalismo e Antropofagia: nacionalismo – internacionalismo – regionalismo / L.P. Mascaro // Mneme – Revista Virtual de Humanidades. – 2004. – Vol. 5. – No 10.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

188. Mello e Souza A.C. Literatura e sociedade / A.C. Mello e Souza. – São Paulo, 1965.
189. Melo M.A. Republicanismo, liberalismo e racionalidade / M.A. Melo // Lua Nova. – 2002. – No 55 – 56. – P. 57 – 84.
190. Meyer M. Caminhos do imáginario no Brasil: Maria Padilha e toda a sua quadrilha / M. Meyer // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 127 – 166.
191. Miceli S. Experiencia social e imaginário literário nos livros de estréia dos modernistas em São Paulo / S. Miceli / Tempo Social. – 2004. – Vol. 16. – No 1. – P. 167 – 207.
192. Miceli S. Intelectuais à Brasileira / S. Miceli. – São Paulo, 2001.
193. Miceli S. Intelectuais e classes diregentes no Brasil, 1920 – 1945 / S. Miceli. – São Paulo, 1979.
194. Mitos e herois: construção de imaginarios / eds. L.O. Felix, C.P. Elmir. – Porto Alegre, 1998.
195. Moraea E.J. de, A brasilidade modernista: sua dimensão filosófica / E.J. de Moraea. – Rio de Janeiro, 1978.
196. Moraes A.C.R. Ideologias geográficas: espaço, politica e cultura no Brasil / A.C.R. Moraes. – São Paulo, 1988.
197. Moreira M.E. Nacionalismo literário e crítica romântica / M.E. Moreira. – Porto Alegre, 1991.
198. Moscateli R. Um Redescobrimento Historiográfico do Brasil / R. Moscateli // RHR. – 2000. – Vol. 5. – No 1.
199. Murilo de Carvalho J. A utopia de Oliveira Viana / J. Murilo de Carvalho // EH. – 1991. – Vol. 4. – No 7. – P. 82 – 99.
200. Nedel L. A recepção da obra de Gilberto Freyre no Rio Grande do Sul / L. Nedel // MANA. – 2007. – Vol. 13. – No 1. – P. 85 – 118.
201. Neiva A.H. A imigração e a colonização no governo Vargas / A.H. Neiva // Cultura Política. – 1942. – No 21. – P. 217 – 240.
202. Neiva A.H. O Problema Imigratório Brasileiro / A.H. Neiva // Revista de Imigração e Colonização. – 1944. – Vol. V. – No 3. – P. 468 – 584.
203. Brasil republicano, sociedade e instituições / ed. B. Fausto. – São Paulo, 1977.
204. Controle do Imaginário. Razão e Imaginação nos tempos modernos. – Rio de Janeiro, 1989.
205. Oberacker C.H. Contribuição Teuta a Formação da Nação Brasileira / C.H. Oberacker. – São Paulo, 1968.
206. Octavio da Costa E. The Negro in northern Brazil, a study in acculturation / E. Octavio da Costa. – NY., 1948.
207. Oliveira F. de, Elegia para uma re(li)gião: Sudene, Nordeste, planejamento e conflito de classes / F. de Oliveira. – Rio de Janeiro, 1977.
208. Oliveira R. de, Euclides da Cunha, Os Sertões e a invenção de um Brasil profundo / R. de Oliveira // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 44. – P. 511 – 537.
209. Oliven R.G. Brasil, uma modernidade tropical / R.G. Oliven // Etnográfica. – 1999. – Vol. III. – No 2. – P. 409 – 427.
210. Ortiz R. Cultura brasileira e identidade nacional / R. Ortiz. – São Paulo, 1986.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

211. Ortiz R. Cultura popular – Romanticos e folcloristas / R. Ortiz. – São Paulo, 1985.
212. Pacheco T. Bruno de Menezes e o modernismo no Pará / T. Pacheco // Belo Horizonte. – 2003. – Vol. 6. – P. 165 – 172.
213. Paiva V. Oliveira Viana: nacionalismo ou racismo? / V. Paiva // ECB. – 1978. – No 3. – P. 127 – 156.
214. Pedro J.M. Mulheres Honestas e Mulheres Faladas: umo questão de classe / J.M. Pedro. – Florianópolis, 1998.
215. Pelaes Mascaro L. Similaridades entre Regionalismo e Antropofagia: nacionalismo – internacionalismo – regionalismo / L. Pelaes Mascaro // MRVH. – 2004. – Vol. 5. – No 10 // http://www.seol.com.br/mneme.
216. Pellegrini T. Milton Hatoum e o regionalismo revisitado / T. Pellegrini // Luso-Brazilian Review. – 2004. – Vol. 41. – No 1. – P. 121 – 138.
217. Peraro M.A.O princípio da fronteira e a fronteira de princípios: filhos ilegítimos em Cuiabá no séc. XIX / M.A. Peraro // Revista Brasileira de História. – Vol. 19. – No 38. – P. 55 – 80.
218. Pereira A.R. A criança no Estado Novo: uma leitura na longa duração / A.R. Pereira // Revista Brasileira de História. – Vol. 19. – No. 38. – P. 165 – 198.
219. Pereira P.P. Sertão e Narração: Guimarães Rosa, Glauber Rocha e seus desenredos / P.P. Pereira // Sociedade e Estado. – 2008. – Vol. 23. – No 1. – P. 51 – 87.
220. Perrazo P.F. O perigo alemão e a repressão no Estado Novo / P.F. Perrazo. – São Paulo, 1999.
221. Perrot M. Prácticas de Memória Feminina / M. Perrot // RBH. – 1989. – Vol. 8. – No 18.
222. Pierson D. Brancos e pretos na Bahia / D. Pierson. – São Paulo, 1971.
223. Pierson D. Negroes in Brazil: a study of race contact in Bahia / D. Pierson. – Chicago, 1942.
224. Pimenta Velloso M. Os intelectuais e a política cultural do Estado Novo / M. Pimenta Velloso // O Brasil Republicano. – Rio de Janeiro, 2003.
225. Pinto M.I. Urbes industrializada: o modernismo e a paulicéia como ícone da brasilidade / M.I. Pinto // Revista Brasileira de História. – 2001. – Vol. 21. – No 42. – P. 435 – 455.
226. Pinto R.P. O movimento negro em São Paulo: luta e identidade / R.P. Pinto. – São Paulo, 1993.
227. Proença Filho D. A trajetória do negro na literatura brasileira: de objeto a sujeito / D. Proença Filho // Estudos Avançados. – 2004. – Vol. 18. – No 50. – P. 161 – 193.
228. Quelhas I. O enigma da chama: autor, leitura e leitor em São Bernardo, de Graciliano Ramos / I. Quelhas // Ipotesi: revista de Estudos Literarios. – Vol. 3. – No 1. – P. 99 – 115.
229. Rabassa G. O negro na ficção brasileira / G. Rabassa. – Rio de Janeiro: 1965.
230. Rambo A. O associativismo teuto-brasileiro e os primórdios do cooperativismo no Brasil / A. Rambo // Perspectiva Economica. – 1996. – Vol. 23. – No 62.
231. Rambo A. Teuto-argentino, teuto-brasileiro, teuto-chileno: identidades em debate / A. Rambo // Estudos Ibero-Americanos. – 2005. – Vol. XXXI. –No 1. – P. 201 – 222.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

232. Ramos A.G. Introdução Critica à Sociologia Brasileira / A.G. Ramos. – Rio de Janeiro, 1995.
233. Ramos M. Ao Brasil dos meus sonhos: feminismo e modernismo na utopia de Adalzira Bittencourt / M. Ramos // EF. – 2002. – No 1. – P. 11 – 37.
234. Ramos Maya I. da S. Anti-viajante que sou: o conceito de viagem na obra de Mário de Andrade / I. da S. Ramos Maya // Ipotesi: revista de Estudos Literários. – Vol. 3. – No 1. – P. p. 73 – 88.
235. Reis Peçanha M., Xavier da Silva C.A., Guimarães Tobias C., Graças de Lima Carneiro M.D. Os intelectuais e o Estado Novo: um estudo sobre o nacionalismo nas páginas da revista Cultura Política (1941 – 1945) / M. Reis Peçanha, C.A. Xavier da Silva, C. Guimarães Tobias, M.D. Graças de Lima Carneiro // Iniciação Científica Newton Paiva 2003-2004 / eds. Astréia Soares, Márcio Venício Barbosa. – Belo Horizonte, 2005. – P. 117 – 133.
236. Repersando o Estado Novo / ed. D. Randolfi. – Rio de Janeiro, 1999.
237. Ribeiro D. Os Índios e a Civilização / D. Ribeoro. – Rio de Janeiro, Civilizacao Brasileira, 1970.
238. Ridente M. O Fantasma da Revolução Brasileira: raizes sociais das esquerdas armadas 1964 – 1974 / M. Ridente. – São Paulo, 1994.
239. Roche J. A Colonização Alemã no Rio Grande do Sul / J. Roche. – Porto Alegre, 1969.
240. Rodeghero C.S. Religião e patriotismo: o anticomunismo católico nos Estados Unidos e no Brasil nos anos da Guerra Fria / C.S. Rodeghero // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 44. – P. 463 – 488.
241. Rosado-Nunes M.J. Direitos, cidadania das mulheres e religião / M.J. Rosado-Nunes // Tempo Social, revista de sociologia da USP. – 2008. – Vol. 20. – No 2. – P. 67 – 81.
242. Rost C.A. A identidade do teuto-brasileiro na região sul do Brasil / C.A. Rost // Interdisciplinar. – 2008. – Vol. 3. – No 5. – P. 215 – 234.
243. Sader E. Historia do Movimento Operário Brasileiro no século XX / E. Sader. – Belo Horizonte, 1980.
244. Saito H. A presença japonesa no Brasil / H. Saito. – São Paulo, 1980.
245. Sakurai C. Romanceiro da imigração japonesa / C. Sakurai. – São Paulo, 1993.
246. Santanna A.R. de, Carlos Drummond de Andrade. Analíse de obra / A.R. de Santanna. – Rio de Janeiro, 1977.
247. Santiago S. Carlos Drummond de Andrade / S. Santiago. – Petrópolis, 1976.
248. Santiago S. Modernidade e tradição popular / S. Santiago // Revista Brasileira de Literatura Comparada. – 1991. – Vol. 1. – P. 41 – 51.
249. Santurbano A. Italia e oltre: sentieri narrative (1881 – 2002) / A. Santurbano // TriceVersa. Revista do Centro Italo-Luso-Brasileiro de Estudos Lingüisticos e Culturais. – 2007 – 2008. – Vol. 1. – No 2 // http://www.assis.unesp.br/cilbelc
250. Sapiecinski M. Sujeito e modernidade na poética de Carlos Drummond de Andrade / M. Sapiecinski // http://www.letras.ufmg.br/poslit
251. Sayers R.S. O negro na literatura brasileira / R.S. Sayers. – Rio de Janeiro, 1958.
252. Schaden E. A mitologia heróica de tribos indígenas do Brasil / E. Schaden. – São Paulo, 1989.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

253. Schapochnik N. Letras de fundação: Vernhagen e Alencar – projetos da narrativa instituinte / N. Schapochnik. – São Paulo, 1992.
254. Schnapp J.T., Castro Rocha J.C. de, As velocidades brasileiras de uma inimizade desvairada: o (des)encontro de Marinetti e Mário de Andrade em 1926 / J.T. Schnapp, J.C. de Castro Rocha // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 41 – 54.
255. Schpun M.R. Luzes e sombras da cidade (São Paulo na obra de Mário de Andrade) / M.R. Schpun // Revista Brasileira de História. – 2003. – Vol. 23. – No 46. – P. 11 – 36.
256. Schwartz J. Vanguardas Latino-Americanas: Polêmicas, Manifestos e Textos Criticos / J. Schwartz. – São Paulo, 1995.
257. Schwartzman S. Bases do Autoritarismo Brasileiro / S. Schwartzman. – São Paulo, 1982 (1988).
258. Schwartzman S. Estado Novo um auto-retrato / S. Schwartzman. – Brasilía, 1983.
259. Schwartzman S. Guerreiro Ramos: o problema do Negro na Sociologia Brasileira / S. Schwartzman // Cadernos de Nosso Tempo. – 1954. – Vol. 2. – No 2. – P. 189 – 220.
260. Seigel M., Melo Gomes T. de, Sabina das Laranjas: gênero, raça e nação na trajetória de um símbolo popular, 1889-1930 / M. Seigel, T. de Melo Gomes // Revista Brasileira de História. – 2002. – Vol. 22. – No 43. – P. 171 – 193.
261. Sevcenko N. Literatura como missão: tensões sociais e criação cultural na Prim Republica / N. Sevcenko. – São Paulo, 1983.
262. Sevcenko N. Orfeu extático na metrópole: São Paulo, sociedade e cultura nos frementes anos 20 / N. Sevcenko. – São Paulo, 1992.
263. Seyferth G. O regionalismo da tradição na perspective nacionalista: a identidade regional segundo Gilberto Freyre / G. Seyfert // Anais do Seminario Internacional Novo Mundo nos Tropicos. – Recife, 2000. – P. 180 – 193.
264. Sharpe P. *Trinta e sete dias em Nova York* com Adalzira Bittencourt / P. Sharpe // Estudos Feministas. – 2008. – Vol. 16. – No 3. – P. 1093 – 1106.
265. Silva C.L. Onda vermelha: imáginarios anticomunistas brasileiros (1931-1934) / C.L. Silva. – Porto Alegre, 2001.
266. Silva Cunha V. da, O modernismo nas ruas: a construção da nação nas obras de Oswald de Andrade / V. da Silva Cunha // Revista Eletonica Cadernos de Historia. – 2008. – Vol. V. – No 1. – P. 107 – 118.
267. Silva de Oliveira L.H. Imagens de negros em poenas de Casro Alves / L.H. Silva de Oliveira // Gláuks. – 2007. – Vol. 7. – No 1. – P. 149 – 168.
268. Silva G.B. No entre guerra, a situação dos integralistas na implantação do Estado Novo de Getúlio Vargas / G.B. Silva // Projeto História. – 2005. – No 30. – P. 229 – 241.
269. Silva Gouvêa M.F. A História política no campo da história cultural / M.F. Silva Gouvêa // RHR. – 1998. – Vol. 3. – No 1.
270. Siqueira J.S. Análise semiótica do conto “Gertrudes pede um conselho” de Clarice Lispector / J.S. Siqueira // Gláuks. – 2007. – Vol. 7. No 1. – P. 199 – 215.
271. Soares A. Poesia do corpo/corpo da poesia: tensões eróticas e existenciais em Carlos Drummond de Andrade / A. Soares // http://www.letras.ufmg.br/poslit.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

272. Soares de Gouvea M.C. Imagens do negro na literatura infantil brasileira: análise historiográfica / M.C. Soares de Gouvea // Educação e Pesquisa. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 77 – 89.
273. Toller Gomes H. As marcas da escravidão: o negro e o discurso oitocentista no Brasil e nos EUA / H. Toller Gomes. – Rio de Janeiro, 1994.
274. Toller Gomes H. O negro e o romantismo brasileiro / H. Toller Gomes. – São Paulo, 1988.
275. Torres S. A nação e as narrações hibridas: literatura hispanica dos Estados Unidos / S. Torres // Revista brasileira de literatura comparada. – 1996. – Vol. 3. – P. 171 – 178.
276. Torres V. Oliveira Viana. Sua vida e sua posição nos estudos brasileiras de sociologia / V. Torres. – Rio de Janeiro, 1956.
277. Touraine A. Na fronteira dos movimentos sociais / A. Touraine // Sociedade e Estado. – 2006. – Vol. 21. – No 1. – P. 17 – 28.
278. Trindade H. Integralismo. O Fascismo Brasileiro na Década de 30 / H. Trindade. – São Paulo, 1979.
279. Truzzi O. Sociabilidades e Valores: Um Olhar sobre a Família Arabe Muçulmana em São Paulo / O. Truzzi // DADOS – Revista de Ciências Sociais. – 2008. – Vol. 51. – No 1. – P. 37 – 74.
280. Tucci Carneiro M.L. Sob a mascara do nacionalismo. Autoritarismo e antisemitismo na Era Vargas (1930-1945) / M.L. Tucci Carneiro // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.
281. Ulrich A. Guilherme de Almeida e a construção da identidade paulista / A. Ulrich. – São Paulo, 2007.
282. Um mapa da questão nacional / ed. G. Balakrishan. – Rio de Janeiro, 2000.
283. Vasconellos G. Ideologia cupupira: análise do discurso integralista / V. Vosconcellos. – São Paulo, 1979.
284. Velloso M. As Raízes Ibéricas do Modernismo Brasileiro / M. Velloso // Ipotesi: revista de Estudos Literários. – Vol. 3. – No 1. – P. 59 – 72.
285. Ventura R. Euclides da Cunha e a República / R. Ventura // Estudos Avançados. – 1996. – No 10. – P. 275 – 291.
286. Vidal C. A pátria geográfica: sertão e litoral no pensamento social brasileiro / C. Vidal. – Goiânia, 1997.
287. Vieira E.A. Oliveira Viana e o Estado çorporativo (um estudo sobre corporativismo e autoritarismo) / E.A. Vieira. – São Paulo, 1976.
288. Vilhena L.R. Projeto e missão: o Movimento Folclórico Brasileiro (1947-1964) / L.R. Vilhena. – Rio de Janeiro, 1997.
289. Voigt A.F. O teuto-brasileiro: a história de um conceito / A.F. Voigt // Espaço Plural. – 2008. – Vol. IX. – No 19. – P. 75 – 81.
290. Wanderley Reis F. Notas sobre nação e nacionalismo / F. Wanderley Reis // Estudos Avançados. – 2008. – No 22 (62). – P. 161 – 169.
291. Wiazovski T. Bolchevismo e Judaismo: A comunidade judaica sob o olhar do Deops / T. Wiazovski. – São Paulo, 2001.
292. Willems E. A Aculturação dos Alemães no Brasil: estudo antropológico dos imigrantes alemães e seus descendentes no Brasil / E. Willems. – São Paulo, 1980.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

293. Willems E. Assimilação e Populações Marginais no Brasil / E. Willems. – São Paulo, 1940.
294. Zago Conçalves L. O Lugar do Modernismo em Textos Críticos de Tristão de Athayde e de Mário de Andrade / L. Zago Conçalves // RPPC. – 2000. – No 1. – P. 149 – 164.
295. Zaidan Filho M. Comunistas em céu aberto / M. Zaidan Filho. - Belo Horizonte, 1989.
296. Zilberman R. Poeta e acrobata – um artista moderno. Cruz e Sousa por ocasião de seus 110 anos / R. Zilberman // Gláuks. – 2007. – Vol. 7. – No 1. – P. 36 – 52.
297. Zimbrão da Silva T. Mulheres, Cultura e Literatura Brasileira / T. Zimbrão da Silva // IREL. – Vol. 2. – No 3. – P. 91 – 100.
298. Zimmermann T.R. Medeiros M.M. de, Biografia e Gênero: repensando o feminino / T.R. Zimmermann, M.M. de Medeiros // RHR. – 2004. – Vol. 9. – No 1. – P. 31 – 44.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

На английском языке

1. Alexander R. Communism in Latin America / R. Alexander. – New Brunswick, 1957.
2. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – NY., 1983.
3. Anderson B. Java in the Time of Revolution / B. Anderson. – NY., 1972.
4. Anderson B. Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia / B. Anderson. – NY., 1990.
5. Anderson B. Literature and Politics in Siam in the American Era / B. Anderson. – Ithaca, 1986.
6. Anderson B. Spectres of Comparison / B. Anderson. – NY., 1998.
7. Black C. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History / C. Black. – NY., 1975.
8. Brown W. At the Edge / W. Brawn // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 556 – 576.
9. Bryant Ch. Citizenship, national identity and the accommodation of difference: Reflections on the German, French, Dutch and British cases / Ch. Bryant // New Community. – 1997. – Vol. 23. – No. 2. – P. 157 – 172.
10. Cavarero A. Politicizing Theory / A. Cavarero // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 506 – 532.
11. Chilcote R.H. The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972 / R.H. Chilcote. – NY., 1974.
12. Cohen A.P. Self consciousness: An alternative anthropology of identity / A.P. Cohen. - L. – NY., 1994.
13. Collins J. Uncommon Cultures. Popular Culture and Post-Modernism / J. Collins. – NY., 1989.
14. Cultural Studies / eds. L. Grossberg, C. Nelson, P.A. Treichler. – NY., 1992.
15. Du Gay P. Doing Cultural Studies: The Story of the Sony Walkman. Culture, Media and Identities / P. Du Gay. – L., 1997.
16. Dulles J.W. Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval / J.W. Dulles. – Austin, 1983.
17. During S. The Cultural Studies Reader / S. During. – L. – NY., 2003.
18. Edgar A., Sedgwick P. Cultural Theory: The Key Concepts / A. Edgar, P. Sedwick. – NY., 2005.
19. Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change / S. Eisenstadt. – Englewood Cliffs, 1966.
20. Eley G. Is All the World a Text? From Social History to the History of Society / G. Eley // The Historic Turn in the Human Sciences / ed. T.J. McDonald. – Ann Arbor, 1996.
21. Enloe C. Bananas, Beaches and Bases / C. Enloe. - L., 1989.
22. Feaver P.D. The Civil-Military Problematique: Huntington, Janowitz, and the Question of Civil Control / P.D. Feaver // AFS. – 1996. – Vol. 23. – No 2. – P. 149 – 178.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

23. Ferreiara-Pinto Bailey A.C. Gender Discourse and Desire in Twentieth Century Brazilian Women's Literature / A.C. Ferreiara-Pinto Bailey. – West Laffayatte, 2004.
24. Ferreiara-Pinto Bailey A.C. Looking at the Margins from the Borderlands: Understanding Gender and Ethnicity in Brazilian Women's Literature / A.C. Ferreiara-Pinto Bailey // FUN. – 2003. – Vol. 23. – No 2. – P. 38 – 41.
25. Finer S.E. The Man on Horseback: the Role of Military in Politics / S.E. Finer. – Boulder, 1988.
26. Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and Its Rivals / E. Gellner. – L., 1994.
27. Gellner E. Culture, Identity and Politics / E. Gellner. – Cambridge, 1988.
28. Gellner E. Nations and Nationalism / E. Gellner. – L., 1983.
29. Gellner E. Plough, Sword and Book / E. Gellner. – Chicago, 1988.
30. Gellner E. State and Society in the Soviet Thought / E. Gellner. – Oxford, 1988.
31. Goebel M. Nationalism, the Left and Hegemony in Latin America / M. Goebel // BLAR. – 2007. – Vol. 26. – No. 3. – P. 311 – 318.
32. Green D., Shapiro I. Pathology of Rational Choice Theory: A Critique of Application in Political Science / D. Green, I. Shapiro. – New Haven, 1994.
33. Green J.H. Challenging National Heroes and Myths: Male Homosexuality and Brazilian History / J.H. Green // http://www.tau.ac.il/eial/XII_1/green.html
34. Hall S. Cultural Studies: Two Paradigms / S. Hall // Media, Culture, and Society. – 1980. – Vol. II. – No 1.
35. Hall S. Culture, Media, Language: Working Papers in Cultural Studies, 1972-79 / S. Hall. – L., 1992.
36. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies / S.P. Huntington. – New Haven – L., 1968
37. Huntington S.P. The Soldier and the State / S.P. Huntington. – NY., 1952.
38. Iggers G. Historiography between Scholarship and Poetry: Reflections on Hayden White's Approach to Historiography / G. Iggers // Rethinking History. – 2000. – Vol. 4. – N0 3. – P. 373 – 390.
39. Jayawardena K. Feminism and Nationalism in the Third World / K. Jayawardena. - L., 1986.
40. Kateb G. The Adequacy of the Canon / G. Kateb // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 482 – 505.
41. Knight A. Democratic and Revolutionary Tradions in Latin America / A. Knight // Bulletin of Latin American Research. – 2001. – Vol. 20. – No 2. – P. 147 – 186.
42. Lehan R.D. The city in literature an intellectual and cultural history / R.D. Lehan. – Berkeley, 1998.
43. Lesser J.H. Negotiating National Identity: Immigrants and the Struggle for Ethnicity in Brazil / J.H. Lesser. – Durham, 1998.
44. Lewis J. Cultural Studies / J. Lewis. – L., 2008.
45. Love J.L. Rio Grande do Sul and Brazilian Regionalism, 1882–1930 / J.L. Love. – Stanford (California), 1971.
46. Love J.L. São Paulo in the Brazilian Federation / J.L. Love. – Stanford (California), 1988.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

47. Melching W., Velema W. Main trends in cultural history: ten essays / W. Melching, W. Velema. – Amsterdam, 1994.
48. Miller F.J. Folklore for Stalin. Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era / F.J. Miller. – NY., 1990.
49. Munslow A. Deconstructing History / A. Munslow. – Routledge, 1997.
50. Oliven R.G. National and regional identities in Brazil: Rio Grande do Sul and its Peculiarities / R.G. Oliven // Nations and Nationalism. – 2006. – Vol. 12. – No 2. – P. 303 – 320.
51. Peet R. Modern Geographical Thought / R. Peet. – NY., 1998.
52. Poster M. Cultural history and postmodernity: disciplinary readings and challenges / M. Poster. – NY., 1997.
53. Ross A. No Respect. Intellectuals and Popular Culture / A. Ross. – NY – L., 1989.
54. Schlereth T.J. Cultural history and material culture: everyday life, landscapes, museums. American material culture and folklife / T.J. Schlereth. – Ann Arbor, 1990.
55. Schmidtz D. Haw to Deserve / D. Schmidtz // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 6. – P. 774 – 799.
56. Schneider J. Boundaries of Self and Others: National Identity in Brazil and Germany / J. Schneider // Lateinamerika Analysen. – 2007. – Bd. 16. – No 1. – S. 3 – 34.
57. Shapiro I. Pathologies Revisted: Reflections on Our Critics / I. Shapiro // The Rational Choice Controversy: Economic Models of Politics Reconsidered / ed. J. Friedman. – New Haven, 1996. – P. 235 – 276.
58. Shapiro I. Problems, Methods, and Theories in the Study of Politics, or What's Wrong with Political Science and What to Do about It / I. Shapiro // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 596 – 619.
59. Shkandrij M. Russia and Ukraine. Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times / M. Shkandrij. – Montreal, 2001.
60. Showalter E.A. A Literary of their Own: British Women Novelists from Bronte to Lessing / E.A. Showalter. – Princeton, 1977.
61. The Human Mosaic: A thematic introduction to cultural geography / eds. T. Jordan, M. Domosh, L. Rowntree. – NY., 1994.
62. Tully J. Political Philosophy as a Critical Activity / J. Tully // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 533 – 555.
63. Vago S. Social Change / S. Vago. – NJ., 1989.
64. Ward R. Modern Political Systems / R. Ward. – NJ., 1963.
65. Weinstein B. Brazilian Regionalism / B. Weinstein // LARR. – 1982. – Vol. XVIII. – No 2. – P. 262 – 276.
66. White St. Pluralism, Platitude, and Paradoxes: Fifty Years of Western Political Thought / St. White // Political Theory. An International Journal of Political Philosophy. – 2002. – Vol. 30. – No 4. – P. 472 – 481.
67. Williams D. The Culture Wars in Brazil: The First Vargas Regime, 1930-1945 / D. Williams. – Durham, 2001.
68. Wirth J.D. Minas Gerais in the Brazilian Federation / J.D. Wirth. – Stanford (California), 1977.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

69. Zelinsky W. Globalization Reconsidered: The Historical Geography of Modern Western Male Attire / W. Zelinsky. – NY., 2004.

На болгарском языке

1. Алипиева А. Другият / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/drugiiat.htm
2. Алипиева А. Жената / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/zhenata.htm
3. Алипиева А. Слугата – господар / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/nacionalna/slugata.htm
4. Алипиева А. Утопии и модернизъм / А. Алипиева // http://liternet.bg/publish/aalipieva/utopii.htm
5. Василев С. Между «своето» и своето / С. Василев // http://liternet.bg/publish/savasilev/zodiakyt.htm
6. Вачева А. Дискурси на модерността: опит за постмодерне разбиране / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/kritika3/diskursi.htm
7. Вачева А. Естетика и норма. Предизвикателства на идеология / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/kritika4/estetika.htm
8. Вачева А. Литературоведът - между текста и метатекста / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/literaturovedyt.htm
9. Вачева А. Менталните карти на култура (модерният дебат за “родно” и “чуждо” през 20-те и 30-те години на XX век) / А. Вачева // http://liternet.bg/publish4/avacheva/mentalnite.htm
10. Даскалова К. Българските жени в социални движения, закони и дискурси (1840-1940) / К. Даскалова // От сянката на историята. Жените в българското общество и култура (1840-1940) / съст. К. Даскалова. – София, 1998. – С. 11 – 42.
11. Дачев М. Граници на езика в модернистичното съзнание / М. Дачев // Езиците на европейската модерност. Български и словашки прочити / съст. Ц. Атанасова, Х. Балабанова, Я. Кошка. – София, 2000.
12. Мишкова Д. Предимствата на изостаналия – началото на балканската модернизация / Д. Мишкова // Социологически проблеми. – 1995. – № 2. – С. 36 – 53.

На украинском языке

1. Агеєва В. Жіночий простір. Феміністичний дискурс українського модернізму / В. Агеєва. – Київ, 2003.
2. Гундорова Т. Femina Melancholica. Стать і культура в гендерній утопії Ольги Кобилянської / Т. Гундорова. – Київ, 2002.
3. Забужко О. Жінка-автор у колоніальній культурі, або Знадоби до української гендерної міфології / О. Забужко // Забужко О. Хроніки від Фортінбраса / О. Забужко. – Київ, 1999.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

4. Касьянов Г. Теорії нації та націоналізму / Г. Касьянов. – Київ, 1999.
5. Шкандрій М. В обіймах імперії. Російська і українська література новітньої доби / М. Шкандрій. – Київ, 2004.

На других языках

1. Alvarez Z. El nacionalismo argentine / Z. Alvares. – Buenos Aires, 1975.
2. Buchrucker Ch. Nacionalismo y peronsmo. La Argentina en la crisis ideológica mundial (1927-1955) / Ch. Buchrucker. – Buenos Aires, 1987.
3. Fiorucci F. ¿Aliados o enemigos? Los intelectuales en los gobiernos de Vargas y Perón / F. Fiorucci // EIAL. – 2004. – Vol. 15. – No 2.
4. Gerassi M.N. Los nacionalistas / M.N. Gerassi. – Buenos Aires, 1968.
5. Senkman L. Nacionalismo e Inmigración: La Cuestión Etnica en las Elites Liberales e Intelectuales Argentinas: 1919-1940 / L. Senkman // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.
6. Smith A.D. Nacionalismo e indigenismo: la búsqueda de un pasado auténtico / A.D. Smith // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 2.
7. Spektorowski A. Argentina 1930-1940: nacionalismo integral, justicia social y clase obrera / A. Spektorowski // EIAL. – 1991. – Vol. 2. – No 1.

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Сокращения

ARSS = Actes de la Recherche en Sciences Sociales
AS = Azioni Sociale
BLAR = Bulletin of Latin American Research
BMTIC = Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio
BRIL = Brasília. Revista de Informação Legislativa
CAL = Cahiers des Ameriques Latines
CC = Ciência e Cultura
CI = Contexto Internacional
CM = Correio da Manhã
CO = A Classe Operária
CP = Cultura Política
DL = Diálogos Latinoamericanos
DN = Diário de Noticias
EA = Estudos Avançados
ECB = Encontros com a Civilização Brasileira
EIAL = Estudios Interdisciplinarios de America Latina y el Caribe
EH = Estudos Históricos
ES = Estudos de Sociologia
FAS = Fuerzas Armadas y Sociedad
FRHEC = Fênix. Revista de História e Estudos Culturais
FS = Fôlha da Semana
FUN = Feministas Unidas Newsletter
IAA = Ibero-Amerikanisches Archiv
IREL = Ipotesi: revista de Estudos Literários
JB = Jornal do Brasil
JGSWGL = Jahrbuch für Geschichtes von Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Lateinamerikas
JLAS = Journal of Latin American Studies
JSS = Journal of Strategic Studies
HAHR = Hispanic American Historical Review
HQD = História: Questões e Debates
HP = História e Perspectiva
HR = The Human Relations
LARR = Latin American Research Review
MRVH = Mneme – Revista Virtual de Humanidades
NE = Nova Economia
NR = Novos rumos
PB = Problemas brasileiras
PRHI = Prismas. Revista de História Intelectual
RBCS = Revista Brasileira de ciências sociais
RBE = Revista Brasileira de Educação
RBH = Revista brasileira de história
RBPI = Revista Brasileira de Política Internacional
RBEP = Revista Brasileira de Estudos Políticos
RCP = Revista de Ciência Política
RCM = Revista do Clube Militar
RIC FFC = Revista de Iniciação Científica da FFC
RHR = Revista de História Regional
REB = Revista Eclesiástica Brasileira
RECH = Revista Eletrônica Cadernos de História
RPPC = Revista de Pesquisa e Pós-Gradução
RTH = Revista Tempos Históricos
TS(RS) = Tempo Social. Revista de sociologia
VH = Varia Historia

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com

Научное издание

Максим Валерьевич КИРЧАНОВ

Руритания vs Мегаломания:
политический национализм и националистическое
воображение в Бразилии в XX веке
(литература и идентичность в социальных
трансформациях и модернизациях)

Монография

На русском языке

ООО Издательство «Научная книга»
394077, г. Воронеж, ул. Маршала Жукова, 3-244
http://sbook.ru

Отпечатано в ООО ИПЦ «Научная книга»
г. Воронеж, пр-т Труда, д. 48
тел. (4732) 205-715, 29-79-69
e-mail: ipc@sbook.ru

PDF created with pdfFactory Pro trial version www.pdffactory.com